

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities



RSUH/RGGU BULLETIN
№ 15 (137)

Academic Journal

Series:
Law

Moscow 2014

ВЕСТНИК РГГУ
№ 15 (137)

Научный журнал

Серия «Юридические науки»

Москва 2014

УДК 340(07)
ББК 66я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Серия «Юридические науки»

Редакционная коллегия:
С.В. Тимофеев – отв. редактор
Л.И. Глухарева – зам. отв. редактора

Редакционный совет серии:

А.З. Арсенян
Н.И. Архипова
П.А. Астахов
Н.И. Косякова
С. Мраз (Словакия)
А.Д. Селюков
О.И. Тиунов
А. Эммер (Великобритания)

Редакционная коллегия серии:

Н.В. Бандурина
В.О. Бежанов
В.Н. Белоновский
С.В. Жучков
В.Ф. Калина
И.Н. Крапчатова
Г.Ю. Курскова
А.В. Милохова
Ю.С. Сидорович

Номер подготовили:

Л.И. Глухарева

СОДЕРЖАНИЕ

Методология права

В.А. Цыгановкин

Правовое регулирование: феноменологический и субстанциональный подходы	13
---	----

Социокультурная антропология

Л.И. Глухарева, Е.И. Тимина

Иррациональность рационального человека	18
---	----

Проблемы федерализма

В.Ф. Калина

Российский федерализм как исторический феномен (историко-правовой аспект)	28
--	----

Правовое регулирование инновационной деятельности

Н.И. Косякова

Правовое обеспечение развития инновационной деятельности в Российской Федерации	38
--	----

Предпринимательское право

Г.Ф. Ручкина

К вопросу о правовом регулировании социальной значимости предпринимательской деятельности	48
--	----

Т.В. Белова

К вопросу о приобретении и прекращении права собственности индивидуальным предпринимателем	54
---	----

Инвестиционное право

Г.В. Симомян

Правовое положение Российской Федерации как субъекта инвестиционных правоотношений и порядок взаимодействия с зарубежными государствами по вопросам защиты государственных инвестиций	61
--	----

Страховое право

С.В. Жучков

Особенности современного состояния правового обеспечения обязательного медицинского страхования в России	69
---	----

Правовые аспекты интеллектуальной деятельности

К.Л. Мальцев, Е.С. Климович

Методика оценки стоимости результата интеллектуальной деятельности, содержащегося в научно-исследовательской работе	75
---	----

Авторское право

М.С. Андрианова

Правовая охрана аудиовизуального искусства (кинематографа): этапы развития	82
---	----

Экологическое право

А.Г. Нецветаев

Правовое регулирование отношений лесопользования в Российской Федерации (купля-продажа лесных насаждений)	93
--	----

Борьба с преступностью и правонарушениями

В.О. Бежанов

К вопросу о значимости критерия общественной опасности в оценке административных правонарушений	100
--	-----

<i>И.Н. Маркина</i> К вопросу о мотивах и целях серийных сексуальных убийств	106
---	-----

<i>И.Н. Крапчатова</i> Преступления против правосудия по законодательству Российской Федерации и стран Прибалтики	112
---	-----

Зарубежное право

<i>С. Мраз</i> Мультилингвистический фактор коммунитарного права	116
---	-----

<i>А.А. Селезнёв</i> Ответственность за наемничество по французскому уголовному законодательству	123
--	-----

Научное наследие

<i>Г.Ю. Курскова</i> Учение о государстве и праве И. Канта	133
---	-----

Персоналии

<i>В.Н. Белоновский</i> Парламентарий двух эпох: Белановский Дмитрий Константинович (штрихи к портрету)	139
---	-----

Трибуна молодого ученого

<i>К.И. Бабуриш</i> Правовые аспекты конкуренции на товарном рынке в современных условиях	152
---	-----

<i>И.Г. Бербенева</i> Лицензирование как необходимый элемент государственного регулирувания риэлторской деятельности	158
--	-----

<i>А.Х. Гафурова</i> Предметы роскоши – необходимость или право выбора?	164
--	-----

<i>Я.В. Михеев</i> Становление и развитие нормативно-правового регулирования в области размещения государственного оборонного заказа в Российской Федерации	168
--	-----

<i>А.А. Цыганков</i> Правовой режим корреспондентского счета как разновидности банковских счетов	174
--	-----

<i>Н.В. Лимина</i> Цели и задачи создания и введения клинического компонента в образовательную программу обучения студентов-юристов	180
---	-----

Рецензии

<i>В.Н. Белоновский</i> Юридическая техника как поэзия права (Рецензия: <i>Калина В.Ф.</i> Юридическая техника: Учебник для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 291 с.)	188
---	-----

Научная жизнь

<i>Л.И. Глухарева, Е.С. Лапатухина</i> Язык и логика закона и права: Муромцевские чтения	192
Abstracts	203
Сведения об авторах	212

CONTENTS

Methodology of law

V. Tsiganovkin

Legal regulation: phenomenological and substantive approaches 13

Social and cultural anthropology

L. Glukhareva, E. Timina

Irrationality of rational individual 18

Challenge of federalism

V. Kalina

Russian federalism as the historical phenomenon
(historical and legal aspects) 28

Legal regulation of innovation activity

N. Kosyakova

Legal support for the development of innovation
in the Russian Federation 38

Entrepreneurial law

G. Ruchkina

Revisiting the legal regulation of the social importance
of entrepreneurial activity 48

T. Belova

To the question of acquisition and the property right termination
by the individual entrepreneur 54

Investment law

G. Simonyan

Legal status of the Russian Federation as a legal subject of investment relations and the order of interaction with foreign states on the protection of public investment	61
---	----

Insurance law

S. Zhuchkov

Features of the current status legal support mandatory health insurance in the Russia	69
---	----

Legal aspects of intellectual activity

K. Maltsev, E. Klimovich

The method of estimation of cost of the intellectual property contained in the research work	75
--	----

Copyright law

M. Andrianova

Legal protection of audiovisual arts (cinema) stages of development	82
---	----

Environmental law

A. Netsvetaev

Legislative regulation of the forest tenure relations in the Russian Federation (sale of forest stands)	93
---	----

Crime and delinquency prevention

V. Bezhanov

To the question about the significance of the criterion of public security in assessing the administrative offences	100
---	-----

I. Markina

To the question of motives and purposes of serial sexual murders	106
--	-----

<i>I. Krapchatova</i> Crimes against justice under the legislation of the Russian Federation and Baltic countries	112
---	-----

Foreign law

<i>S. Mraz</i> Multi-linguistic factor of community law	116
--	-----

<i>A. Seleznev</i> Responsibility for mercenarism by French criminal law	123
---	-----

Researches

<i>G. Kurskova</i> Teaching about state and law by I. Kant	133
---	-----

Persons

<i>V. Belonovskiy</i> Parliamentarian of two epochs: Belonovskiy Dmitriy Constantinovich (primes to the portrait)	139
---	-----

Young Scientists' forum

<i>K. Baburin</i> Legal aspects of the competition in the commodity market in modern conditions	152
---	-----

<i>I. Berbeneva</i> Licensing as necessary element of state regulation of realtor activity	158
---	-----

<i>A. Gafurova</i> Luxury items – need or right to choice?	164
---	-----

<i>Ya. Mikheyev</i> Formation and development of standard and legal regulation in the field of placement of the state defensive order in the Russian Federation	168
--	-----

<i>A. Tsygankov</i> Legal regime of correspondent account as kinds of bank accounts	174
--	-----

<i>N. Limina</i> Aims and tasks of creation and introduction of the clinical component of the educational program of training the students-lawyers	180
--	-----

Reviews

<i>V. Belonovskiy</i> Juridical technology as poetry of the right (Review: <i>Kalina V.F.</i> The juridical technology: Textbook for applied bachelor. M.: Publishing House of Yurayt, 2014. 291 s.)	188
--	-----

Science activity

<i>L. Glukhareva, E. Lapatukhina</i> Language and logic of rule and law: Muromtsev Readings	192
Abstracts	203
General data about the authors	214

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ И СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

В статье рассматривается соотношение основных подходов к научному объяснению феномена правового регулирования в современной российской юриспруденции, показывающее недостатки классических позитивистских дискурсов. Демонстрируется необходимость изменения подхода к определению «правовое регулирование» с чисто феноменологического на содержательный.

Ключевые слова: правовое регулирование, позитивизм, феноменологический подход, содержательный подход, сущность права.

Тот факт, что в современной юридической науке отсутствует единообразное понимание феномена правового регулирования, объясняется не только многозначностью самого термина «регулирование», но и различными философско-методологическими подходами к данному явлению. Необходимо также иметь в виду, что правовое регулирование – сложное, многомерное явление, проявляющееся в разных организационных формах, методах и способах его осуществления. Тем не менее возможно отметить два принципиально различных макроподхода к его пониманию в отечественной юридической литературе, условно обозначаемые нами как «феноменологический» и «содержательный». Данная дихотомия исходит из того, что в современном науковедении по адекватности отображения исследуемой области и глубине проникновения в сущность изучаемых явлений различают феноменологические теории, которые описывают действительность на уровне явлений, или феноменов, не раскрывая их сущности, и нефеноменологические теории, называемые также аналитическими или объясняющими,

которые не только отображают внешние связи между явлениями и их свойствами, но и раскрывают глубинный внутренний механизм изучаемых явлений и процессов и их качественную определенность¹.

Большинство современных концепций правового регулирования представляют собой феноменологические описательные теории, поскольку не затрагивают специфической сущности данного явления. Фактически общепринятым в российской юриспруденции является представление о правовом регулировании как о наиболее эффективном способе упорядочения социальных взаимодействий, обладающем качеством верховенства во всей системе соционормативной регуляции общества².

В рамках этой широкой феноменологической парадигмы³ наиболее распространенным является *этатистский подход*, который предполагает отождествление правового регулирования с властным упорядочиванием социального поведения со стороны акторов, выступающих от имени «государства»⁴. Подобное понимание правовой регуляции как властного воздействия на общество посредством «правовых норм», предписывающих определенный образ действий, в целом характерно для современной российской юридической науки и литературы как преобладающее⁵. При единстве понимания официально-властного (силового) характера источника такого регулирования авторские подходы здесь различаются лишь пониманием феномена «нормы», что соответствует разделению позитивизма на формалистическое (так называемое нормативистское) и социологическое направления⁶.

Справедливости ради следует отметить, что подход, лишь условно обозначенный нами как *этатистский*, свойственен не только значительной части российского юридического сообщества, но просматривается также в англоязычном сегменте социальной науки. Формулировка Г. Хеллера о том, что именно политическое, властное «искусство преобразовывать общественные тенденции в правовые формы»⁷ составляет суть общеобязательного нормативного регулирования, выражает давнюю теоретическую позицию множества западных мыслителей и ученых⁸. Поэтому отнюдь не бесосновательно термин *legal regulation* зачастую переводится на русский язык в том же значении, что и *state regulation*, т. е. «государственное регулирование»⁹.

«Социологический» подход к правовому регулированию (с точки зрения его субъектного состава) в рамках феноменологического позитивистского направления предполагает, что субъектами правовой регуляции выступают не только публично-властные акторы,

но и другие социальные субъекты – общественные организации, индивиды и т. д.¹⁰ Однако, как и в случае этатистского подхода, здесь качество «правового» в социальном регулировании также определяется через критерий «верховенства» или «наибольшей эффективности», т. е. исключительно феноменологически.

Принципиально иной подход, назовем его «субстанциональным» (содержательным), заключается в том, что правовое регулирование выступает как, возможно, и не преобладающий (не самый эффективный «здесь и сейчас»), но качественно специфический способ упорядочения социальных взаимодействий по принципу равной свободы взаимодействующих субъектов¹¹. Данный подход при этом не отрицает, что государственное регулирование представляет собой важнейшую составную часть соционормативной, в том числе правовой, системы общества. Однако с точки зрения субстанционального (содержательного) подхода государственное воздействие на общество может иметь также характер неправового регулирования. Следовательно, в рамках этого подхода, давая определение именно *правового* государственного регулирования (в традиционной терминологии – государственно-правового), мы должны указать на сущностную связь упорядочивающего воздействия подобного (властного) типа с правом, что позволит специфицировать его среди других типов регуляции общественных процессов.

В рамках субстанционального (содержательного) подхода правовое регулирование определяется как форма социального взаимодействия (и воздействия, в том числе со стороны государства), упорядочивающая поведение людей по принципу равной правоспособности. В аспекте государственности такое регулирование осуществляется посредством публично-правовых институтов, прежде всего в случаях нарушения права для его защиты, и в конечном итоге также служит сущностной цели правовой регуляции – обеспечению равноправного социального взаимодействия людей в обществе по принципу верховенства прав и свобод.

Наличие такого критерия различения правового и неправового (в том числе государственного) регулирования составляет познавательно-аналитическое преимущество субстанциональной (содержательной) теории в противоположность позитивистской юриспруденции, догматичность которой выражается в некритическом отношении к действующим официальным регулятивным институтам¹².

Современный научный подход в юриспруденции требует не только описания права как социального феномена, но и объяснения его как специфического и самостоятельного по содержанию явле-

ния. Это позволит, наконец, прийти к важнейшему для предмета юриспруденции пониманию, что «право может стоять на собственном фундаменте, оно – базовый регулятор общества, ему нет необходимости тащиться вслед за экономикой, его не следует выводить оттуда или отсюда, рассматривать как производное от религии, как перелицованную мораль или адаптированную политику»¹³. При этом выявление специфики различных социальных норм является необходимой предпосылкой для уяснения содержания и характера соотношения правовых и неправовых норм в рамках выполняемых ими функций социальной регуляции, критериев «разделения труда» и «сфер влияния» между ними¹⁴.

Проблема нефеноменологического характера теории правового регулирования непосредственным образом также связана с применением собственного метода юридической науки, поскольку теоретические законы, которые формулируются путем мыслительных действий с абстрактными, идеализированными объектами, т. е. с помощью собственного метода данной науки, возможны именно в рамках нефеноменологических теорий.

Таким образом, с точки зрения современных постклассических стандартов научности субстанциональная (содержательная) трактовка права необходима для объяснения критериев его обособления в системе социальной регуляции, а также для обоснования статуса юриспруденции как самостоятельной науки, располагающей собственным, отличным от других наук методом познания социальной реальности.

Примечания

- ¹ Кохановский В.П. и др. Основы философии науки. 7-е изд. Ростов н/Д, 2010. С. 121.
- ² Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб.: Астерион, 2010. С. 71; Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. 5-е изд. М., 2006. С. 673.
- ³ От С.С. Алексеева и А.В. Малько до Г.В. Мальцева и И.Л. Честнова.
- ⁴ См., например: Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2004. С. 153; Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Указ. соч. С. 673; Червонюк В.И. Теория государства и права. М.: Инфра-М, 2009. С. 308.
- ⁵ «Государственное регулирование исследуется наукой как проблема правового регулирования, поскольку никакого различия между ними не проводится», – отмечает Н.А. Пьянов (см.: Пьянов Н.А. Государственное регулирование как

- самостоятельная научная проблема // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 60). Хотя, безусловно, есть и немало ученых, различающих данные явления (см., например: *Тихомиров Ю.А.* Нормативное регулирование: взлет или кризис? // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 6).
- 6 Целая группа определений, осуществляемых через «логический круг» (а правовое регулирование – это регулирование с помощью *правых* средств), также в целом находится по существу в рамках феноменологического, как правило, этатистского подхода (об этом см., например: *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 1994. С. 55; *Бобылев А.И.* Теоретические проблемы правового регулирования // Право и политика. 2002. № 8. С. 10; *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. М., 2004. С. 24; *Шундиков К.В.* Механизм правового регулирования. Саратов, 2001. С. 54).
 - 7 Цит. по: *Зуев В.И.* «Власть» в системе политических категорий // Государство и право. 1992. № 5. С. 90.
 - 8 См. например: *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 311; *Austin J.* Lectures of the Jurisprudence or Philosophy of Positive Law: In 2 vols. 3rd ed. L., 1869. P. 240.
 - 9 *Гарнов К.Д., Иноземцева Н.Г.* Англо-русский политический словарь. М.: Руссо, 2005. С. 686.
 - 10 Так, по мнению В.И. Гоймана, понятие правового регулирования «охватывает как деятельность государства, его компетентных органов, связанную с выработкой юридических установлений и определением юридических средств обеспечения их деятельности, а также деятельность непосредственных участников общественных отношений, направленную на поиск и привлечение средств юридического регулирования для согласования своего поведения с правом» (*Гойман В.И.* Действие права (методологический анализ). М., 1992. С. 56).
 - 11 См., например: *Варламова Н.В.* Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации / Под ред. Н.С. Соколовой. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 335–350; *Мамут Л.С.* Правовое общение: очерк теории. М., 2011. С. 16–18, 62; *Четвернин В.А.* Введение в курс общей теории права и государства. М.: ИГП РАН, 2003. С. 41–47, 52.
 - 12 *Честнов И.Л.* Проблемы и перспективы юридической науки XXI века // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. СПб., 2006. С. 87.
 - 13 *Мальцев Г.В.* Ранние формы права и государства // Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2010. С. 82.
 - 14 *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2009. С. 50.

Л.И. Глухарева, Е.И. Тимина

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ РАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

В статье речь идет о роли и влиянии иррациональности как компонента человеческого поведения в сферах, традиционно считавшихся областью активности человека рационального.

Ключевые слова: рациональность, иррациональность, иррационально-рациональный человек в экономике и праве.

Существует ряд сфер человеческой деятельности, формирование и развитие которых обязано разуму и рациональности, логике и нормативности. К ним относятся, помимо прочих, экономика и юриспруденция, тесно связанные между собой в области хозяйствования, финансов, предпринимательства, торговли и др. Традиционно считалось, что в таких областях человек проявляет себя как существо рациональное и способное добиться успеха, балансируя между полезностью и издержками, соизмеряя усилия, время и материальные вложения с благополучием, интересами и выгодой. Предполагалось, что человек рациональный из имеющихся альтернативных вариантов поведения в конкретных обстоятельствах выберет тот способ действия, который будет предсказуемым, последовательным, основанным на расчете и логике. Запутанные социальные связи, в которых участвует рациональный человек, четко им дифференцируются и оцениваются с позиций разумности и целесообразности.

Однако во второй половине XX столетия научная мысль обратила внимание на односторонность понимания человеческой активности только с разумных позиций, постклассика заявила о влиянии иных источников – интуиции, озарения, чувств, мисти-

ки, подспудных смыслов, подражания и пр. Экзистенциалисты провозгласили, что опыт человека в своих предельных основаниях не может быть объективирован и представлен в виде рациональных конструкций: поскольку опыт индивидуален, то попытки его объективировать и передать другим людям приводят к созданию рациональных построений, которые уже ничего общего с этим опытом не имеют. Для передачи, «точнее – заражения опытом, более эффективны не рациональные формы рефлексии, а символический язык, языковое творчество, иносказания, тропы и т. п.»¹.

Действительно, реальность демонстрирует, что многие проблемы, в том числе и экономико-правовые, все чаще находят свое решение вне логики и нормативности, когда подключаются интуиция, эмоциональные побуждения, аналогии, расплывчатые образы и т. д. Выбор и принятие решений приходят как бы сами собой.

Р. Познер в работе «Проблемы юриспруденции», анализируя практику судей, пришел к выводу, что поиск и оценка фактов не являются в целом логическим процессом, что формальная логика занимает очень небольшое место в юридической деятельности и, более того, она оказывается непригодной для решения «трудных дел»². Показав ограниченность применения в праве формальных методов, автор утверждает, что основным используемым методом является «практическое мышление», которое включает в себя «анекдоты, самоанализ, воображение, здравый смысл, сопереживание, приписывание мотивов, авторитет говорящего, метафоры, аналогии, обычаи, память, интуицию, ожидание регулярностей и т. п.»³. Так как логика – основа рациональности, то правильно подмечает И.Л. Честнов, что не только «простой смертный человек, но и судья, отягощенный специальными знаниями, действует в юридической сфере нерационально»⁴.

Экономическая ситуация также порождает условия для логических противоречий в мышлении и активности людей, в ней все чаще наблюдается сопровождение рациональных аспектов иррациональными. Заметно понижается роль экономико-правовых стандартов как ориентиров рационального поведения. Внимание к материальному благосостоянию уступает место заботе о качестве жизни, которое отчасти достигается под влиянием нематериальных мотивов и стимулов, посредством иррациональных побуждений. В этой связи важен поиск объяснительных схем, способных указать на факторы, порождающие рационально-иррациональное поведение людей, понимание которых, возможно, приведет к новым формулировкам в экономической теории.

Опираясь на высказывание Л. Клейна о том, что «научная мысль развивается через усовершенствование, добавление и исправление существующих парадигм»⁵, естественно обратиться к междисциплинарному подходу, в рамках которого различные точки зрения и методы можно использовать как механизм прилаживания различного к неизвестному.

С этой позиции экономико-правовые явления представляют интерес как социопсихологические феномены рационально-иррациональной реакции людей на текущие и постоянно увеличивающиеся объемы разнообразной информации. Очевидно, что современная социальная, в том числе и экономико-правовая, жизнь людей глубоко ориентирована на информационные ресурсы, роль которых все более укрепляется. Реакция индивидов – рациональная либо иррациональная – возникает в ответ на самые простые события повседневной жизни, которые находятся в тесных связях друг с другом и чередуются беспрестанным потоком. В этом потоке различимы две области: то, что происходит в реальной действительности, и то, что протекает в головах людей в виде всевозможных представлений. Безусловно, что события реальной действительности реагируют («отвечают») на человеческие мысли, даже можно сказать, что вероятность экономических и правовых повторений коррелирует решениям людей, которые появляются рациональным или иррациональным путем. Чтобы оценить («взвесить») рациональность/иррациональность в поведении людей, следует обратить внимание, во-первых, на все возрастающие объемы коммуникаций, которые приводят к увеличению количества альтернативных вариантов выбора при принятии решений, во-вторых, на способность каждого индивида иметь непредсказуемую склонность изменять свои решения «на ходу». Все это подвигает к выводу об увеличении доли иррациональности при принятии решений.

В настоящее время у человека все более расширяется пространство личного выбора, каждый сам может выбирать и моделировать именно тот образ жизни, который желает. Между тем выбор стал дорогим, поскольку он вытекает из многообразной (возможно, асимметричной) информации, а значит, стоимость выбора оценивается его транзакционными издержками. Какой бы ни была стоимость выбора, успех решения измеряется личной удовлетворенностью в достижении цели, которая, в свою очередь, может иметь как рациональные, так и иррациональные мотивы. Следует признать, что не все устремления достигаются человеком во взвешенном и рациональном состоянии. Если осознанное рациональное поведение означает, что человек принял решение, ориентируясь на

какой-то желательный для себя результат, то иррациональное поведение проявляется, например, когда человек принимает решение под влиянием эмоций, которые обычно подпитаны историями про успешных людей, олицетворяющих дух времени. Рационально-иррациональное поведение в результате выражается в подражании, неосмысленном согласии, самообмане, риске и пр.

Подражание другому при принятии решения происходит, как правило, в условиях асимметричной информации. Причем, если человек находится в среде, соответствующей особенностям его поведения, то сила подражания воздействует на него в полной мере. Даже если он имеет набор вариантов поведения, его выбор и в этом случае будет подражанием действиям других людей. Кроме того, его собственный выбор в свою очередь будет оказывать влияние на поступки окружающих. Принятие решения в подражании другим исследовал, как известно, французский экономист А. Кирман в 90-х годах прошлого столетия, а немецкий математик Г. Фельмар предложил идею о «среднем поле», когда каждый отдельный агент некоторым образом знает об общем поведении остальных и может как-то реагировать на него. В результате эти идеи позволили создать математическую формулу и применить ее к описанию активности людей при принятии ими решений, а также использовать в теории игр. Все это открыло возможности для понимания существенных аспектов иррационального в рыночных операциях⁶.

Неосмысленное согласие при принятии решений возникает у людей, принадлежащих к одной группе интересов, в определенных обстоятельствах их поведение оказывается в зависимости от степени влияния силы взаимодействия между членами группы. Люди извлекают преимущества при взаимодействии друг с другом, которые порождаются благодаря последовательности действий, взаимному обмену, авторитету, благорасположению и пр. Итальянский психолог и экономист Р. Чалдини, исследуя закономерности коллективного поведения, выявил, что влияние коллектива способно вызывать определенное, автоматическое, неосмысленное согласие человека, т. е. готовность сказать «да» не задумываясь. Это может проявляться и как стадное поведение с копированием друг друга, и как смена собственного поведения в ходе развития событий и примыкание к такому движению, которое имеет шансы на успех. Факты подтверждают, что постоянно ускоряющийся темп современной жизни и ее информационная перенасыщенность делают специфическую форму бездумного согласия все более распространенной⁷. Британский философ А. Уайтхед объясняет это тем, что неизбежным качеством современной жизни становятся «быстрые

клавиши» (кратчайшие пути), по его мысли, «цивилизация прогрессирует, когда она увеличивает количество операций, которые может выполнять не задумываясь»⁸.

Состояние самообмана наступает, когда человек в достижении своих устремлений предрасположен к совершению логических ошибок. Мотивация поступков, по сути, имеет иррациональную основу, однако самообман, как показывает в своей теории американский социобиолог Р. Триверс⁹, может быть полезным: во-первых, стремление преувеличить подталкивает к совершению важных или новых действий, за которыми, возможно, последуют инновации; во-вторых, преувеличение опасности сдерживает от совершения некоторых ненужных рисков и в то же время перекрывает понимание неочевидных рисков, связанных с инвестициями, экологическими угрозами, финансовыми вкладами и т. д.; в-третьих, самообман настаивает на благоприятное будущее и позволяет адаптироваться в настоящем.

У отдельно взятого человека, обладающего свободой воли и принимающего решение, риск возникает, когда возможно не единственное развитие событий. В ситуации выбора, поскольку затронуты собственные интересы, субъективное мнение влияет на последствия событий, и сам выбор осуществляется между менее привлекательным, но более надежным результатом и более привлекательным результатом, но с меньшей надежностью. Этот оправданный выбор и рациональные сомнения предполагают лишь получение ситуативных преимуществ в деятельности. Однако часто имеет место немотивированное отношение к риску, когда люди не боятся рисковать, они уверены в успехе и редко думают о возможных проблемах, не умеют по-настоящему планировать, рискуют в мелочах, принимают дополнительные риски и пр. На рисковое поведение оказывают влияние такие личностные черты характера, как импульсивность, независимость, стремление к успеху, склонность к доминированию и т. п. В инновационной деятельности полезность риска следует отметить в качестве стимула к поиску нетрадиционных решений проблем, риск полезен и тем, что в таких ситуациях вырабатывается рациональное отношение к неудачам как к норме поведения.

Кстати, особенностью нашего времени является и быстрое изменение норм и правил поведения, что так же, как и увеличивающийся объем информации, вызывает рационально-иррациональную реакцию людей. В коллективном поведении всегда существовали стереотипы и практические правила, объединяющие людей в кластерные группы и сети обязательств. Благодаря

этому в хозяйственной деятельности сложились специализация и взаимозависимости, которые сделали возможным разделение труда, обмен товарами, услугами и пр. Научно-техническая и информационная революции раздвинули границы индивидуального и коллективного поведения. Ф. Фукуяма в «Великом разрыве» напишет, что с увеличением нашей личной свободы и ростом индивидуальной свободы выбора «нам хочется нарушить правила, которые являются ненужными, несправедливыми, неправильными или устаревшими, и мы добиваемся максимального увеличения нашей личной свободы, и в то же время мы постоянно нуждаемся в новых правилах, которые дали бы возможность возникнуть новым формам сотрудничества и позволили нам чувствовать себя связанными друг с другом в общности»¹⁰. Действительно, в результате успехов технологий, экономики, правового регулирования и т. п. общество вынуждено переустраивать себя в изменяющихся условиях. В нескончаемых переменах и дезорганизациях снижается рациональное и увеличивается иррациональное поведение человека, что в итоге оказывает влияние на общую неустойчивость социальной системы. В этом смысле люди либо с оптимизмом смотрят в будущее, либо – с разочарованием.

В наше время бесконечная череда перемен и регулярная адаптация к постоянным изменениям воздействуют на юридические нормы и иные правила поведения, которые также изменяются и сами инициируют изменения. «Перемены перешли в ту же категорию, что смерть и налоги: лучше встретиться с ними попозже, а еще лучше не встречаться никогда», – пишет американский экономист П. Друкер, отмечая особенность общества, права и экономики XXI в.¹¹ В период перемен выживает тот, кто приспосабливается к ним и использует открывающиеся возможности. Чувство уверенности, которое в современном предпринимательстве обеспечивается безопасностью жизни, социально-правовой защитой и другими протекционистскими мерами, позволяет людям действовать иррационально, что в свою очередь порождает соблазны к злоупотреблениям и недобросовестности: от бюрократического давления к вымогательству, коррупции, нарушению бухгалтерской отчетности, финансовым махинациям, захватам и поглощениям, двойным стандартам и прочим действиям, имеющим дурные мотивы и формально находящимся в рамках закона или даже выходящим за них¹².

Человеческое поведение не в меньшей степени зависит от глобальных перемен, происходящих в последние десятилетия в экономической, технической, политической и социально-правовой сферах. Анализ американского социолога Р. Инглегарта,

исследовавшего коренные ценностные сдвиги информационной эпохи, свидетельствует о постепенном изменении самого человека под влиянием технологий и информации. Он утверждает, что отражающиеся в человеке изменения в процессе его формирования являются скорее «результатом смены поколений, чем простым следствием взросления и старения самого человека»¹³. Перечисляя перемены, меняющие русло развития общества, автор делает вывод о снижении стандарта рационального поведения людей, причину чего видит в беспрецедентной физической, правовой и экономической безопасности, а также в ориентированном переходе от материалистических ценностей к постматериалистическим¹⁴. Никогда не было так велико значение индивидуальной идентификации, как в информационную эпоху, подтверждает ту же мысль британский социолог Э. Гидденс, «наше поколение, – подчеркивает он, – первое, которое не смотрит на жизнь, как на проявление слепого рока»¹⁵.

Сегодня среднестатистический потребитель предпринимает мелкие, конкретные шаги, которые приводят к большим переменам, с расширением свободы усиливается индивидуальность, растет число вариантов выбора и, соответственно, возрастает значение индивидуальных предпочтений. Чем больше вариантов, тем чаще люди в обществе обособляются по маленьким и редким интересам – самоидентифицируются. По мнению американских социологов М. Пенна и К. Залесна, маленькие и редкие интересы могут иметь влияние в будущем, создавая микротенденцию, требуется лишь накопление критической массы индивидуальных предпочтений¹⁶. Искусство установления и выявления сконцентрированных интересов становится сейчас важнейшим аспектом в маркетинге, социальных технологиях, политических кампаниях, практической юриспруденции. Уравнительный, среднестатистический подход в обществе уже перестает работать, а ежедневно совершаемый людьми выбор становится основой стратегических прогнозов будущего.

По мнению американского футуролога Д. Нейсбита, чем более технологичным делается мир, тем интенсивнее информационный гул, тем обильнее и разнообразнее сложности в обществе, которые нарастают «квантовыми скачками»¹⁷. Достаточно, чтобы 1% населения совершил осознанный выбор, лежащий вне русла господствующей тенденции, и тогда появляется движение, влекущее за собой «взрыв» и способное круто изменить мир. Мегатренды развития возникают из микротенденций, а последние зависят от степени самоорганизации групп по социальным интересам.

Люди, входящие в группы интересов, рациональны в своих поступках, поскольку разделяют установленные нормы, ценности,

мировоззрения, взаимные обязательства, ожидания и т. п. Но наряду с этим они не теряют своей индивидуальности, разнородности, разнокачественности, напротив, их неповторимость как раз и является основой для объединения усилий и возникновения, так сказать, синергетического эффекта. Взаимодействие между индивидами и координация соответствующих действий происходят через расширение их собственных возможностей и способностей на основе правил сотрудничества. В современных объединениях увеличивается формальная независимость индивидов, что проявляется через их идентичность, иррациональность, индивидуализм, самовыражение, дифференциацию и др. Параллельно возросло значение структур сетевого управления, благодаря чему индивиды и малые группы, обладающие минимальными ресурсами, обретают возможность влиять на многие социальные процессы. Индивидуальная независимость, с одной стороны, постепенно оттесняет трудовую занятость в форму аутсорсинга, переход с одной работы на другую происходит с легкостью и беззаботностью, а повседневная жизнь все более определяется иррациональными случайными обязательствами¹⁸. С другой стороны, инновации втягивают в свою орбиту таланты различных маргиналов, прежде исключенных из хозяйственной жизни, в результате периферийная часть общества с иррациональным поведением оказывается в самом центре креативного развития. Чтобы обеспечить должные условия для творчества, мобилизовать неординарно мыслящих людей для работы над перспективными идеями и продуктами, возникают совершенно новые формы инфраструктур, такие, например, как высокотехнологичный Интернет, разветвленная система венчурного финансирования, систематические затраты на исследования и разработки и т. п. Собрание же креативных личностей и перемены в работе и труде образуют новое смысловое качество хозяйственной деятельности. Синергетический эффект создает творение в целом выше, чем генерация отдельно взятого индивидуума. В литературе верно подмечено, что основным источником конкурентоспособности, лидерства и превосходства становится человеческий интеллект, способный рождать новые смыслы, моделировать и строить будущее, адаптироваться к условиям динамической среды. В результате значительных изменений, влияющих на стиль хозяйственной деятельности, выделился новый сегмент занятости – творческие профессионалы, чья функция заключается в создании нематериальных активов, приносящих материальные дивиденды, они создают новые идеи, новые технологии, продукцию с новым креативным содержанием. Таким образом, представители творческого сегмента с распространенным

иррациональным поведением становятся главными действующими лицами информационно-когнитивного общества.

Можно полагать, что общество меняется, потому что в значительной степени мы этого хотим. Успех в хозяйственной деятельности принадлежит тому, кто легко «пристраивается» к разнообразным изменениям. Легкость и беззаботность удается тем, кому свойственно сочетать рациональное и иррациональное поведение. Причем иррациональность возникает не как случайное отклонение и при определенных условиях способна брать верх над рациональностью. Рационально-иррациональное поведение человека связано с его психологической особенностью и является реакцией на постоянно увеличивающийся объем информации и изменяющиеся правила.

Рационально-иррациональное поведение – пока еще мало изученный показатель информационно-когнитивного общества, экономической и юридической деятельности. «Рационально-иррациональное» не означает, однако, отрицания рациональности вообще и возможностей разума в процессе познания и деятельности. Речь идет о своего рода изменении в расстановке акцентов, когда место и роль этих двух все пронизывающих антропологических и исторических констант (рационального и иррационального) радикально пересматриваются. Перед наукой стоит задача гармонизировать и примирить глубоко родственные по сути, хотя в то же время различные, элементы человеческих способностей – разум с рассудком, волю с эмоциями и фантазией.

Примечания

- ¹ См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. С. 312.
- ² Posner R. The Problems of Jurisprudens. Chicago, 1990. P. 48–55.
- ³ Ibid. P. 73.
- ⁴ Честнов И.Л. Актуальные проблемы конституционного права: Учебник / Под ред. В.П. Журавлева, А.Э. Чернокова. СПб.: ИВЭСЭП, 2012. С. 14.
- ⁵ Клейн Л. Что мы, экономисты, знаем о переходе к рыночной системе. Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996. С. 29.
- ⁶ Подробнее см.: Болл Ф. Критическая масса. Как одни явления порождают другие. М.: Гелиос, 2008. С. 239.
- ⁷ Чалдини Р. Психология влияния. Как научиться убеждать и добиваться успеха. М.: Эксмо, 2010. С. 14–15, 41.
- ⁸ Там же. С. 24–25.

- ⁹ Цит по кн.: *Тaleb Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КолЛибри; Азбука-Аттикус, 2010. С. 318.
- ¹⁰ *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. С. 28.
- ¹¹ *Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс, 2007. С. 106.
- ¹² См.: *Акерлоф Дж., Шиллер Р.* Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это так важно для мирового капитализма. М.: Юнайтед Пресс, 2011. С. 33–85.
- ¹³ См.: *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе. Новая индустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 250.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Липси Д.* С точки зрения скептика // Ле Гранд Дж. Другая невидимая рука: предоставление общественных услуг на основе выбора и конкуренции. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 218.
- ¹⁶ См.: *Пенн М.Дж., Залесн К.Э.* Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М.: АСТ, 2009. С. 11–13.
- ¹⁷ *Нейсбит Д.* Старт! Или настраиваем ум! Перестрой мышление и загляни в будущее. М.: АСТ, 2009. С. 12–13.
- ¹⁸ См.: *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2007. С. 22.

Проблемы федерализма

В.Ф. Калина

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (историко-правовой аспект)

Данная статья является второй в цикле статей, посвященных проблеме становления и развития российской модели федерализма в контексте развития мирового федерализма. Автор ставит своей целью, как и в предыдущей статье, показать своеобразие и уникальность российского опыта. Вместе с тем ставится вопрос о необходимости переосмысления ряда положений с учетом меняющейся политической обстановки.

Ключевые слова: федерализм, российская модель федерализма, государственная целостность, территориальная целостность, суверенитет.

Чем дальше уходят в историю бурные события начала 90-х годов прошлого столетия, тем отчетливее понимается правильность выбора России, вставшей на путь последовательного утверждения федеративных отношений. Россия вступила на путь федерализации в обстановке глубокого кризиса своей государственности. РСФСР с самого начала своего образования была унитарным государством и не имела необходимых для регулирования федеративных отношений властных структур. Она представляла собой так называемую псевдофедерацию, которая, по словам И.А. Ильина, не возникает в органическом порядке снизу, а искусственно и подражательно насаждается сверху¹. И только своевременное подписание Федеративного договора, который конституировал бывшие административные единицы России в качестве субъектов Федерации, позволило сделать реальный шаг к сохранению России как целостной системы, в которой каждый регион занял соответствующее место².

Однако до внутреннего политического баланса, до прохождения так называемой точки невозврата предстояло пройти нелегкий путь. Татарстан, а это одна из самых крупных по потенциалу республик в составе России, не подписал Федеративный договор, не провел референдум по принятию Конституции РФ. 6 ноября 1992 г. была принята Конституция Республики Татарстан, в которой республика провозглашалась суверенным государством, субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией на основе Договора о взаимном делегировании предметов ведения и полномочий. Еще раньше (1 ноября 1991 г.) о своем суверенитете и отрыве от России объявила Чечня. Тыва записала в своей Конституции положение о праве выхода из состава России, Республика Алтай и Республика Саха (Якутия) – о праве собственности на все природные ресурсы на своей территории. Некоторые предлагали привести федеральную Конституцию в соответствие с основными законами субъектов Федерации³.

Конституция РФ 1993 г. окончательно оформила образование федеративного государства и подвела под него правовую базу, а референдарный порядок ее принятия показал, что народ многонациональной России высказался за сохранение единого Российского государства в его исторических границах. Кроме того, Конституция РФ отразила принципиально новый подход к пониманию федерализма по сравнению с предыдущими советскими конституциями, она впервые закрепила разграничение предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами Федерации.

Переход к новой системе федеративных отношений оказался сложным по многим причинам. Во-первых, отсутствие правового механизма регулирования внутригосударственных отношений. На практике оказалось весьма сложным определить границы компетенции государственных органов власти как федеральных, так и региональных. Во-вторых, отсутствие подготовленных кадров и опыта работы в новых условиях. В-третьих, наличие противоречий в самой Конституции, вызванных политическими компромиссами переходного периода, среди которых наиболее сложными стали асимметрия субъектов Федерации и нелогичность построения так называемых сложных субъектов Федерации, когда один равноправный субъект Федерации (край или область) включает в себя другой равноправный субъект (автономный округ)⁴.

На основе ранее унитарной РСФСР, хотя и именовавшейся федерацией, возникла новая, со всеми присущими атрибутами, самая крупная в мире по числу субъектов Российская Федерация, которая унаследовала от прежней РСФСР следующее деление: националь-

ные республики в составе России, края, области, автономные округа, города федерального значения, автономная область. Обретение субъектом Федерации той или иной формы не имело какого-либо объективного критерия и осуществлялось в значительной степени спонтанно, исходя главным образом из деления, унаследованного от прошлой административно-командной системы. Тем не менее с точки зрения обеспечения государственной целостности сохранение подобного деления не было лишено целесообразности. Следует, очевидно, согласиться с точкой зрения Л.В. Смирнягина, что «как бы ни были велики некоторые субъекты нашей федерации, ни один из них не обладает полноценным спектром хозяйственных секторов и элементов социальной структуры. За советскую эпоху все они оказались в сложной паутине кооперационных и других производственных связей, все зависят друг от друга и никто не способен всерьез ставить вопрос об автаркии – просто экономика местная не выдержит. Тем самым целостность страны усилена, помимо социально-культурных и политических скреп, еще и скрепами экономическими»⁵.

Уникальность российской модели федерализма заключается еще и в том, что на территории нашей страны проживает более сотни этносов. Они существенно различаются, по-разному их судьба оказалась связанной с Россией, но все они позиционировали себя как ее граждане (подданные). Важно иметь в виду, что история дает нам много примеров, когда союз государств, создавших федерацию, распался, прежде всего, в силу непреодолимых межэтнических противоречий.

Отмечая, что не все государства, вставшие на путь федерализма, реализовали потенциальные возможности этой формы государственного устройства, Н.М. Добрынин подчеркивает важность учета этнической составляющей в обеспечении устойчивого функционирования федеративной системы. При этом он считает, что «при надлежащих исторических предпосылках образования федерации и последующем динамическом ее развитии принцип структурирования государства по территориальному признаку и всемерное исключение этнического признака создают должную политическую инфраструктуру для социально-экономического развития страны. Там, где этого не произошло, рано или поздно возобладают деструктивные тенденции, которые в конечном итоге приведут к распаду и гибели федеративной системы»⁶. С данным утверждением можно было бы в полной мере согласиться только в том случае, если бы данное «всемерное исключение» могло быть реально достижимым. Во всяком случае, в России необходимо было

с самого начала мириться с тем, что в федеративном устройстве этническая составляющая будет играть существенную роль и без ее учета обеспечить нормальное функционирование государственного организма было бы невозможно. С исторической реальностью приходится мириться и находить оптимальные варианты решения возникающих с нею проблем.

Вступив на путь федеративного развития позже других государств, Россия использовала основополагающие принципы федеративных отношений. Вместе с тем на российской почве при реализации этих принципов уже обнаружилось определенное своеобразие, вызванное ее геополитическими, историческими, этнополитическими, социокультурными и иными особенностями. Сегодня, по прошествии более двух десятков лет, можно с уверенностью сказать, что России ценой огромных усилий, проб и ошибок удалось справиться с теми проблемами, которые привели, например, сегодняшнюю Украину на грань национальной катастрофы. Сказалась и воспитанная веками толерантность россиян и, прежде всего, русского этноса.

Задачей номер один было и остается укрепление единства народа (общенациональное единство), территориальная и государственная целостность России. В настоящее время, когда против России развязана неприкрытая холодная война (как показали недавние события в центре Европы и на Ближнем Востоке, она, безусловно, превратилась бы в «горячую», не будь у России сил сдерживания), самое время обратить внимание на такую важную проблему, как укрепление единства российского народа, и обратиться к страницам истории.

Наши политические оппоненты широко используют любую возможность для разжигания межнациональной вражды и ненависти в целях ослабления позиций России как внутри страны, так и в отношениях с соседями. Односторонняя подача материала создавала и создает до сих пор искаженный образ России как «тюрьмы народов» (термин, пущенный в ход маркизом де Кюстин и подхваченный В.И. Лениным). А между тем Россия никогда «тюрьмой народов» не была. Это очень аргументированно опроверг И.А. Ильин: «Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы *включить* их в *свой* имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при больше-

виках»⁷. И вот еще одно свидетельство И.А. Ильина: «Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Подверглись ли они за 150 лет денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине XVIII века и позже (1765–1809) – в числе 40–50 тысяч. К началу XX века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1,2 млн человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда, доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением услышали в их устах исконные – голштинские, вюртембергские и иные диалекты. Все сообщения о принудительной русификации были этим опровергнуты и посрамлены»⁸. Взаимных претензий при желании можно найти сколько угодно, переносить ответственность за преступления тоталитарного режима на людей нынешнего поколения, как это делают украинские националисты, – путь абсолютно порочный и бесперспективный. Критически относясь к тоталитарному режиму, не следует забывать, что советские люди воспитывались в духе интернационализма.

Тем, кто сегодня ополчился против России, называя аннексией восстановление исторической справедливости в Крыму, можно было бы напомнить, что штат Техас был аннексирован Соединенными Штатами Америки в буквальном смысле этого слова, таким же образом ими были отторгнуты от Испании Антильские острова, один из которых, Пуэрто-Рико, стал так называемой неинкорпорированной организованной территорией, зависимой от США.

К числу первостепенных задач, решать которые предстояло вновь созданной Российской Федерации, относились также: укрепление государственной и территориальной целостности, обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации над всей ее территорией, создание единой системы государственной власти и налаживание взаимодействия между всеми ее звеньями, отработка механизма разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Серьезной проблемой с самого начала стала нестыковка правовых систем Российской Федерации и ее субъектов. Многие отступления от федерального законодательства носили принципиальный характер. Прежде всего, это касалось суверенитета и соответствия регионального законодательства федеральному законодательству. Противостояние ветвей власти в 1993 г., закончившееся трагическими осенними событиями, со всей очевидностью поставило вопрос о создании механизма сдержек и противовесов.

Заложенный в Конституции РФ, этот механизм обеспечил конституционный порядок в стране, несмотря на серьезные разногласия во властных структурах во второй половине 90-х годов.

Конституционное закрепление принципов федерализма создает правовую основу движения России по пути уже проверенного на практике строительства гражданского общества и правового государства, в котором все элементы федеративной системы представлены как единый организм. Однако это необходимое, но недостаточное условие. Как уже не раз отмечалось, существующие на сегодняшний день модели федеративных государств сильно различаются. И не столько по формальному признаку наличия самих федеративных структур, сколько по признаку их качественного содержания и наполнения. В этом смысле Россия значительно отличается от других федеративных государств. Надо заметить, что если бы киевские власти воспользовались опытом Российской Федерации и вступили в конструктивный диалог со своими гражданами на юге и востоке страны, они могли бы избежать того, что сотворили, ослепленные ненавистью к России, выполняя заказ заокеанских хозяев⁹.

Качественное различие федераций заключается в положении личности, в отношении к человеку, к его роли как субъекта федеративных правоотношений. Для России этот момент чрезвычайно актуален в силу ее беспрецедентной асимметричности. Причем асимметрия заключается не только в различии конституционного статуса (республики, области и др.). Асимметрия проявляется и в экономической, и во многих иных сферах. Чем на самом деле является асимметричность Федерации: отступлением от единства правовой системы, вольной трактовкой понятия государственного суверенитета, поспешностью и отсутствием продуманной и научно взвешенной концепции федеративного устройства и т. д.? Есть все основания полагать, что спонтанно сложившаяся асимметрия объективно ведет к нарушению под видом реализации федеративных начал фундаментальных прав человека, поскольку верховенство федерального права основано на договоре граждан федеративного государства, а не на договоре федерального центра с субъектами Федерации. Всякое отступление от этого принципа, под каким бы предлогом оно ни подавалось, есть отступление от принципа равноправия граждан федеративного государства.

Анализ современного состояния России с точки зрения реализации провозглашенных в Конституции РФ принципов федерализма дает основание заключить, что она еще не прошла всех стадий строительства федеративных отношений, не реализовала

их преимуществ, и для того чтобы этот процесс пошел по пути, способному привести Россию к экономическому процветанию и гарантиям демократических свобод, требуется как дальнейшая теоретическая разработка принципиальных положений российского федерализма, так и создание необходимой правовой основы их реализации на практике.

Как уже отмечалось, Российская Федерация создавалась сверху путем трансформации унитарного государства, поэтому доминирующей тенденцией в процессе ее образования выступала децентрализация. Определенными кругами региональных элит данный процесс был воспринят как повод для ослабления государственного единства России, удобный момент для извлечения односторонних преимуществ, заявления территориальных претензий и т. д. Ошибочность такого подхода очевидна. Смысл и назначение децентрализации заключались совсем в ином. Прежде всего в структурном усовершенствовании Российской Федерации как системы, радикальном изменении связей и отношений между ее элементами. При этом реализация возможности системы должна осуществляться не только за счет повышения активности и результативности деятельности ее элементов (регионов), но прежде всего за счет максимализации возможностей ее структурной организации. Необходимость федеративной формы государственного устройства России сегодня мало у кого вызывает сомнение, однако ее структура с самого начала заявила о себе комплексом сложных проблем и противоречий.

Реализация любого прогрессивного явления нередко сопровождается негативными тенденциями, поэтому задачей политического руководства становится осуществление его с минимальными издержками. Это имел в виду академик Е.М. Примаков, выступая в бытность свою главой российского правительства на Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений 26 января 1999 г. Он отметил тогда ряд опасных тенденций, создающих серьезные препятствия для российского федерализма. Среди них придание в ряде регионов в явочном порядке административным границам фактического статуса государственных, попытки одностороннего изменения административных границ, создание искусственных преград на границах субъектов Федерации для свободного передвижения внутри страны продовольствия, товаров и услуг, запрет на вывоз за пределы субъекта Федерации важнейших продуктов и т. д.¹⁰

Таким образом, процессы децентрализации на российской почве оказались отягощенными опасностью экономической дезинтеграции, вызванной последствиями распада СССР, сложностями

трансформации планово-распределительной системы, глубоким системным кризисом, затрудняющим образование единого рыночного пространства, значительными различиями экономического потенциала и фактического статуса субъектов Федерации. Все это при многочисленных ошибках и слабости федерального центра, который был вынужден проводить политику политического маневрирования, при отсутствии действенной правовой системы вело к подрыву единого экономического пространства России, ослабляло эффективность стратегического курса на осуществление реформ. Воспользовавшись этим, ряд субъектов Федерации взяли курс на проведение политики «бюджетного сепаратизма», что объективно лишало федеральный центр возможности концентрации материальных средств с целью реализации общегосударственных целей. Ситуация коренным образом начала меняться с приходом к власти В.В. Путина. Свое первое президентское Послание он посвятил «диктатуре Закона». Важно было создать политико-правовой механизм реализации принципов федерализма: обеспечение суверенитета, обеспечение государственной и территориальной целостности, единого экономического пространства Российской Федерации; обеспечение равноправия и самоопределения всех народов, населяющих Россию, при наделении их единым российским гражданством; обеспечение правового паритета субъектов Федерации как в отношениях с органами власти федерального центра, так и между собой; реальное обеспечение разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов; обеспечение единства и устойчивости всей системы государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровне; создание широкой правовой базы регулирования федеративных отношений на общегосударственном и региональном уровнях.

Существенным вкладом России в развитие теории и практики федерализма явилось то, что она не только сумела сохранить государственную и территориальную целостность, разрешив при этом целый ряд весьма серьезных ситуаций. Проблемы, с которыми столкнулась Россия, не имели однозначного решения в мировой практике. Особенно это касалось суверенитета.

Суверенитет – это один из неотъемлемых атрибутов государства, и до возникновения федераций он рассматривался исключительно как международно-правовая категория. С появлением федеративных государств проблема суверенитета значительно усложнилась за счет внутривнутриполитического аспекта. В «старых» федерациях этот вопрос был решен окончательно в пользу сувере-

нитета федерации в острой борьбе сторонников единого и сильного государства с сепаратистами¹¹. При этом сепаратистские тенденции не везде удалось преодолеть и тем сохранить целостность федеративного государства¹².

Сегодня эта проблема в связи с событиями на Украине приобрела особую актуальность, поскольку переросла из чисто внутригосударственной в международно-правовую, став причиной, а при более внимательном рассмотрении – поводом обострения международной напряженности. Комплекс возникших проблем требует в ряде случаев по-новому взглянуть на уже, казалось бы, ставшие хрестоматийными положения, что, безусловно, нуждается в специальном рассмотрении.

Примечания

- ¹ *Ильин И.А.* Что такое федерация? // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 209.
- ² За последние три десятилетия произошли события, которые потребовали значительной корректировки наших представлений о федерализме. Распад СССР, Чехословакии и события на Балканах и в Крыму, нарастание федералистских тенденций в Европе от Испании до Украины создали сложный клубок проблем, разрешение которых вышло за пределы национальных интересов и приобрело характер глобальной геополитической нестабильности. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что многие из этих проблем спровоцированы США и их союзниками по НАТО для решения задач атлантической глобалистики. Нелишне вспомнить, что трагедия Древнерусского государства и всего славянского мира, связанная с ордынским нашествием, началась с распада Киевской Руси, с ослабления единства между ее народами. Тогда возобладал принцип «каждый да держит отчину свою». Не удержали. Сегодня угроза с противоположной стороны. И вновь удар в спину наносят украинские националисты.
- ³ См.: *Время.* 2000. 16 февр.
- ⁴ Данная проблема успешно разрешена в Конституции Швейцарии. В настоящее время ввиду слияния сложнопостроенных субъектов Федерации данная проблема практически решена. Прежнее устройство сохраняет только Тюменская область.
- ⁵ *Смирнягин Л.* Зуд мудрости. Как нам поделить Россию? // *Новое время.* 2003. № 28. С. 15.
- ⁶ *Добрынин Н.М.* Российский федерализм: становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск: Наука, 2005. С. 36–37.
- ⁷ *Ильин И.А.* Указ. соч. С. 330.
- ⁸ Там же.

- ⁹ Опасения ряда политических деятелей, что федерализация может положить начало расколу и угрожать целостности государства, безосновательны. Федерация – это единое государство, субъект международного права в отличие от ее составных частей. Все ныне существующие федерации сохраняют высокий уровень стабильности, а что касается сепаратизма, то он в равной мере присущ и унитарным государствам, к примеру Великобритании, Испании, Италии и др.
- ¹⁰ См.: Президент. Парламент. Правительство. 1999. № 2. С. 9.
- ¹¹ Тем не менее в Канаде за провинцией Квебек сохраняется право на сепессию, что дает основание полагать за этой провинцией право на суверенитет. При этом дважды Квебек был на грани выхода из состава федерации, причем в 1995 г. в ходе последнего референдума для реализации этого решения не хватило немногим более 40 тыс. голосов.
- ¹² Примером могут служить процессы, проходившие в ряде стран как в прошлом, так и в нынешнем веке, которые привели к распаду отдельных федераций. Например, в 1803 г. распалась Великая Колумбия, в 1840 г. – Соединенные провинции Центральной Америки, в 1898 г. – Великая республика Центральной Америки.

Правовое регулирование инновационной деятельности

Н.И. Косякова

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основе анализа развития правового регулирования и стимулирования инновационных процессов в России сделаны выводы об отсутствии должной нормативной базы и о возникшей в связи с этим неопределенности понятийного аппарата. В статье делается акцент на ведущую роль государства в развитии инновационной деятельности, постепенный переход на самофинансирование участников инновационного процесса, механизм мониторинга законодательства, развитие инновационной культуры и усиление образовательной составляющей инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная система, мониторинг законодательства, инновационная культура, образовательная составляющая инновационной инфраструктуры.

Крайне медленное развитие инновационной составляющей в российской экономике, существенно тормозящее реализацию курса на модернизацию, заставляет задуматься над недостаточно эффективным правовым регулированием данной сферы, отсутствием необходимой институциональной среды. В конце декабря 2013 г. Президент России дал Правительству Российской Федерации поручение разработать и утвердить систему мер, позволяющих отказаться от использования старых и уже неэффективных технологий и внедрить современные технологии, предусмотрев в том числе меры технического и экологического регулирования¹. Это далеко не первая попытка придать инновационное ускорение отечественной экономике. Еще в конце 1990-х годов в руководстве России созрело понимание того, что инновационная деятельность

становится важнейшим системным фактором экономического развития, формирования конкурентных преимуществ экономики и обеспечения национальной безопасности России. В соответствии с этим неоднократно предпринимались попытки законодательного регулирования и стимулирования инновационной деятельности.

В 1997 г. группа членов Совета Федерации и депутатов Госдумы предложила проект закона «Об инновационной деятельности в Российской Федерации». В 1999 г. закон «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» был принят Государственной Думой², однако в дальнейшем он был отклонен. Всего в 1997–2010 гг. в Государственную Думу вносились пять различных законопроектов об инновационной деятельности³. Неоднократно корректировалось и налоговое законодательство, куда вносились изменения, направленные на формирование благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности⁴.

Несмотря на проявленную политическую волю, состояние инновационной среды до настоящего времени подвергается справедливой критике, а правовое регулирование участия государства в инновационной деятельности в целом расценивается в литературе как бессистемное⁵. Е.О. Кузьмина проследила в госрегулировании инновационной деятельности общую тенденцию формирования уникальных субъектов правоотношений, правовых режимов, регулируемых специальными законами и подзаконными нормативными актами, плохо вписывающимися в устоявшуюся правовую систему⁶. В качестве механизма трансфера инноваций предлагаются система консультирования и соответствующий законопроект «О сельскохозяйственном консультировании»⁷. Полагаем, что отраслевой принцип лишь усложнит задачу. Выход в данном случае или в принятии профильного федерального закона, или в систематизации уже имеющейся нормативной базы. В какой-то мере здесь может быть использован зарубежный опыт⁸, но мы полагаем, что более актуальным будет обратиться к региональному законодательству. Часть субъектов РФ сформировали собственное законодательство в сфере инноваций, наиболее актуальное и современное – в Москве и Московской области⁹. В то же время количество (региональное законодательство) не перешло в качество, на начало 2014 г. специальный федеральный закон, регулирующий инновационную деятельность, так и не принят, а вопрос о его необходимости по-прежнему в центре острых дискуссий. Сопоставим как доводы сторонников и противников принятия закона, так и его возможные «плюсы» и «минусы».

Сторонники принятия ФЗ «Об основах инновационной деятельности в Российской Федерации» исходят из того, что главным инвестором и инициатором инновационных проектов в России является государство. Следовательно, данная деятельность должна регулироваться специальным законом, который определит:

- структурных участников инновационного рынка;
- стоящие перед ними цели и задачи;
- источники и формы финансовой и организационной господдержки;
- ответственность за использование государственных средств.

Оппоненты высказывают противоположную точку зрения, что данная модель направлена на закрепление существующего приоритета государства в инновационной сфере с присущим ему административным регулированием, доказавшим свою неэффективность еще в советское время, где не учитывается участие непосредственно субъектов инновационного процесса.

Именно поэтому идеи и принципы нового проекта, разработанного группой депутатов Государственной Думы, критично воспринимаются бизнес-сообществом. В предлагаемом проекте вновь слабым местом остаются механизмы поддержки инновационной деятельности. Принятие закона вряд ли будет стимулировать активность инновационных организаций и расширение их числа. В целом проект закона не имеет новизны и не вводит конкретных механизмов поддержки инноваций, а лишь описывает общие понятия. Кроме того, в этой сфере уже действует закон о малых предприятиях при вузах и НИИ 2009 г.¹⁰ В реальной конкурентной среде нет потребности в предлагаемом общем законе об инновациях, компании понимают, что если они не будут вкладываться в инновации, то проиграют.

С позиций сторонников принятия закона можно обратить внимание на неопределенность многих понятий в сфере инновационной деятельности. Действительно, понятие *инновация* в российском законодательстве не определяется, присутствуя как парная категория с промышленным производством, в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (далее – ФЗ № 209), который предусматривает оказание государственной и муниципальной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства в сфере инноваций в создании:

- инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (технопарков, технико-внедренческих и других подобных организаций);
- условий для привлечения субъектов малого и среднего предпринимательства к заключению договоров субподряда;

– акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов,

а также в содействии в оформлении авторских прав и государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности¹¹.

Указанный закон не определяет понятия *инновация* и не обозначает какого-либо ее приоритета. Так, в ст. 16 ФЗ № 209 поддержка инноваций и промышленного производства идет в одном ряду (через запятую) с ремесленничеством.

Законодатель, вероятно, исходил из того, что малые и средние предприятия более мобильны, им легче перестроиться, внедрить новые технологии и перейти на выпуск новой продукции. Отсюда внесение положений об инновациях именно в закон о поддержке малого предпринимательства. Определение технологической инновации скрыто в Форме федерального государственного статистического наблюдения № 2-МП, где инновационная деятельность определяется как деятельность предприятия, связанная с разработкой и внедрением технологически новых продуктов и процессов, а также значительных технологических усовершенствований в продуктах и процессах; технологически новых или значительно усовершенствованных услуг, новых или значительно усовершенствованных способов производства (передачи) услуг¹².

В Постановлении Росстата № 64 от 18.09.2007 г. обоснованно разделены *продуктовые* (разработка и внедрение в промышленных производствах новых и усовершенствованных продуктов) и *процессные инновации* (разработка и внедрение новых или значительно усовершенствованных производственных методов, включая способы передачи продуктов). В то же время по букве регламентирующего документа новыми они будут лишь для данного предприятия, что фактически является просто его модернизацией на более современной, может быть уже и далеко не новой в мировой практике, основе. В данной редакции трудно говорить об инновациях.

Как отмечалось, неопределенность понятий *инновация*, *инновационная деятельность* в российском законодательстве на первый взгляд может породить определенные проблемы в правовом регулировании, так как отсутствие четкого, законодательно закрепленного объекта регулирования порождает неясность того, а что, собственно, регулируется. Действительно, понятие *инновация* закреплено лишь в постановлениях Правительства РФ. Одно из них трактует *инновацию* (нововведение) как конечный результат инновационной деятельности, реализованный как новый или усовершенствованный продукт, технологический процесс, реализуемый на рынке или применяемый на практике¹³.

В другом постановлении Правительства РФ *инновационная деятельность* представлена как выполнение работ и (или) оказание услуг, ориентированных на:

- создание и выпуск принципиально новой или имеющей новые потребительские свойства продукции (товаров, услуг или работ);
- создание и внедрение новых или модернизацию действующих способов (технологий) производства, распространения и использования;
- применение каких-либо нововведений при выпуске и сбыте продукции (товаров, работ, услуг), дающих реальную экономию затрат или создающих условия для экономии¹⁴.

Соглашаясь в целом с приведенными определениями, считаем необходимым в нормативных документах делать акцент на самостоятельной разработке новых технологий, продуктов и т. п. и именно такую деятельность стимулировать льготами и кредитами. На практике нередко под инновацией понимается приобретение и установка импортного оборудования, что не является минусом, но не должно проходить как инновация.

Нельзя не учитывать и иные элементы понятийного аппарата, в том числе понятие *инновационный проект*, которое включает в себя два этапа производства инноваций: разработку новшества и реализацию новшества в виде инноваций.

Инновационные проекты могут быть следующие:

- научно-технический проект, направленный на создание устройства или технологии, но не предусматривающий инновационного этапа;
- проект по осуществлению реализации уже имеющейся новации, когда научно-технический этап в основном пройден;
- научно-технический инновационный проект, включающий в себя создание новаций в соответствии с четко сформулированной целью и предусматривающий реализацию этой новации для решения конкретных практических задач.

Рассматривая данные виды инновационных проектов, можно отметить, что в законодательстве Республики Казахстан инновационный проект понимается как комплекс мероприятий, направленных на внедрение инноваций и предусматривающих инвестиции, а также реализуемых в течение определенного срока времени и имеющих завершенный характер (п. 3 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 23 марта 2006 г. № 135-З «О государственной поддержке инновационной деятельности»¹⁵), а в Законе Украины «Об инновационной деятельности»¹⁶ инновационный проект по-

нимаются как комплект документов, определяющих процедуру и комплекс всех необходимых мер (в том числе инвестиционных) по созданию и реализации инновационного продукта и (или) инновационной продукции.

На региональном уровне, в частности в законе «Об инновационной деятельности в городе Москве», инновационный проект определяется как указанный по цели, задачам, ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, обеспечивающих разработку, производство и реализацию инновационной продукции.

Отсюда вывод о необходимости развития понятийного аппарата инновационной деятельности, который является основополагающим для формирования всех иных гражданско-правовых отношений.

Анализируя необходимость возможного принятия Федерального закона «Об инновационной деятельности», целесообразно значительное внимание уделить государственной, в том числе инновационной, политике, определить основные направления инновационной сферы, включая экономическую, социальную, информационную, правовую и др.

При этом важно выработать приоритетные задачи государства по переходу на инновационный путь развития, обеспечив создание эффективной правовой базы. Такими задачами прежде всего являются:

1) выбор основных направлений развития науки с усилением ее инновационной ориентации и реформирование, в первую очередь, ее отраслевой компоненты, имеющей преимущественно прикладной характер. Учитывая публичные и частные интересы, целесообразно достигать решения данной задачи путем постепенного перехода на самофинансирование участников инновационного процесса;

2) создание действенной системы стимулирования инновационной деятельности, основанной на выборе оптимальной инновационной стратегии с активным использованием механизмов и рычагов экономической политики, что обеспечит прогрессивные правовые преобразования в экономике с использованием новейших технологий для получения новых конкурентных преимуществ;

3) создание и совершенствование институциональной, финансовой, образовательной, рыночной, информационной составляющих инновационной инфраструктуры.

Следует обратить особое внимание на образовательную составляющую, суть которой состоит в воспитании инновационной

культуры, а именно ввести в средние и высшие учебные заведения изучение курса «Инновации» для подготовки магистрантов, аспирантов и других категорий обучающихся. В частности, хороший пример имеется в Германии, где каждый гражданин, организация заботятся об усовершенствовании процесса, в котором участвуют с помощью инноваций;

4) уточнение компетенции и согласования деятельности федеральных, региональных и местных органов власти в области формирования инновационной политики, создания соответствующей инфраструктуры, а также финансирование инновационных проектов;

5) создание эффективного управления, статистического учета механизма проведения количественного и качественного анализа инновационного предпринимательства, оценка, аудит, мониторинг использования интеллектуальных ресурсов на уровне региона, отрасли и конкретной организации.

Важно систематически проводить мониторинг инновационной деятельности бизнеса в зарубежных странах, с тем чтобы активно использовать позитивные тенденции. Представляет интерес опыт некоторых зарубежных стран, где активно применяется обследование инновационной деятельности малых предприятий на основе двух методов сбора статистической информации – государственное обследование инновационной активности предприятий (в Европейском союзе – Community Innovation Survey, в США – Business R&D and Innovation Survey, в Японии – Japanese National Innovation Survey) и обследование инновационной активности различными частными организациями, в основном на основе опросов экспертов¹⁷;

6) возложение ответственности за реализацию и координацию действий в области инновационной деятельности на определенную государственную структуру.

Решение данных задач обеспечит реализацию цикла «разработка – продвижение – реализация», что важно для развития инновационной деятельности в России.

Решение указанных основных задач для эффективного инновационного развития может быть достигнуто при наличии эффективной правовой базы. Как представляется, наиболее значимые направления развития (как и понятийный аппарат) инновационной деятельности должны найти отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Следует заметить, что принятие нормативно-правовых актов, способствующих развитию инновационной предпринимательской

деятельности, является достаточно сложной организационно-политической проблемой, затрагивающей интересы большого количества участников данных правоотношений. Рассматривая опыт европейской системы, нельзя привести ни одного случая принятия сразу пакета нормативно-правовых актов, идеально регулирующих данный вид деятельности. В осуществлении действий по разработке данного нормативного материала достаточно весомую роль играют мониторинг законодательства, а также оценка его влияния на регулируемые правоотношения.

Таким образом, разрабатывая научные концепции внедрения инноваций в российскую экономику, безусловно, следует учитывать мировой позитивный научный и практический опыт, однако необходимо не просто воспроизвести нормы иностранного права во внутреннем российском законодательстве (инкорпорация), а трансформировать их с учетом специфики объективной российской действительности.

Примечания

- ¹ Перечень поручений Президента РФ по реализации Послания Федеральному Собранию от 27 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/assignments/20004#assignment_17 (дата обращения: 18.02.2014).
- ² Проект Федерального закона № 97090719-2 «Об инновационной деятельности в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ) [Электронный ресурс] // Сейчас.ру. URL: <http://www.lawmix.ru/lawprojects/76241> (дата обращения: 21.02.2014); Проект Федерального закона № 99029071-2 «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко 2-му чтению 19.11.1999) [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://www.lawmix.ru/lawprojects/70222> (дата обращения 21.02.2014).
- ³ Проекты федеральных законов № 97090719-2, 99029071-2, 271376-5, 327066-5, 344994-5.
- ⁴ Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3923; 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
- ⁵ Студенецкая В.А. Основы законодательства, регламентирующего построение национальной инновационной системы России // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 85–86.

- ⁶ Кузьмина Е.О. Административно-правовое регулирование участия государства в инновационной деятельности в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 12.
- ⁷ Глебова А.Г. Нормативно-правовое регулирование трансферта инноваций в АПК // Аграрное и земельное право. 2013. № 1 (97). С. 140–145.
- ⁸ Зарубежный опыт широко и всесторонне рассмотрен в российской литературе. См.: Пратонина И.А. Стимулирование инноваций в малом бизнесе за рубежом // Наука и современность – 2011: Сб. мат-лов XII Междунар. научно-практ. конф.: В 3 ч. Ч. 3. Новосибирск, 2011. С. 219–223; Ерошкин А.М. Механизмы государственной финансовой поддержки инноваций за рубежом // Финансы и кредит. 2011. № 24. С. 62–70; Грибанов Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере инновационного развития // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 3. С. 64–69; и др. Ограниченный объем статьи не позволяет нам подробно анализировать опыт зарубежных стран.
- ⁹ Закон г. Москвы от 6 июня 2012 г. № 22 «О научно-технической и инновационной деятельности в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2012. № 36; Закон Московской области от 10 февраля 2011 г. № 15/2011-ОЗ (ред. от 27.07.2013) «Об инновационной политике органов государственной власти Московской области» // Ежедневные новости. Подмосковье. 2011. № 29; 2013. № 146.
- ¹⁰ Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3923; 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
- ¹¹ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006; 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6961.
- ¹² Постановление Росстата от 18 сентября 2007 г. № 64 «Об утверждении Порядка заполнения и представления формы федерального государственного статистического наблюдения № 2-МП инновация «Сведения о технологических инновациях малого предприятия»» [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. URL: <http://ak.gks.ru/statrep/2008/2.doc> (дата обращения: 30.01.2014).
- ¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 832 «Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/179112> (дата обращения: 10.02.2014).

- ¹⁴ Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года (утв. Правительством РФ от 5 августа 2005 г. № 2473п-П7) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/190268> (дата обращения: 10.02.2014).
- ¹⁵ Закон Республики Казахстан от 23.03.2006 г. № 135-III «О государственной поддержке инновационной деятельности» [Электронный ресурс] // ТОО «КАМАЛ-Консалтинг». URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=03279&цго=08001> (дата обращения: 15.02.2014).
- ¹⁶ Закон Украины об инновационной деятельности [Электронный ресурс] // ОСМД инфо. URL: http://osmd.info/menu_1/content/zakon/zakon-ob-innovatsionnoy-deyatelnosti.htm (дата обращения: 15.02.2014).
- ¹⁷ Подробнее см.: *Бортник И.М., Золоторев А.П. и др.* Инструменты анализа инновационной деятельности малого предпринимательства в России // *Инновации*. 2013. № 3 (173). С. 26–38.

Предпринимательское право

Г.Ф. Ручкина

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье поднимается вопрос о необходимости признания таких признаков, как «социальная направленность» и «общественная польза», существенных для предпринимательской деятельности, обозначается целесообразность их законодательного закрепления.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, социальная значимость, общественная полезность, социально-экономическое развитие, прибыль.

Первым нормативным актом, допускающим в тогда еще существовавшем СССР граждан к деятельности, схожей по существу с предпринимательской, стал Закон СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности»¹ (утратил силу). Данный закон, принятый в стране развитого социализма, не мог разрешенный вид деятельности назвать предпринимательской и определял ее как общественно полезную деятельность по производству товаров и оказанию платных услуг.

Как можно видеть, законодатель конца прошлого века, говоря об индивидуальной деятельности (по существу предпринимательской, но в силу идеологической консервативности таковой не названной), закрепил такой ее признак, как «общественно полезная».

Если обратиться к Закону СССР от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)»² (утратил силу), то законодатель прямо указывает на ту общественную пользу, которую должно нести юридическое лицо, имеющее коммерческую сущность, – развитие экономического потенциала страны, удовлетво-

рение материальных и духовных потребностей людей, соблюдение интересов общества.

Об общественной пользе говорится и в Законе СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-ХІ «О кооперации в СССР»³, который активизировал развитие предпринимательства во многих отраслях народного хозяйства, особенно связанных с сельским хозяйством, продуктами питания и иными товарами, пользующимися широким спросом у населения. В данном нормативном акте законодатель также обходит термин «предпринимательская деятельность», используя определение «хозяйственная и иная деятельность, имеющая важное значение для экономического и социального развития общества, рационального использования материальных и трудовых ресурсов, углубления процесса демократизации».

Такая же позиция прослеживается в Законе СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР»⁴ (утратил силу), однако в нем уже называется будущий формально статусный элемент предпринимательской деятельности – прибыль, которая может распределяться предприятием самостоятельно, с учетом положений устава.

С принятием постановления Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1558-1 «О Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР»⁵ экономика страны начинает радикально реформироваться через легализацию рыночных отношений. Наряду со свободой хозяйственной деятельности допускается свобода предпринимательства.

Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»⁶ (утратил силу) закрепил многообразие форм собственности, участвующих в обороте, обязанности и права предпринимателя, в том числе на государственную поддержку, дал определение предпринимательской деятельности, которая представляла собой зарегистрированную, инициативную, самостоятельную деятельность граждан и их объединений, осуществляемую на свой риск и под имущественную ответственность, в зависимости от организационно-правовой формы предприятия, направленную на получение прибыли.

В то же время ни о какой общественной полезности речь в определении уже не идет. Понятие предпринимательской деятельности, данное в законодательстве, соответствует пониманию предпринимательства в зарубежных странах. Например, А. Хоскинг дал определение термину «бизнес», которое ассоциируется как предпринимательство, указав на деятельность «по извлечению природных благ, производству или приобретению и продаже товаров

или оказанию услуг в обмен на другие товары, услуги или деньги к взаимной выгоде заинтересованных лиц или организаций»⁷.

В свою очередь, известные экономисты Роберт Хизрич и Алан Хоскинг определили предпринимательство (помимо таких базовых категорий, как риск и инициатива) как процесс создания чего-то нового, обладающего стоимостью, при этом предприниматель должен получать в награду не только прибыль, но и удовлетворение⁸.

В последующем, в том числе и в ст. 2 ГК РФ, государство при нормировании предпринимательской деятельности стало выделять только такие ее составляющие, как самостоятельность, получение прибыли, рисковый характер, ответственность, государственная регистрация. Что касается теоретического, научного восприятия признака «общественная полезность», то мнения специалистов, занимающихся исследованием данного вопроса, расходятся.

Некоторые считают, что если занятие законной предпринимательской деятельностью воспринимать как правомерный юридический факт, то следует такую деятельность признать общественно полезной⁹. Другие убеждены, что во всех случаях субъекты предпринимательской деятельности осуществляют общественно полезную деятельность¹⁰. Третьи отстаивают позицию, что если деятельность подходит под определение предпринимательской, то это общественно полезная деятельность¹¹. Также существует предположение, что применять понятие «обоснованный риск» к предпринимательской деятельности возможно, только если последняя служит достижению общественной цели¹².

Противники парадигмы «предпринимательская деятельность является общественно полезной при любых условиях» акцентируют внимание на конфликте публичных и частных интересов при одновременном ведении общественно полезной и предпринимательской деятельности (конкуренция двух видов деятельности¹³), при которой, как правило, коммерческая цель вытесняет общеполезные.

В судебных решениях также прослеживается различие взглядов на данную проблему, при этом утверждается, что осуществление предпринимательской деятельности не обусловлено достижением общественно полезных целей, а направлено на приумножение дохода¹⁴.

Интересна позиция по данному вопросу председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который считает, что конституционно-правовой образ предпринимателя более привлекателен, чем его образ, формируемый нормами гражданского законодательства,

хотя ГК РФ и претендует на то, чтобы считаться «экономической Конституцией». Объясняется это тем, что не государство, а именно предприниматель должен обеспечивать экономическое развитие страны через экономическое творчество и инициативу, объединяя усилия людей в целях экономического развития. Безусловно, предпринимательство – важная общественно полезная управленческая и творческая деятельность. При этом следует учитывать тот факт, что прибыль не полностью присваивается предпринимателем и направляется не только на удовлетворение его материальных интересов. Прибыль является определенным вкладом в виде уплаченных в бюджет налогов, т. е. направлена на общее благо. Таким образом, «в отличие от гражданского права в конституционном праве содержится дополнительная этическая легитимация предпринимательской деятельности»¹⁵.

С этим нельзя не согласиться, поэтому можно говорить о необходимости трансформации этической легитимации в законодательный допуск к осуществлению предпринимательской деятельности. Ограниченность лишь систематическим получением прибыли и отсутствие прямых нормативных указаний на общепользные сущностные свойства предпринимательской деятельности не способствуют привлечению предпринимателей к общественно-экономическим инновационным процессам. Прерогативой предпринимателя остается извлечение максимальной прибыли, а насколько это поможет обществу, государству – не столь существенно.

По-видимому, назрела необходимость определиться с теми экономическими и, возможно, политическими задачами, которые в настоящий момент должны возлагаться на субъектов предпринимательской деятельности. Развитие экономики, а значит и успешность осуществления предпринимательской деятельности, зависит от возможности выполнения последними конкретных функций, необходимых для данного периода времени. Именно социально-экономическая реальность обуславливает постановку вопроса о недостаточности с позиций публичных интересов методов налоговых изъятий и необходимости использования средств субъектов предпринимательской деятельности на решение социальных вопросов общественного развития. Если в начале развития предпринимательства все сосредоточивалось вокруг несения промысловиком имущественного риска¹⁶, то в дальнейшем этого оказалось недостаточно и возникла необходимость в инновационной составляющей¹⁷, а также в способности предпринимателя к выполнению управленческих функций¹⁸.

К перечисленным компонентам необходимо добавить социальную направленность (ориентированность) деятельности предпринимателя исходя из выводов, сделанных профессором А.Г. Быковым¹⁹. При этом социально ориентированными должны быть не только субъекты, выступающие в хозяйственном обороте в организационно-правовой форме некоммерческих организаций²⁰. В настоящее время социальная функция, за редким исключением, несвойственна российским субъектам предпринимательской деятельности, а участие в решении социальных задач относится скорее к морально-этическим аспектам с акцентом на добровольности такого участия.

Представляется необходимым закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации в уже имеющейся дефиниции предпринимательской деятельности ее социальную направленность и общественную полезность. Для этого достаточно, например, заимствовать из своего же российского законодательства конца прошлого века отдельные положения, раскрывающие содержание социальной направленности и общепольности, – развитие экономического потенциала страны, удовлетворение материальных и духовных потребностей людей, соблюдение интересов общества (п. 3 ст. 1 Закона СССР от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)» (утратил силу)).

Примечания

- ¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 47. Ст. 964.
- ² Там же. 1987. № 26. Ст. 385.
- ³ Там же. 1988. № 22. Ст. 355.
- ⁴ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.
- ⁵ Там же. Ст. 464.
- ⁶ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.
- ⁷ *Хоскинг А.* Курс предпринимательства: Практ. пособие: Пер. с англ. М., 1993. С. 18.
- ⁸ *Хизрич Р., Питерс М.* Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха. Вып. 1. М., 1992. Гл. 1. С. 12.
- ⁹ См.: *Миннебаев Р.Х.* Проблема соотношения понятий «юридический факт», «состав юридического факта» и «фактический (юридический) состав» // Социальное и пенсионное право. 2011. № 2. С. 14.
- ¹⁰ См.: *Фокин С.В.* Административно-правовое регулирование безопасности бизнеса // Административное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 7.
- ¹¹ См.: *Аустова Л.С.* Квалификация незаконного предпринимательства, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ // Юридический мир. 2006. № 3. С. 16.

- 12 См.: *Андреева Н.Г.* Риск в предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 2. С. 9.
- 13 *Соловьева С.В.* Некоммерческие юридические лица: конфликты внутренние и внешние // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 15–16.
- 14 Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2013 г. по делу № А58-294/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
- 15 *Андрющенко Л.В., Боголюбов С.А., Бондарь Н.С. и др.* Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М.: Норма; Инфра-М, 2011.
- 16 В 1725 г. Ричардом Кантильоном была разработана первая концепция предпринимательства, где риск и неопределенность являлись его функциональными характеристиками (см., например: *Минтусов И., Егорова-Гантман Е.* Портрет делового человека // Проблемы теории и практики управления. 1992. № 6. С. 24).
- 17 Й. Шумпетер, впервые заговоривший об инновациях как о категории, требующей теоретического исследования, представлял инновацию как средство, необходимое предпринимателю для получения прибыли (*Шумпетер Й.* Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Пер. с нем. В.С. Автономова и др. М.: Прогресс, 1982).
- 18 Американский эксперт в области предпринимательства П. Друкер считает, что управление само по себе является новой технологией и превращает американскую экономику в предпринимательскую (*Друкер П.* Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы. М.: Финансы и статистика, 1992. С. 4).
- 19 См.: *Быков А.Г.* О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // Предпринимательское право в рыночной экономике. М.: Новая правовая культура, 2004. С. 61.
- 20 Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

К ВОПРОСУ О ПРИОБРЕТЕНИИ И ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ

В статье рассматриваются особенности приобретения и прекращения права собственности на имущество индивидуального предпринимателя. Особый правовой статус индивидуального предпринимателя может быть связан с тем, что имущество принадлежит ему на праве общей совместной собственности, а это затрудняет процесс раздела и ответственности по обязательствам. Вклады индивидуального предпринимателя обладают особым правовым режимом, который распространяется на наследование таких вкладов.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, право собственности, вклады, прекращение, приобретение.

Общие для всех субъектов гражданского права основания приобретения права собственности, которые связаны с такими юридическими фактами, как действия (а не события), установлены главой 14 ГК РФ, которая ничего не говорит о специфике приобретения права собственности гражданином-предпринимателем. Однако не исключается установление особенностей приобретения и прекращения права собственности на имущество, владения, пользования и распоряжения им в зависимости от того, находится имущество в собственности гражданина или юридического лица (п. 3 ст. 212 ГК РФ). В случае установления законом такого рода особенностей или ограничений в отношении только граждан или только юридических лиц может возникнуть проблема их распространения на граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, учитывая п. 3 ст. 23 ГК РФ. Во избежание различного толкования подобных ситуаций целе-

сообразно в законах, устанавливающих данные особенности и ограничения, прямо разрешать вопрос о правах и обязанностях индивидуальных предпринимателей.

Некоторые же выводы о специфике способов приобретения и прекращения права собственности индивидуального предпринимателя можно сделать на основании глав 14 и 15 ГК РФ, хотя нормы, содержащиеся в данных главах, обращены к «собственникам» вообще.

Как и на остальных граждан, на индивидуальных предпринимателей распространяются основания приобретения права собственности как на имущество, имеющее собственника (п. 2 ст. 218 ГК РФ), так и на имущество, не имеющее собственника, на имущество, собственник которого неизвестен, либо от которого собственник отказался, или на которое он утратил право собственности (п. 3 ст. 218 ГК РФ).

Предпринимательская деятельность, если только она не является торговой в узком смысле этого слова или не связана с пассивным использованием существующего имущества, как правило, приводит к созданию новых вещей. Поэтому на индивидуального предпринимателя распространяется норма о приобретении права собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов (п. 1 ст. 218 ГК РФ). Частным случаем создания новой движимой вещи является ее создание в результате переработки не принадлежащих переработчику материалов (ст. 220 ГК РФ). Для приобретения переработчиком права собственности на такую вещь, помимо условий, указанных в п. 1 ст. 218 ГК РФ, необходимы также существенное превышение стоимости переработки над стоимостью материалов и добросовестность действий переработчика.

С точки зрения характеристики статуса индивидуального предпринимателя, конкретизации требует прежде всего такое условие, как изготовление или создание новой вещи для себя. Поскольку содержание гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя шире, чем содержание гражданско-правового статуса обычного физического лица, то указанным условием для индивидуального предпринимателя должно охватываться и создание вещи не только для целей потребительского характера («для себя» в узком смысле), но и для ее последующей продажи другим лицам в целях извлечения прибыли («для себя» в широком смысле). При этом гражданин-предприниматель может систематически изготавливать или создавать новые вещи, в том числе в результате переработки чужих материалов, для их дальнейшей продажи в

целях извлечения прибыли, приобретая таким образом право собственности.

Подобной возможности приобретения права собственности нет у гражданина, не зарегистрированного в качестве предпринимателя. В случае осуществления данным лицом деятельности по систематическому изготовлению или созданию новых вещей в целях их дальнейшей продажи и извлечения прибыли права собственности не возникает, поскольку отсутствует условие о соблюдении закона и иных правовых актов, ибо предпринимательская деятельность без государственной регистрации запрещена (п. 1 ст. 23 ГК РФ). Однако и гражданин-предприниматель не всегда может стать собственником новой вещи, например если вещь изготовлена или создана в результате деятельности, для осуществления которой требуется лицензия, отсутствующая у гражданина-предпринимателя. В то же время отсутствие в свидетельстве о регистрации индивидуального предпринимателя указания на вид деятельности, в результате которого создана новая вещь, не может служить основанием к отказу в признании права собственности на данную вещь. Это связано с общим характером гражданской правосубъектности индивидуального предпринимателя.

Указание на необходимость изготовления или создания вещи самим лицом для индивидуального предпринимателя имеет свои особенности. Если для обычных граждан речь идет о личном трудовом участии в создании вещи, то для юридических лиц такое невозможно. Юридическое лицо осуществляет изготовление и создание новых вещей только через своих работников. Поскольку трудовая правосубъектность индивидуального предпринимателя шире, чем у обычных граждан, и включает возможность иметь наемных работников, следовательно, создание вещи работником индивидуального предпринимателя при исполнении им своих трудовых обязанностей является основанием для приобретения права собственности на новую вещь самим работодателем – индивидуальным предпринимателем.

Особым способом приобретения права собственности является приватизация государственного и муниципального имущества (ст. 217, абз. 2 п. 2 ст. 235 ГК РФ). Очевидно, что гражданин может быть покупателем приватизируемого имущества, предназначенного исключительно для предпринимательской деятельности, только при условии, что он зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя.

Что касается оснований прекращения права собственности, то ст. 235 ГК РФ предусматривает лишь их примерный перечень.

В силу равенства субъектов права собственности данные основания прекращения права собственности распространяются и на индивидуальных предпринимателей. При совершении действий, направленных на прекращение права собственности, в меньшей степени, чем при приобретении данного права, проявляется специфика предпринимательской деятельности. Как было сказано выше, специфика предпринимательской деятельности в силу ее связанности с субъективной стороной, т. е. с целями совершения тех или иных действий, наиболее заметна для субъекта, приобретающего имущество, например, предназначенное исключительно для предпринимательской деятельности.

С точки зрения специфики вещных прав индивидуальных предпринимателей, интерес представляет такое основание прекращения права собственности, как отчуждение имущества, которое не может принадлежать лицу. Данное основание рассматривается в качестве одного из способов принудительного изъятия имущества у собственника (подп. 2 п. 2 ст. 235 ГК РФ) и детально урегулировано в ст. 238 ГК РФ.

Необходимость в принудительной продаже имущества возникает тогда, когда законодатель реализует возможности, заложенные в абз. 2 п. 3 ст. 212 и пп. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ. Поскольку в указанных нормах содержится возможность ограничения права собственности либо граждан, либо юридических лиц, то возникает проблема отнесения индивидуальных предпринимателей к той или иной группе субъектов гражданского права, особенно если в специальных законах отсутствует прямое указание на ограничения права собственности граждан-предпринимателей. Например, если закон запрещает гражданам иметь на праве собственности то или иное имущество, то должен ли индивидуальный предприниматель произвести его отчуждение в течение года (если законом не установлен другой срок) с момента возникновения права собственности на данное имущество, как того требует ст. 238 ГК РФ? Или же индивидуальный предприниматель, учитывая правило, закрепленное в п. 3 ст. 23 ГК РФ, может продолжать использовать подобное имущество, в том числе в предпринимательских целях? Аналогичная проблема возникает и тогда, когда для приобретения какого-либо имущества требуется особое разрешение, а в его выдаче собственнику, в том числе индивидуальному предпринимателю, отказано.

Отметим, что применение правил о принудительной продаже имущества в большей степени вероятно в отношении гражданина, не обладающего статусом индивидуального предпринимателя, по сравнению с гражданином-предпринимателем, так как содержа-

ние гражданско-правового статуса первого является более узким, чем содержание гражданско-правового статуса второго. В то же время обратная ситуация, когда имущество может находиться в собственности обычного физического лица и не может находиться в собственности индивидуального предпринимателя, вряд ли возможна.

В связи с тем, что смерть индивидуального предпринимателя означает прекращение его гражданской правосубъектности, это событие является и основанием прекращения права собственности и других вещных прав гражданина-предпринимателя. В то же время смерть является основанием наследования как единственного применимого к индивидуальным предпринимателям (как и ко всем остальным гражданам) случая универсального (общего) правопреемства, в результате которого возникают, в частности, вещные права у наследников умершего гражданина-предпринимателя. Несмотря на применение к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, правил ГК РФ, регулирующих деятельность коммерческих организаций, процедура реорганизации в отношении граждан-предпринимателей неприменима в связи с тем, что это противоречило бы существу данных правоотношений.

Согласно ч. 4 ст. 35 Конституции РФ право наследования гарантируется государством. Кроме того, в содержание правоспособности граждан включено право наследовать и завещать имущество (ст. 18 ГК РФ).

Особенности гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя влияют на наследственные правоотношения, возникающие после его смерти. Но и при жизни предпринимателя наблюдаются специфичные наследственно-правовые аспекты его гражданско-правового статуса, связанные, прежде всего, с правом завещания.

В результате наследования наследник приобретает не только права собственности и другие вещные права на имущество, входящее в наследственную массу; к нему также переходят обязательственные права и гражданско-правовые обязанности, а в ряде случаев – имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности. Другими словами, наследование возможно в отношении большинства объектов гражданских прав вне зависимости от того, регулируется ли их переход вещным, обязательственным правом или правом интеллектуальной собственности. Однако данное обстоятельство справедливо только для континентальных правовых систем, для «гражданско-правовой традиции», исполь-

зующей «сверхкатегорию “наследства” (estate), которая включает всю наследственную массу и обязательства умершего»¹.

В современном же общем праве «весь институт наследственного права является частью правоотношений по поводу реальной собственности»². Так или иначе, большую роль институт наследования играет именно при переходе вещных прав, прежде всего права собственности.

Поскольку наследодатель, являвшийся индивидуальным предпринимателем, мог быть участником обязательств, как связанных, так и не связанных с его предпринимательской деятельностью, возникает вопрос об особенностях перехода к наследнику прав и обязанностей по предпринимательскому обязательству. При этом более сложным является вопрос о переходе к наследнику именно гражданско-правовых обязанностей, являющихся пассивом (долгами) в составе наследственной массы индивидуального предпринимателя.

Необходимо отметить, что индивидуальный предприниматель может иметь не только вклады в банках, но также расчетные и иные счета, заключив с банками соответствующие договоры.

Каков режим наследования денежных средств, находящихся на расчетном счете индивидуального предпринимателя?

Представляется более правильным говорить в данном случае о наследовании не денежных средств, а прав требования к банку, принадлежащих наследодателю. Права требования наследодателя к банку могут вытекать либо из договора банковского вклада (депозита) (глава 44 ГК РФ), либо из договора банковского счета (глава 45 ГК РФ). Участником и тех и других может быть индивидуальный предприниматель. Однако действующее законодательство регулирует только вопросы наследования имущества индивидуального предпринимателя в виде денежных средств во вкладе, поскольку в 1964 г., когда принималось законодательство о наследовании, гражданам не было предоставлено право занятия предпринимательской деятельностью. В настоящее время такое право не только предоставлено гражданам, но, более того, п. 2 ст. 861 ГК РФ устанавливает общее правило о необходимости безналичного характера расчетов с участием граждан-предпринимателей. Однако редакция указанной нормы закона ограничивает ее применение расчетами, связанными с осуществлением гражданами предпринимательской деятельности. Тем не менее нельзя говорить о полноценном действии данного правила, поскольку второе предложение п. 2 ст. 861 ГК РФ допускает и наличные расчеты, если иное не установлено законом. А «иное» в настоящее время законом не установлено.

Так или иначе, распоряжение денежными средствами на расчетном счете, открытом индивидуальным предпринимателем, возможно только правопреемником-гражданином, обладающим таким же статусом. Наследник, не обладающий статусом предпринимателя, может лишь потребовать от банка получения соответствующих денежных средств с расчетного счета умершего.

Примечания

- ¹ *Крылова З.Г.* Имущественные права супругов в условиях перехода к рыночным отношениям // Государство и право. 2010. № 7. С. 30.
- ² *Маттеи У., Суханов Е.А.* Основные положения права собственности. М.: Юрист, 1999. С. 148.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ПОРЯДОК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЗАРУБЕЖНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации с зарубежными государствами по вопросу защиты собственных интересов, воплощенных в форме государственных инвестиций на территории иностранного государства. В работе анализируются правовая природа государства, государственных инвестиций, положение субъектов управления государственными инвестициями за рубежом, а также их деятельность по обеспечению эффективности государственной инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: имущество, государственная собственность, инвестиции за рубежом, международные договоры, эффективность, управление, классификация.

В настоящее время российское правительство занимается разработкой закона об имущественном иммунитете государства, который будет регулировать правоотношения по взысканию собственности иностранных юридических и физических лиц, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации.

По всей видимости, исходя из предложенной концепции закона, в перспективе он должен защитить не только интересы физических и юридических лиц, являющихся участниками международных частных правоотношений, но и содействовать интересам Россий-

ской Федерации как участника гражданских правоотношений и собственника федерального имущества, расположенного за рубежом. Стоит отметить, что инициативным толчком для разработки данного законопроекта стало усиление негативного отношения к Российской Федерации и российским компаниям за рубежом. В частности, известны случаи, когда отечественные компании подвергались дискриминации и запугиванию национализацией и экспроприацией своего хозяйственного имущества за рубежом с целью принуждения их к участию в политическом давлении на Российскую Федерацию.

С точки зрения отечественных специалистов в области международного права дальнейшее обострение ситуации будет усиливать напряженность в отношениях между странами, дискредитируя общую идею верховенства закона и подрывая доверие к международному праву. Для преодоления данной проблемы необходимо отслеживать подобные ситуации и принимать допустимые соразмерные противодейственные меры в рамках международного права.

Важно отметить, что в случае вступления в силу закона об имущественном иммунитете будет восполнена брешь в отечественном законодательстве о защите имущественных интересов Российской Федерации на территории иностранных государств, но при этом, как отмечают разработчики закона, в равной мере будет обеспечена защита для иностранных инвесторов, имеющих имущество на территории Российской Федерации.

Также положения нового закона об имущественном иммунитете могут быть применимы для регулирования правоотношений в области государственных инвестиций, так как на сегодняшний день действующие нормы законодательства, посвященные инвестиционной деятельности, носят скорее описательный и отсылочный характер, нежели четко разграничивают правовой статус инвестора и объектов инвестиций, а также методы защиты специальными субъектами правоотношений своих инвестиционных интересов. Под специальными субъектами правоотношений понимается публично-правовое образование, в частности государство. Таким образом, особого внимания заслуживает вопрос о принятии мер по защите государственного имущества, существующего в качестве капиталовложений, по-другому – инвестиций за рубежом.

Относительно защиты специальными субъектами своих инвестиционных интересов подчеркнем, что такая необходимость связана с большим объемом инвестиций, в состав которых может входить движимая и недвижимая государственная собственность, а на сегодняшний день в Российской Федерации нет нормативного

акта, который всецело установил бы правовой статус государственных инвестиций, а также закрепил права и обязанности государства как субъекта гражданских правоотношений и собственника государственных активов. При этом важно учитывать, что государство является крупнейшим инвестором в мировой экономике.

Очевидно, что в большей части инвестиционная деятельность, осуществляемая государством за рубежом, – это распределение финансовых потоков из государственной казны на разные по содержанию инвестиционные проекты, однако под инвестициями не всегда подразумеваются денежные активы. К примеру, в случае если государство владеет земельным участком, расположенным за рубежом, оно может внести его в качестве своей доли в уставном капитале инвестиционного проекта за рубежом, тем самым произведя капиталовложения из активов нефинансового характера. Таким образом, вне зависимости от вида и объема государственные инвестиции имущественного характера можно классифицировать в качестве самостоятельного комплексного объекта государственной собственности за рубежом с присущим ему особым правовым статусом.

На сегодняшний день институт государственной инвестиционной деятельности представляет собой сложный механизм взаимодействия государства как участника гражданских правоотношений с другими заинтересованными лицами. Так, государственные инвестиции, как разновидность государственной собственности, опосредуют необходимость исследования ряда важных вопросов, направленных на определение правовой природы инвестиций. К таким вопросам, прежде всего, нужно отнести правовой статус государства в инвестиционных правоотношениях, периодизацию истории развития инвестиционной деятельности, правовое регулирование инвестиционной деятельности, виды инвестиционных правоотношений, состав инвестиций и т. д.

Исследуя правовое положение государства как субъекта инвестиционных правоотношений, необходимо понимать, что участие государства в инвестиционных правоотношениях обусловлено в первую очередь необходимостью реализации функций и публичных интересов самого государства, стоящих перед ним, и это не может не отражаться на его гражданской правоспособности. Исходя из этого, государство всегда выступает как особый субъект права со специальной правоспособностью, определяемой нормами как частного, так и публичного права¹.

В этой связи крайне необходимо строго соблюдать законы, поддерживающие баланс публичных и частных интересов, обе-

спечивающих надежную защиту прав кредиторов государства, что справедливо применимо к инвестиционным правоотношениям с участием Российской Федерации. Без этого в конечном счете невозможно достичь стабильности в экономике и построить правовое государство.

Еще одной особенностью является необходимость наличия у государства самостоятельной гражданской правосубъектности для приобретения статуса инвестора. Так, п. 3 ст. 214 и 125 ГК РФ² установлено, что имущественные права и обязанности от имени государства осуществляют в рамках своей компетенции органы государственной власти, юридические лица и граждане в случаях, предусмотренных действующим законодательством. Но тогда возникает вопрос о разграничении случаев выступления государства как публичного образования в целом и выступающих от имени государства органов, которые не являются собственниками закрепленного за ними имущества, но обладают ограниченными вещными правами на него, т. е. также приобретают самостоятельную правосубъектность в гражданских правоотношениях. От решения этого вопроса зависит определение субъектного состава инвестиционных правоотношений с последующим определением наличия или отсутствия особого статуса имущества, которое является объектом инвестиций. В свою очередь, наличие особого статуса у объекта инвестиций устанавливает границы имущественной ответственности субъекта.

Стоит отметить, что в научной литературе под инвестициями понимаются вложения капитала с целью получения прибыли, а в случае с государственным инвестированием под капиталом понимается любой вид имущества, находящийся в федеральной собственности (денежные средства, ценные бумаги, иные материальные и нематериальные, движимые и недвижимые объекты собственности)³. Таким образом, осуществление инвестиционной деятельности означает вложение, отчуждение или передачу инвестиций и предполагает совершение определенного активного действия, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., и потому инвестиционные правоотношения регулируются в первую очередь в рамках гражданского (обязательственного) права, возникающего при наличии такого юридического факта, как сделка.

Переходя к исследованию вопроса о порядке взаимодействия Российской Федерации и зарубежных стран в сфере инвестиционных и иных имущественных правоотношений, стоит отметить, что на законодательном уровне и в науке международного права

инвестиционным правоотношениям государств уделяется недостаточное внимание.

Однако все большая заинтересованность государства в осуществлении инвестиционной деятельности и наличие значительного количества федеральных активов за рубежом обуславливают необходимость формирования и постоянного совершенствования правового алгоритма вложения российских инвестиций в экономику зарубежных стран.

Опираясь на историю появления инвестиций как способа осуществления финансовой деятельности, можно утверждать, что основным итогом исторического развития правового института инвестиционной деятельности в целом и государства как инвестора в частности была не только выработка основополагающих международных нормативно-правовых актов, но и закрепление основных принципов инвестиционного права.

Так, в международной научной литературе понятие принципов инвестиционного права было предложено С.П. Морозовым, согласно которому под принципами инвестиционного права предлагается понимать «идеи и наиболее существенные моменты, нашедшие свое воплощение в праве, с учетом которых осуществляется регламентация и регулирование инвестиционных отношений»⁴.

Однако наличие иных точек зрения и ряда предложений по систематизации принципов инвестиционной деятельности обусловило то, что в научной и учебной литературе так и не сложилось единой системы принципов инвестиционного права, что можно объяснить сравнительной молодостью рассматриваемых правовых отношений. Таким образом, в качестве важной задачи науки международного права можно обозначить создание единой системы, объединяющей принципы инвестиционного права, на основе которых в дальнейшем будет развиваться единая инвестиционная правовая база международных правовых актов.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие системности в принципах инвестиционного права путем проведения анализа международных конвенций и соглашений, мы установили, что основополагающие принципы инвестиционного права уже существуют. На их основе функционирует также национальное инвестиционное законодательство, что позволяет инвесторам сформировать по крайней мере минимальное представление о порядке и условиях инвестирования в зарубежные страны.

Отметим, что в случае применения по отношению к Российской Федерации дискриминационных мер, например эмбарго, валютных ограничений, введения квот либо дискриминации в коммерции или

в сфере инвестиций, Российская Федерация может принять ответные меры в рамках закона сообразно принципам инвестиционной деятельности. В национальном законодательстве Российской Федерации данное право закреплено в ст. 34 Федерального закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»⁵, где прямо указано, что в случае принятия мер, нарушающих экономические, политические интересы Российской Федерации, а также в случае невыполнения иностранным государством принятых им по международным договорам обязательств перед Российской Федерацией Правительство РФ вправе применить ответные меры в области внешнеэкономической деятельности в соответствии с общепризнанными нормами международного права и в пределах, необходимых для эффективной защиты отечественных экономических интересов.

Отметим, что специалисты в области международного инвестиционного права предлагают деление международных инвестиционных договоров на регулирующие и защищающие инвестиции. Кроме того, известно, что многосторонние инвестиционные соглашения могут быть универсальными и региональными⁶.

Основными международными договорами, регулирующими инвестиционную деятельность в Российской Федерации, являются:

- Сеульская конвенция от 11.10.1985 г. «Об организации Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций»;
- Венская конвенция ООН от 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров»⁷;
- соглашение, подписанное странами – участницами СНГ от 20.03.1992 г. «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств – участников Содружества Независимых Государств»⁸;
- соглашения, регулирующие двойное налогообложение. На данный момент такое соглашение заключено более чем с 25 странами;
- Женевская конвенция 1930 г., регулирующая единообразие законов о переводном и простом векселях⁹;
- Парижская конвенция по охране промышленной собственности, 1883 г. (с дополнениями)¹⁰;
- Нью-Йоркская конвенция ООН 1958 г. «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений»¹¹.

Стоит отметить, что для российских инвесторов, осуществляющих деятельность за рубежом, особое значение приобретает знание инвестиционного законодательства принимающего государства. Анализ источников инвестиционного права иностранных государств позволяет говорить о том, что инвестиционные отноше-

ния регулируются либо инвестиционными кодексами, либо специальными законами об иностранных инвестициях или же общим инвестиционным законодательством.

Следует заключить, что инвестиционные правоотношения как правоотношения, возникающие при осуществлении инвестиционной деятельности, характеризуются многообразием и включают в себя две группы взаимосвязанных между собой отношений. Первая из них охватывает договорные и иные гражданские правоотношения между инвесторами и другими субъектами гражданского права, а вторая группа – это административные и финансовые правоотношения между инвесторами и уполномоченными органами власти, в рамках которых обеспечиваются соблюдение установленных ограничений (требований) и предоставление стимулирующих средств для инвесторов.

Таким образом, государственная инвестиционная деятельность – это размещение материально-имущественных ценностей (в том числе имущества, находящегося за рубежом), отнесенных к категории федеральной собственности, а равно права на них, права на интеллектуальную собственность, вкладываемых государством в объекты предпринимательской деятельности в целях реализации инвестиционных проектов.

Примечания

- ¹ *Гришаев С.П.* Государство как участник гражданско-правовых отношений / Подготовлен для СПС «Консультант Плюс» 14.01.2009.
- ² Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3035.
- ³ *Доронина Н.Г., Семилотина Н.Г.* Международное частное право и инвестиции. М.: ИЗИСП; Контракт, 2012. С. 272.
- ⁴ *Морозов С.П.* Принципы инвестиционного права // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 56.
- ⁵ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.
- ⁶ *Фархутдинов И.З.* Об источниках международного инвестиционного права: Международное инвестиционное право и процесс: Учебник. М.: Проспект, 2010. С. 182.
- ⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. Заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г. // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

- ⁸ Об общих условиях поставок товаров между организациями государств – участников Содружества Независимых Государств от 20 марта 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 4.
- ⁹ Конвенция о Единообразном законе о переводном и простом векселе. Заключена в г. Женеве 7 июня 1930 г. // Собрание законов. 1937. Отд. II. № 18. Ст. 108.
- ¹⁰ Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Заключена в г. Париже 20 марта 1883 г. // Парижская Конвенция по охране промышленной собственности. Публикация № 201(R). Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1990.
- ¹¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г. // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

В данной статье выделены особенности и тенденции современного развития обязательного медицинского страхования в России. Определены сущность и содержание правового обеспечения медицинского страхования как основы социальной защиты в условиях социально ориентированной рыночной экономики России. На примере анализа обязательного медицинского страхования, существующего в России и в странах Европейского союза, предложены конкретные меры по совершенствованию правового обеспечения обязательного медицинского страхования в Российской Федерации.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, Фонд обязательного медицинского страхования, система здравоохранения, федеральный бюджет, бюджет субъекта РФ, «одноканальное финансирование», финансирование обязательного медицинского страхования.

В 1861 г. был принят первый законодательный акт, введивший элементы обязательного страхования в России. При казенных горных заводах учреждались товарищества, а при товариществах – вспомогательные кассы, в задачи которых входило: выдача пособий по временной нетрудоспособности, а также пенсий участникам товарищества и их семьям, прием вкладов и выдача ссуд. Чуть позднее работодателям, владельцам фабрик и заводов было предписано создавать больницы при предприятиях. На 100 работающих полагалась 1 койка¹.

Предпринятые со стороны государства меры изменения правового регулирования обязательного медицинского страхования

(ОМС) в России в 2011 и 2012 гг. должны были обеспечить повышение качества и количества предоставляемых медицинских услуг.

Предварительные итоги обеспечения населения России бесплатной медицинской помощью с использованием средств Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС) показывают, что не все так благополучно, как хотелось бы.

По данным Министерства здравоохранения РФ, частота направлений больного участковыми врачами к специалистам у нас превышает 30% от числа первых посещений, в то время как в западных странах 4–10%. Уровень госпитализации и особенно длительность пребывания больных в стационаре в российском здравоохранении заметно выше, чем в европейских странах. Интегрированный показатель объемов госпитализации – число койко-дней на одного жителя – почти в два раза выше, чем в среднем по Европейскому союзу².

Причины указанных и других проблем в здравоохранении многогранны. Но одним из основных методов минимизации возможных негативных последствий в развитии здравоохранения выступает перераспределение финансирования системы здравоохранения.

Там, где здравоохранение финансируется главным образом из взносов социального страхования, связь между покупателями медицинских услуг (медицинскими страховыми фондами) и поставщиками услуг традиционно опирается на систему контрактов. В тех странах ЕС, где здравоохранение финансируется в основном из налогов, закупкой медицинских услуг обычно занимаются региональные или местные органы здравоохранения либо специальные организации, такие как Фонды первичной медицинской помощи (ФПМП) в Англии. В Англии, Италии, Португалии, а также в некоторых областях Испании и Швеции введен принцип разделения финансирования медицинской помощи и ее предоставления. В США система предварительной оплаты в здравоохранении была направлена на перемещение политики контроля над затратами от сдерживания спроса (путем применения франшиз или уровня сострахования) к разделению издержек между покупателем и поставщиком медицинских услуг на стороне предложения³. Цель ее введения состояла в создании для монопольных поставщиков медицинских услуг стимулов для снижения издержек (и/или увеличения активности)⁴.

Страховая система здравоохранения в Европейском союзе представлена в Германии, Австрии, Бельгии, Нидерландах и Франции. В основе этой модели лежит принцип профессиональной солидарности, предусматривающий существование страховых фондов, управляемых на паритетных началах наемными работ-

никами и предпринимателями. Медицинское страхование, как правило, является обязательным для всех работающих по найму. В большинстве стран ЕС обязательным медицинским страхованием охвачено практически все население: так, например, в Австрии и Люксембурге только 1–3% населения остаются незастрахованными; в основном это богатые жители Люксембурга. В Германии большинство населения (88%) охвачено обязательным медицинским страхованием⁵.

В России объем государственных расходов на здравоохранение оказывается недостаточным для обеспечения заявляемых гарантий. Ни одна из стран европейского региона не гарантирует полностью бесплатного оказания любых медицинских услуг со стороны государства, тогда как в России при меньшем уровне расходов декларируется всеобщая и полностью бесплатная медицинская помощь в рамках ОМС⁶.

Обязательства государства устанавливаются в ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации⁷: медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Указанные гарантии распространяются на всех граждан независимо от пола, расы, возраста, национальности, языка, наличия заболеваний, состояний, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и от других обстоятельств⁸.

В соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»⁹ предполагается до 2015 г. все виды специализированной медицинской помощи перевести на финансирование из системы ОМС.

В настоящее время все федеральные лечебные учреждения финансируются из средств федерального бюджета и средств системы обязательного медицинского страхования либо из средств бюджета субъекта РФ и ФОМС (в случае с региональными лечебными учреждениями). Государство считает, что необходимо перевести систему здравоохранения на финансирование из одного источника – Фонда обязательного медицинского страхования. Это и есть так называемое одноканальное финансирование. Но федеральный бюджет в отличие от ФФОМС является гарантированным источником финансирования. К сожалению, финансирование в рамках системы ОМС зависит от того, как будут работать медицинские учреждения.

Цель перехода на так называемое одноканальное финансирование базовой программы ОМС заключается в повышении эффективности и прозрачности использования финансовых средств в сфере здравоохранения. При этом должно быть достигнуто обеспечение государственных гарантий бесплатного оказания качественной медицинской помощи всем гражданам независимо от места жительства.

Внедрение «одноканального финансирования» здравоохранения преимущественно через систему обязательного медицинского страхования началось в рамках реализации пилотного проекта, направленного на повышение качества услуг в сфере здравоохранения (в 2007–2008 гг.) в 12 субъектах Российской Федерации: республиках Татарстан и Чувашия, Краснодарском, Пермском и Хабаровском краях, а также в Белгородской, Владимирской, Вологодской, Калининградской, Калужской, Ленинградской и Томской областях.

Опыт пилотного проекта показывает, что наряду с положительными итогами перехода на финансирование медицинского страхования из средств ФФОМС имеются и недостатки.

Так, если выделяются средства на создание хорошего лечебно-профилактического учреждения (ЛПУ), потом может образоваться нехватка средств на содержание этого учреждения из-за неправильной работы уполномоченных органов власти при принятии решений. При дефиците средств Федеральный фонд ОМС не может в полном объеме реализовать поставленные задачи, и за это приходится расплачиваться другим внебюджетным фондам (территориальным фондам ОМС и Фонду социального страхования) и бюджетам различных уровней, которые, в свою очередь, также не смогут в полном объеме выполнить свои задачи¹⁰.

С 1 января 2014 г. на 35% снижается федеральное финансирование специализированной медицинской помощи в условиях стационара и дневного стационара и на 50% первичной медицинской помощи, оказываемой в амбулаторных условиях. Эти цифры утверждены правительством в рамках реформирования системы здравоохранения России.

Все это может привести к ухудшению качества предоставляемых медицинских услуг.

Для совершенствования механизма правового регулирования медицинского страхования необходимо обеспечить переход от оплаты по посещениям и койко-дням к оплате по законченному принципу путем «одноканального финансирования», что обеспечит улучшение качества медицинской помощи и повышение оплаты труда работников.

Необходимо признать оправданной точку зрения ученых, что проблемой остается выравнивание финансирования здравоохранения в регионах, поскольку регионы-доноры получают меньше средств, чем перечислили в ФОМС, а в дотационных регионах из-за недостатка средств уменьшится количество и качество медицинской помощи.

Представляют интерес существующие в некоторых европейских странах системы паритетного участия работодателя и работника в финансировании обязательного медицинского страхования. Указанный опыт может пригодиться в решении существующих проблем обязательного медицинского страхования в России.

К сожалению, современное законодательство не обеспечивает достаточное финансирование системы здравоохранения – ему присущи декларативность, противоречивость, и, что самое главное, до сих пор неясно, как будут распределены полномочия между государством и его субъектами, направленные на обеспечение качественной медицинской помощи.

Примечания

- ¹ *Решетников А.В.* Социальный маркетинг и обязательное медицинское страхование. М.: Финансы и статистика, 1998. С. 36.
- ² Демографический ежегодник России 2010: Статистический сборник. М.: Росстат, 2010.
- ³ *Ellis R.* Creaming, skimping and dumping: provider competition on the intensive and extensive margins // *Journal of Health Economics*. 1998. Vol. 17. Issue 5. P. 537–555.
- ⁴ *Cookson R., Dawson D.* Hospital competition and patient choice in publicly funded health care // *The Elgar Companion to Health Economics*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2006. P. 221–232.
- ⁵ *Антропов В.В.* Социальная защита в странах Европейского союза. М.: Экономика, 2006. С. 45.
- ⁶ *Ахметзянов А.Р., Устюгов А.В.* Пути совершенствования механизмов финансового обеспечения здравоохранения за счет средств обязательного медицинского страхования: Доклад // Модернизация России: ключевые проблемы и решения. XII Межд. науч. конф., 15–16 декабря 2011 г.
- ⁷ Конституция Российской Федерации 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009 г. № 4. Ст. 445.

- ⁸ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 10 // Собрание законодательства РФ. 2011 г. № 48. Ст. 6724.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Лазарева О.В., Углицких О.Н.* Формирование и использование средств Федерального фонда обязательного медицинского страхования // Мат-лы VI студенческой междунар. заочной науч.-практ. конф. «Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки» (Новосибирск, 20 декабря 2012 г.). Новосибирск: СибАК, 2012. С. 92.

Правовые аспекты интеллектуальной деятельности

К.Л. Мальцев, Е.С. Климович

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ РЕЗУЛЬТАТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОДЕРЖАЩЕГОСЯ В НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

В соответствии с нормами Конституции Российской Федерации в статье обоснована возможность использования принятой государственным заказчиком научно-исследовательской (опытно-конструкторской) работы в качестве объекта интеллектуальной собственности, предложен подход к определению его стоимости.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, научно-исследовательская работа, опытно-конструкторская разработка, результаты интеллектуальной деятельности, стоимость интеллектуальной собственности.

Исторически сложилось так, что в нашей стране наиболее значимые результаты интеллектуальной деятельности (РИД) (наукоемкая продукция), созданные с участием ученых, оказались сосредоточенными в научно-техническом потенциале предприятий отечественного оборонно-промышленного комплекса (в виде различных материалов по результатам научно-исследовательских (НИР), опытно-конструкторских (ОКР) и технологических работ военного, специального и двойного назначения). Именно на предприятиях отечественного оборонно-промышленного комплекса была создана та интеллектуальная собственность (ИС) в области высоких технологий, которая определила создание ракетно-ядерного щита нашей страны.

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) содержат огромный научный потенциал (результата-

ты интеллектуальной деятельности), который на современном этапе развития России вовлечен в экономический и гражданский оборот.

Конституция Российской Федерации гарантирует охрану интеллектуальной собственности. К исключительному ведению Российской Федерации отнесено правовое регулирование интеллектуальной собственности¹.

Необходимая нормативно-правовая база в области интеллектуальной собственности, ориентированная на рыночную экономику, начала создаваться с 1992 г. Конституционные нормы об охране интеллектуальной собственности (исключительных правах на результаты интеллектуальной деятельности) получили развитие в Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации², вступившей в силу с 1 января 2008 г.

Согласно подп. 5 п. 1. ст. 8 ГК РФ³ гражданские права и обязанности возникают в результате создания произведений науки, литературы, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности.

В соответствии со ст. 128 ГК РФ⁴ к объектам гражданских прав относятся результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Вопросы регулирования интеллектуальной деятельности находят свое отражение в Федеральном законе от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»⁵, указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ, в их числе:

- Указ Президента РФ от 22.07.1998 г. № 863 «О государственной политике по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий»⁶;
- Постановление Правительства РФ от 29.09.1998 г. № 1132 «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения»⁷;
- Постановление Правительства РФ от 30.06.1999 г. № 720 «Об открытом акционерном обществе “Туполев”»⁸;
- Постановление Правительства РФ от 02.09.1999 г. № 982 «Об использовании результатов научно-технической деятельности»⁹;

- Постановление Правительства РФ от 10.10.2000 г. № 761 «О правилах использования средств, поступающих в 2000 году в доход федерального бюджета от распоряжения принадлежащими Российской Федерации правами на результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения»¹⁰.

Данные нормативно-правовые документы выражают принятую политику государства в области управления результатами интеллектуальной деятельности, содержащимися в научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работах военного, специального и двойного назначения, права на которые принадлежат Российской Федерации.

Развитие вопросов управления РИД получили в постановлениях Правительства РФ, где предусматривалось выполнение определенных действий на реализацию разработанной политики в области управления интеллектуальной собственностью:

- Постановление Правительства РФ от 14.01.2002 г. № 7 «О порядке инвентаризации и стоимостной оценке прав на результаты научно-технической деятельности»¹¹;
- Постановление Правительства от 26.02.2002 г. № 131 «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения»¹².

Эти постановления предусматривают конкретные и конструктивные действия, направленные на проведение учета и инвентаризации результатов научно-технической деятельности, полученных при выполнении НИОКР, полностью или частично финансируемых за счет федерального бюджета. В развитие указанных постановлений Правительством РФ были разработаны соответствующие поручения различным министерствам, в частности поставлена задача создания в стране единого реестра объектов РИД, содержащихся в выполненных работах.

Вопрос контроля и надзора интеллектуальной деятельности находит отражение в Постановлении Правительства РФ от 26.04.2012 г. № 402 «Положение об осуществлении контроля и надзора в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также контроля и надзора в установленной сфере деятельности в отношении государственных заказчиков и организаций – исполнителей государственных контрактов, предус-

матривающих проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ»¹³.

При проведении исследований по управлению интеллектуальной собственностью целесообразно максимально использовать уже имеющиеся научно-организационные структуры и формы и извлекать из них информацию, связанную с объектами ИС. Одной из таких форм являются НИОКР.

Научно-исследовательская работа (НИР) как форма организации и представления результатов научных исследований представляет собой достаточно четко и полно оформленный научно-исследовательский продукт, который может отчуждаться.

Информация о НИР в обобщенном виде: заключительные отчеты, финансово-плановые документы хранятся у государственного заказчика. Документы, связанные с выполнением НИОКР, можно рассматривать для решения вопросов о правовой защите конкретных создателей объектов ИС. Такими документами, согласно ГОСТ В 15.110-81¹⁴, являются научно-технические отчеты о НИР, ОКР. Указанные документы, содержащие описание сложных технических систем, как правило, весьма объемны. Отчеты по комплексным НИР, выполняемым 10–20 организациями, содержат десятки томов. Конструкторская документация на образец современного вооружения и военной техники (самолет, корабль, ракетный комплекс и т. д.) содержит сотни томов, каждый объемом 150–200 листов.

Установленным порядком оформленные (принятые заказчиком) НИР и ОКР являются объектами интеллектуальной собственности. В отчетной документации о НИР могут быть материалы об объектах интеллектуальной собственности, на которые уже получены или могут быть получены соответствующие охранные документы. В соответствии с п. 2.1 ГОСТ В 15.110-81¹⁵ к научно-техническим отчетам о НИР (ОКР), заданных установленным порядком, должны быть приложены материалы, содержащие сведения о защищенных объектах интеллектуальной собственности.

Если в принятых установленном порядком НИР (ОКР) в результате инвентаризации РИД не установлены объекты ИС, на которые могут быть выданы охранные документы, то собственно НИР (ОКР) является самостоятельным объектом ИС и имеет стоимостную составляющую. Учитывая изложенное, в стоимости интеллектуальной собственности, содержащейся в НИР, содержатся две составляющие: постоянная и переменная.

Постоянная составляющая стоимости интеллектуальной собственности, содержащейся в НИР, – это общая сумма затрат,

произведенных при выполнении НИР (в ценах времени выполнения НИР), скорректированная на индекс потребительских цен $K_{\text{пц}}$ (на дату проведения расчетов по оценке стоимости ИС). Эта составляющая присутствует в каждой принятой заказчиком НИР.

Переменная составляющая стоимости объектов интеллектуальной собственности, содержащейся в НИР, – стоимость защищенных охранными документами объектов ИС, созданных при выполнении этой НИР, скорректированная на индекс потребительских цен, – $K_{\text{пц}}$ (на дату проведения расчетов по оценке стоимости объектов ИС). Оценка стоимости этих объектов ИС в той или иной степени должна производиться в упомянутых охранных документах. Следовательно, если в ходе инвентаризации РИД установлено, что в конкретной НИР не содержится объектов ИС, подлежащих охране, то стоимость ИС, содержащейся в этой НИР, оценивается по стоимости постоянной составляющей.

Таким образом, стоимость РИД, содержащихся в НИР в настоящее время (2013) ($C_{\text{РИД НИР}}$), может быть записана в виде:

$$C_{\text{РИД НИР}}^{2013} = C_{\text{пост. НИР}}^{2013} + C_{\text{пер. НИР}}^{2013},$$

где: $C_{\text{пост. НИР}}$, $C_{\text{пер. НИР}}$ – постоянная и переменная составляющие стоимости интеллектуальной собственности, содержащейся в рассматриваемой НИР, рассчитанные к 2013 г.

Рассматриваемая в работе постоянная составляющая интеллектуальной 2013 собственности НИР ($C_{\text{пост. НИР}}$) может быть определена из соотношения:

$$C_{\text{пост. НИР}}^{2013} = C_{\text{затр.}}^{1991} \times K_{\text{пц}}^{2013/1991},$$

где: $C_{\text{затр.}}^{1991}$ – стоимость затрат на выполнение НИР в 1991 г. (на дату ее завершения);

$$K_{\text{пц}}^{2013/1991}$$

$K_{\text{пц}}$ – коэффициент, характеризующий изменение покупательной способности рубля в 2013 г. по сравнению с 1991 г., – индекс потребительских цен и услуг, оказываемых населению (определяется Госкомстатом РФ¹⁶).

Индекс потребительских цен на товары и платные услуги населению – один из основных показателей, характеризующих инфляцию в Российской Федерации. Он публикуется в ежегодно выпускаемом официальном издании – «Российский статистический ежегодник»¹⁷.

По данным Государственного комитета Российской Федерации по статистике¹⁸, индексы потребительских цен на товары и платные услуги населению в 70-е, 80-е годы, т. е. до 1990 г., весьма незначительны, и по сравнению с деноминацией, имевшей место в нашей стране в 1998 г., их можно не учитывать. Поэтому все НИР, проведенные в 70–80-е годы, можно соотносить (по стоимости) к 1990 г.

При определении стоимости ИС, содержащейся в НИР (ОКР), должна быть учтена ИС, созданная в защищенных и утвержденных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ диссертациях, разработанных на материалах этих НИР (ОКР). Следует отметить, что в настоящее время в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 06.07.1994 г. № 807 «работникам, занимающим штатные должности в федеральных государственных учреждениях (организациях) науки и федеральных государственных высших учебных заведениях независимо от ведомственной принадлежности, ученые степени по которым предусмотрены тарифно-квалификационными требованиями», осуществляют ежемесячную доплату за ученую степень: доктора наук – в размере 7 тыс. руб., кандидата наук – в размере 3 тыс. руб.¹⁹

Указанные надбавки определены не в процентах от заработной платы или в единицах минимального размера оплаты труда, а в виде фиксированной, совершенно самостоятельной величины. С учетом этого документа стоимость ИС, содержащейся в диссертациях, защищенных на материалах НИР (ОКР), может быть определена как сумма предусмотренных постановлением²⁰ надбавок за ученые степени, которые должны быть выплачены за период от даты утверждения диссертации до даты проведения расчетов по оценке ИС, содержащейся в НИР (ОКР).

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в нашей стране выполняются, как правило, в специально созданных для этого государственных учреждениях – НИИ, КБ, а также в учебных заведениях высшей школы. Эти учреждения, в свою очередь, помимо материальной стоимости содержат стоимость интеллектуальную, защита которой гарантирована Конституцией России. Однако исследования в области управления интеллектуальной собственностью (оценка ИС, содержащейся в научно-исследовательском учреждении (НИИ, КБ), в котором выполняется НИОКР) являются самостоятельным направлением.

- 1 Конституция РФ. 1993 г. Ст. 44, 71 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
- 2 Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
- 3 Там же. 1994. № 32. Ст. 3301.
- 4 Там же.
- 5 Там же. 1998. № 31. Ст. 3813.
- 6 Там же. № 30. Ст. 3756.
- 7 Там же. № 40. Ст. 4964.
- 8 Там же. 1999. № 27. Ст. 3390.
- 9 Там же. № 36. Ст. 4412.
- 10 Там же. 2000. № 42. Ст. 4138.
- 11 Там же. 2002. № 3. Ст. 218.
- 12 Там же. № 9. Ст. 935.
- 13 Там же. 2012. № 19. Ст. 2427.
- 14 ГОСТ В 15.110-81. Система разработки и постановки на производство военной техники. Документация отчетная научно-техническая на научно-исследовательские работы, аванпроекты и опытно-конструкторские работы. Основные положения [Электронный ресурс] // Первый машиностроительный портал. Информационно-поисковая система. URL: <http://www.1bm.ru/techdocs/kgs/gost/910/info/28242> (дата обращения: 23.01.2014).
- 15 Там же.
- 16 Российский статистический ежегодник. 2012. М.: Росстат, 2012. 786 с.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Российская газета. 1994. 19 июля.
- 20 Там же.

Авторское право

М.С. Андрианова

ПРАВОВАЯ ОХРАНА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ИСКУССТВА (КИНЕМАТОГРАФА): ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены этапы развития правовой охраны аудиовизуальных произведений. Проанализирована история мирового и национального законодательства при исследовании развития авторского права на аудиовизуальные произведения. Рассмотрен процесс его становления в контексте одного из основных проявлений аудиовизуального искусства – кинематографа.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная деятельность, исключительные права, аудиовизуальное искусство, кинематограф.

Немногим более столетия назад человеку впервые удалось зафиксировать и воспроизвести движущееся изображение. Как и другие великие открытия, кино стало счастливой случайностью, последствия которой затронули практически все сферы общественной жизни. Медицина и космонавтика, автомобилестроение, наука и даже сельское хозяйство используют тем или иным образом для своих целей принципы работы с изображением, впервые предложенные кинематографом. В то же время сам по себе кинематограф, конечной и единственной целью которого выступает получение движущейся картинки, стал уникальным явлением. Всего за несколько первых десятилетий существования он смог утвердиться как первый «индустриальный» вид искусства.

Развиваясь в эпоху невероятного технического прогресса, кинематограф вбирал в себя новые веяния и идеи, создавал новые произведения и целые направления человеческой деятельности. Однако вместе с тем возникла и необходимость правового регулирования его проявлений.

К концу XX в. стало очевидным, что привычные рамки кинематографа, сквозь призму которых в цивилистике рассматривались все произведения, связанные с движущимся изображением, тесны. Для объединения всего того, что уже не являлось кино по сути, но было весьма схоже с ним в плане восприятия, требовалась некая новая конструкция. В связи с этим закономерным стало появление в гражданском праве понятия «аудиовизуальное произведение», которое позволило объединить произведения кино, телевидения, видео и иные объекты, основанные на одновременном зрительном и слуховом восприятии. В настоящее время аудиовизуальные произведения занимают особое место среди других объектов, охраняемых авторским правом во всем мире.

Учитывая сравнительную новизну этого комплексного по сути понятия, при исследовании развития авторского права на аудиовизуальные произведения рассмотрим процесс его становления в контексте одного из основных проявлений аудиовизуального искусства – кинематографа.

В настоящей работе на основе анализа исторических, доктринальных и законодательных источников будет выделено пять этапов становления правовой охраны аудиовизуального произведения как самостоятельного объекта авторского права. Первый из них естественным образом относится к периоду зарождения кинематографа как такового и начальным вехам его становления.

Первый в истории киносеанс состоялся 28 декабря 1895 г. В этот день было продано всего 35 билетов, однако к концу недели на бульваре Капуцинов уже выстраивались очереди желающих взглянуть на движущиеся картинки братьев Луи и Огюста Люмьер. Проекционный аппарат, при помощи которого картинки демонстрировались, братья назвали кинематографом. Именно с этого момента – первого платного (коммерческого) сеанса, принесшего 33 франка чистой прибыли, – начинается история мирового кино. Как отмечала известный искусствовед Н.А. Агафонова, «братья Люмьер не предвидели триумфального будущего своего детища и рассматривали кинематограф лишь как “живую фотографию” – аттракцион, способный привлечь многочисленных зрителей и принести существенную прибыль. Однако скоро стало очевидным, что французы открыли путь новому виду искусства»¹.

Первые киносъемки, сделанные в разных странах, обладали одной специфической чертой, которую можно условно назвать «однолинейностью». Фильм снимался непрерывно и состоял из одного куска. Поезд приближается к перрону – это фильм. Люди выходят из ворот фабрики – другой фильм. В одной киноленте

действия не сопоставлялись, не противопоставлялись, не переплетались². Люмьеровские фильмы были очень короткими (15–18 м) и состояли из одного монтажного кадра³. Создавались они, как правило, без сценария, без декораций и без участия актеров.

Хотя эти фильмы еще нельзя рассматривать как полноценные произведения, в них уже можно заметить первые зачатки будущего искусства. Так, знаменитый скетч братьев Люмьер «Поливальныйщик» (фр. «L'Arroseur arrosé», 1895), где маленький мальчик подшучивал над садовником, заставив того направить себе в лицо струю из шланга, уже содержит элементы сюжета и характеров исполнителей⁴. Однако на данном этапе это скорее исключение, чем правило. Кинематограф того времени можно рассматривать лишь как средство фиксации происходящих в действительности явлений и событий.

Указанная особенность кино была характерна для XIX в. и проявлялась даже тогда, когда кинематографисты энергично и очень упрощенно стали осваивать опыт других искусств, создавая экранизации (по сути, просто кино съемку) театральных спектаклей по мотивам популярных литературных произведений⁵. В поисках сюжетов для фильмов постановщики обращались к наиболее известным произведениям литературы и искусства, что не могло не сказаться на личных интересах их авторов. Авторы литературных произведений, авторские права которых, по их мнению, нарушались производителями кинофильмов, стали обращаться в суды с исками о запрещении демонстрации соответствующих кинофильмов и о возмещении убытков.

Таким образом, появление кино как нового способа использования литературных произведений, с одной стороны, и стремление авторов, издателей, владельцев театров и других зрелищных предприятий законодательным путем обеспечить охрану своих имущественных интересов – с другой, послужили мощным толчком к развитию в западных странах институтов права, связанных с кинематографом. Важно отметить, что изначально аудиовизуальные произведения, существовавшие тогда только в одной форме – кинофильма, не признавались результатом творческой деятельности, новым видом искусства и, следовательно, объектом авторского права. Как указывалось выше, в первые годы своего существования кино только фиксировало явление, но не анализировало его. То обстоятельство, что съемка кинофильма и его демонстрация осуществлялись при помощи технических приспособлений, давало повод некоторым деятелям искусства и права отрицать творческий элемент в создании кинематографических

произведений. Эти взгляды нашли свое отражение в правовой науке и судебной практике того времени⁶.

Так, в конце XIX в. британское авторское право видело в кинематографе «последовательность фотокадров», а в некоторых случаях признавало драматическим произведением⁷. Во Франции кинематография в тот же период рассматривалась как механический способ воспроизведения драматического представления или литературного произведения⁸.

Второй этап развития кинематографа, относимый нами к началу XX в., характеризуется появлением предпосылок для становления кино как самостоятельного вида искусства.

Фотография, некоторые постановочные приемы театра и сама техника киносъемки стали основой для возникновения и развития комбинированных съемок. Основоположником комбинированных съемок по праву считают Жоржа Мельеса. Кроме того, Ж. Мельес сделал открытие важнейшего средства кинематографической образности – монтажа. Снимая развернутые сюжеты с завязкой, развитием действий, кульминацией, он не мог уложиться в один монтажный кадр, как это делали братья Люмьер, и вынужден был собирать повествования из нескольких эпизодов. Это и привело Ж. Мельеса к использованию последовательного монтажа⁹.

С появлением монтажа кинематограф изменился. Возникла потребность в сценарии, предопределяющем образный строй будущего произведения.

В это же время появляется понятие авторской режиссуры, поскольку автор, создавая кинематографическое произведение, уже не просто фиксирует на пленке реальность, применяя технические средства, но творчески организует то, что появляется перед объективом съемочного аппарата.

Вполне естественно, что именно с появлением авторской режиссуры возникает понятие авторства в кино как правовая категория. Одним из первых судебных решений, признавших это, было решение французского суда по делу доктора Дуайена, описанное в книге Поля-Даниэля Жерара¹⁰.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что именно на втором этапе своего становления кино как формальное объединение выразительных средств различных искусств уступает место качественно новому художественному явлению, новому виду искусства. На этом этапе кино как вид искусства находит признание исключительно в правоприменительной практике.

Следующий, третий этап развития киноискусства тесно связан с ускоренным научно-техническим прогрессом первых десятилетий

тий XX в. и характеризуется тем, что были проведены большие работы, направленные на усовершенствование процессов съемки, копирования и демонстрации кинокартин. Усовершенствовалась съемочная аппаратура, для проекции стали использоваться специальные кинопроекторы, были созданы аппараты для копирования фильмов, проявочные машины. Для съемки кинофильмов были построены киностудии и создан специальный штат режиссеров, операторов, сценаристов и актеров. Появился вспомогательный персонал: осветители, гримеры, костюмеры и другие специалисты. Развивалась производственная инфраструктура.

Во второй половине 1920-х годов почти одновременно в СССР, США и Германии создаются системы звукового кино. В 1927 г. в Голливуде впервые был снят звуковой фильм («Певец джаза»). С этого времени в кино постановках стали участвовать композиторы, музыканты, певцы, что не могло не отразиться на правовом регулировании отношений, возникающих в связи с созданием фильма¹¹. Изобретение синхронной звукозаписи по праву можно считать аудиовизуальной революцией.

Таким образом, на этом этапе развития произведения киноискусства принимают синтетический характер, включая в себя разнообразные объекты авторского права. Впоследствии синтетический, комплексный характер произведения кинематографии, а следовательно, и аудиовизуального произведения будет отмечаться многими исследователями.

Важно отметить, что на третьем этапе развития кинематографа кинофильмы становятся источником большой прибыли, что приводит к созданию целой индустрии кино, руководители которой старались обеспечить свои права всеми доступными способами. Кроме того, кинофильмы стали экспортироваться в большом количестве отдельными странами. В результате этого возникла необходимость в международно-правовой защите авторского права на кинематографические произведения и, как следствие, в доработке сложившейся системы международной охраны авторских прав, имевшей в своей основе Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений 1886 г. (далее – Бернская конвенция).

Начиная с разработки первоначального акта в 1886 г. Бернская конвенция в своем развитии прошла ряд последовательных стадий: пять пересмотров (в 1908, 1928, 1948, 1967, 1971 гг.) и три дополнения (в 1896, 1914, 1979 гг.), которые позволили усовершенствовать правовую систему, определяющую отношения между государствами-участниками в этой области. В 1908 г. в ходе Берлинской

конференции Франция (в то время она являлась крупнейшим экспортером фильмов) предложила, чтобы охрана, обеспечиваемая конвенцией, распространялась и на кинематографические произведения. Предложение Франции получило одобрение, и в пересмотренную Бернскую конвенцию была включена статья, устанавливающая охрану кинематографических произведений «в тех случаях, когда автор придает произведению личный и оригинальный характер при помощи средств постановки или сочетаний представляемых эпизодов» (ст. 14.2). Аналогичным образом за авторами литературных, научных и художественных произведений признается исключительное право разрешать воспроизведение и публичное представление своих произведений кинематографическим способом (ст. 14.1)¹².

Одновременно с этим в законах об авторском праве, принятых в различных странах в первые два десятилетия XX в., наряду с художественными и литературными произведениями стала предусматриваться также защита кинопроизведения.

Так, по новелле от 22 мая 1910 г. к германскому Закону о художественных произведениях от 9 января 1907 г. авторское право было распространено и на произведения кинематографа. Федеральный закон Соединенных Штатов Америки от 1909 г. предусматривал распространение авторского права на кинокартины, представляемые иным способом, чем фотография. В 1911 г. появился британский закон об авторском праве. Он утверждал охрану произведениям кино¹³.

Авторское право в отношении произведений кинематографа на территории современной Российской Федерации того времени регулировалось законодательными актами, издававшимися в Российской империи.

Уже в 1911 г. в России был принят первый специальный закон в сфере авторского права, который в то время опережал по существу и по уровню юридической техники акты западноевропейских государств¹⁴. Данный закон прямо не упоминал о защите кинематографических произведений. В нем предоставлялась защита лишь фотографическим произведениям. Однако в комментариях к этому закону Я.А. Канторович отмечал, что «продукт творчества, проявляемого в создании кинематографического произведения, не может остаться без защиты, и поэтому за отсутствием в нашем законе прямого постановления приходится восполнять этот пробел толкованием по аналогии»¹⁵.

После крушения Российской империи правоотношения в сфере авторского права регулировались декретами и постановлениями

Совета народных комиссаров (от 26 ноября 1918 г.¹⁶, 30 января 1925 г.¹⁷, 18 мая 1928 г.¹⁸). Основная идея этих декретов – национализация децентрализованных кинопредприятий. Издаваемые постановления главным образом касались организационной стороны кинематографа.

Новое законодательство в сфере авторского права на нашей территории появилось в 1925 г. Основы авторского права 1925 г. впервые включили в состав объектов авторского права «кинематографические сценарии, имеющие свойства самостоятельных произведений» и «киноленты»¹⁹. Таким образом, новые законодательные акты определили круг охраняемых объектов в кинематографии.

В дальнейшем законодатель отказался от термина «кинолента» и закрепил авторское право на кинофильм. Законодательство об авторском праве в редакции 1928 г. просуществовало до 1964 г.

Подводя итог исследованию третьего этапа, можно отметить, что приобретенный кинематографом индустриальный характер стимулировал развитие как международного законодательства, так и национальных законодательств стран-кинопроизводителей в направлении скорейшего закрепления кинематографического произведения в качестве самостоятельного объекта авторского права. Вместе с тем развитие технологий позволило приобрести произведениям кино синтетический, аудиовизуальный характер, что стало его значимым отличительным признаком среди иных объектов авторского права.

Переходя к четвертому этапу развития кинематографа, продолжавшемуся с 1929 г. до конца 1940-х годов, отметим, что кинематограф в данное время существенно замедлил свое развитие. Основными причинами этого были Великая депрессия – глобальный экономический кризис, начавшийся в 1929 г. и закончившийся лишь во второй половине 1930-х годов, который особенно сильно затронул экономики наиболее развитых стран-кинопроизводителей Запада, включая США, Великобританию, Германию и Францию, и последовавшая за ним Вторая мировая война. Этот этап характеризуется отсутствием каких-либо значительных изменений как в технологии кинопроизводства, так и в правовом регулировании киноиндустрии.

Пятый, послевоенный этап развития кинематографа связан с бурным развитием техники и технологии. Появляются цвет в кино, стереокино. В это же время зарождается система телевизионного вещания. С появлением телевидения осуществилась идея передачи изображения на расстояние, а его развитие, в свою очередь, стимулировало становление видеотехники, определив обособленное направ-

ление творчества, построенное на видеосъемке. Внутри телевидения и видео как средств массовой информации складывается феномен телевизионного искусства: создание экранных произведений – телеспектаклей и телефильмов. Основная техническая особенность телевидения, отличающая его от кино, заключается в способности передать аудитории звукозрительный образ события, действия одновременно с этим действием. В результате появляются новые категории произведений, близких к кинематографическим и в то же время находящихся в сфере телевидения и аудиовизуального показа.

Указанный процесс, безусловно, отразился и в международной системе охраны авторских прав. В результате брюссельского пересмотра Бернской конвенции (1948 г.) в перечень охраняемых произведений, содержащийся в ст. 2, включаются «кинематографические произведения, к которым приравниваются произведения, полученные способом, аналогичным кинематографии». В стокгольмском же варианте (1967 г.) названной конвенции телевизионные произведения ассимилируются с кинематографическими, если они «выражены способом, аналогичным кинематографии»²⁰.

Таким образом, в 1967 г. была впервые закреплена международно-правовая охрана авторского права на целый класс произведений, по форме сходных с произведениями кинематографии.

В нашем государстве послевоенный этап в развитии законодательства об авторском праве начинается с принятием закона «Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» 1961 г.²¹ В отдельный раздел данного законодательного акта были включены нормы авторского права. Они содержали общие положения, относящиеся ко всем видам творческой деятельности, в том числе кинематографической. Однако более подробно вопросы, связанные с авторским правом в аудиовизуальной сфере, были отражены в принятых несколько позднее гражданских кодексах союзных республик. В отличие от Основ 1961 г. в них приводился перечень произведений литературы, науки, искусства, на которые распространяется авторское право.

Уже в 70–80-е годы XX в. в законодательстве некоторых стран получает распространение термин «аудиовизуальное произведение», который наряду со всем комплексом кинематографических произведений охватил произведения, определенные в Бернской конвенции (ст. 2.1) как «произведения, выраженные способом, аналогичным кинематографии»²². В США этот термин появляется в Законе об авторском праве 1976 г.²³, во Франции – в 1985 г.²⁴

Первый международный акт, в котором дается определение аудиовизуального произведения, был принят в 1989 г. в Женеве.

Дипломатическая конференция, в присутствии делегаций 59 государств – членов ВОИС, 20 апреля 1989 г. приняла Договор о международной регистрации аудиовизуальных произведений. (Действие Договора впоследствии было приостановлено, а в 2000 г. прекращено из-за убыточности учрежденного Регистра аудиовизуальных произведений.) При участии представителей кинематографической киноиндустрии был создан Международный регистр аудиовизуальных произведений. Основные цели этого регистра – повышение степени юридической безопасности сделок, касающихся аудиовизуальных произведений; содействие созданию аудиовизуальных произведений; осуществление международных обменов этими произведениями; содействие борьбе с пиратами.

Отметим, что Российская Федерация также являлась участницей этого договора.

Термин «аудиовизуальное произведение» в гражданском законодательстве нашей страны впервые был употреблен в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик в 1991 г.²⁵ Это был первый кодифицированный акт, содержащий нормы авторского права, в условиях рыночных отношений. Он исключил свободное использование произведений в кино, на радио и телевидении, а также публичное исполнение опубликованных произведений без согласия автора, расширил круг охраняемых произведений, продлил срок охраны авторского права до 50 лет после смерти автора, впервые ввел охрану так называемых смежных прав и т. п. Основы гражданского законодательства должны были вступить в действие с 1 января 1992 г., но в связи с распадом СССР, окончательно оформившегося в декабре 1991 г., этого не произошло.

В настоящее время в Российской Федерации общественные отношения по созданию и использованию произведений науки, литературы, искусства, к которым относятся и аудиовизуальные произведения, регулируются различными нормативными правовыми актами. Среди них ведущее место занимает Конституция РФ как акт, имеющий высшую юридическую силу²⁶. Основным звеном является гражданское законодательство, состоящее из ГК РФ, законов и иных нормативных правовых актов. Наряду с гражданским законодательством отдельные правовые нормы о защите авторского права содержатся в уголовном, административном, процессуальном законодательстве.

В настоящее время Российская Федерация как преемник СССР является членом Всемирной конвенции об авторском праве (редакция 1952 г.²⁷; СССР присоединился к ВКАП с 27 июня 1973 г.), участником Соглашения о сотрудничестве в области охра-

ны авторского права и смежных прав, заключенного странами СНГ 24 сентября 1993 г.²⁸, Соглашения о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности, подписанного странами СНГ 6 марта 1998 г.²⁹

Примечания

- 1 *Агафонова Н.А.* Искусство кино: этапы, стили, мастера: Пособие для студентов вузов. Минск: Тесей, 2005. С. 7.
- 2 *Вайсфельд И.В.* Так начиналось искусство кино. М.: Киноцентр, 1988. С. 13.
- 3 *Агафонова Н.А.* Указ. соч. С. 9.
- 4 *Вайсфельд И.В.* Указ. соч. С. 13.
- 5 *Дворко Н.И.* Профессия режиссер мультимедиа. СПб., 2004. С. 9.
- 6 *Кружалов С.Е.* Аудиовизуальное произведение как объект авторского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 16.
- 7 *Бентли Л.* Право интеллектуальной собственности: авторское право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 139.
- 8 *Кружалов С.Е.* Указ. соч. С. 20.
- 9 *Агафонова Н.А.* Указ. соч. С. 10.
- 10 *Gérard P.-D.* Les Auteurs de l'oeuvre cinematographique et leurs droits. P.: Libr. gén. de droit et de jurisprudence, 1952. 205 p.
- 11 *Дворко Н.И.* Указ. соч. С. 12.
- 12 *Gérard P.-D.* Op. cit. P. 41.
- 13 *Кружалов С.Е.* Указ. соч. С. 23.
- 14 Положение об авторском праве от 20 марта 1911 г. // *Беляцкий С.А.* Новое авторское право в его основных принципах. СПб., 1912. С. 138.
- 15 *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Пг.: Тип. АО «Брокгаузъ – Ефронъ», 1916. С. 295–296.
- 16 Декрет СНК РСФСР от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР.* 1918. № 86. Ст. 900.
- 17 Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1925 г. «Об основах авторского права» // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР.* 1925. № 7. Ст. 67.
- 18 Постановление ЦИК и СНК СССР от 18 мая 1928 г. «Основы авторского права» // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР.* 1928. № 27. Ст. 246.
- 19 *Орлов Б.П.* Основные вопросы киноавторского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 191.

- ²⁰ *Литчик Д.* Авторское право и смежные права. М.: Ладомир, 2002. С. 564–565.
- ²¹ Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Основы гражданского законодательства Союза ССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 50. Ст. 525.
- ²² Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений. Берн, 9 сентября 1886 г., с изм. от 28.09.1979 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. С. 3–34
- ²³ Copyright Act of 1976 // LawResearch. § 101.
- ²⁴ Law of Author's Rights and on the Rights of Performers, Producers of Phonograms and Videograms and Audiovisual Communication Enterprises (No 85-660, of July 3, 1985). Art. 2.
- ²⁵ Основы Гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 31 мая 1991 г. Документ утратил силу с 1 января 2008 г. на территории Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
- ²⁶ Конституция РФ 1993 г.
- ²⁷ Всемирная конвенция об авторском праве. Женева, 6 сентября 1952 г. // СПС «КонсультантПлюс».
- ²⁸ Соглашение о сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав. Москва, 24 сентября 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».
- ²⁹ О ратификации Соглашения о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности. Москва, 6 марта 1998 г. // СПС «КонсультантПлюс».

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (КУПЛЯ-ПРОДАЖА ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ)

В представленной статье рассмотрены актуальные в настоящее время вопросы законодательного регулирования отношений лесопользования на примере купли-продажи лесных насаждений. Анализ современного лесного законодательства, прежде всего Лесного кодекса РФ, регулирующего вопросы купли-продажи лесных насаждений, важен и интересен как с точки зрения особенностей лесных насаждений как объекта договора купли-продажи, так и в свете проблем практической реализации (правоприменения) соответствующих норм.

Ключевые слова: природа, природные ресурсы, естественные экологические системы, компоненты природной среды, лес, лесной участок, устойчивое лесопользование, купля-продажа лесных насаждений.

Трудно переоценить значение и роль лесов в общественной жизни современной России. Занимая 70% территории Российской Федерации, леса, с одной стороны, выполняют важнейшую экологическую функцию (например, поддержание газового состава атмосферы), с другой стороны, удовлетворяют растущие экономические потребности страны.

Действующий Лесной кодекс Российской Федерации исходит из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе¹, что не противоречит сложившемуся в науке экологического права представлению о лесе как единстве земли, лесной растительности, животного мира и иных компонентов окружающей природной среды, имеющих важное экологическое, социальное и экономическое значение².

Необходимо отметить, что под естественной экологической системой понимают объективно существующую часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые ее элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществ и энергии³. Природные ресурсы представляют собой компоненты природной среды, природные и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность⁴.

Преобразования двух последних десятилетий, связанные с изменением политического и экономического уклада жизни российского общества, оказали значительное влияние на многие сферы общественных отношений, включая отношения по использованию лесных ресурсов России. Постепенное развитие гражданского оборота, формирование рынка природных ресурсов по-новому поставили вопрос о характере отношений лесопользования и механизмах их правового регулирования.

Правовую основу регулирования отношений лесопользования составляют Лесной кодекс Российской Федерации, иные федеральные нормативно-правовые акты, принимаемые в соответствии с ними нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, а также муниципальные правовые акты, изданные органами местного самоуправления в пределах своих полномочий.

Новый Лесной кодекс РФ (далее – ЛК РФ) кардинальным образом изменил правовую основу использования лесов, распространив сферу деятельности земельного и гражданского законодательства в область лесных отношений, включая отношения лесопользования. Так, в ст. 3 (ч. 2) ЛК РФ прямо указано, что имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков и лесных насаждений, регулируются гражданским законодательством, а также Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ), если иное не установлено ЛК РФ, другими федеральными законами. Федеральный закон «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» отменил ограничения, установленные прежним Лесным кодексом РФ, в отношении сдачи арендованного лесного участка в субаренду, передачи своих права и обязанности по договору аренды такого участка другим лицам (перенаем), а также возможности отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный

капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив⁵.

ЛК РФ (ст. 7) рассматривает лесной участок как земельный участок, границы которого определяются в соответствии со ст. 4 («Общие положения о проведении лесоустройства»), ст. 69 («Проектирование лесных участков») и ст. 92 («Государственный кадастровый учет лесных участков») ЛК РФ.

Помимо права собственности на лесные участки, ЛК РФ (ст. 9) установил следующие виды прав на них: право постоянного (бессрочного) пользования лесными участками, право ограниченного пользования чужими лесными участками (сервитут), право аренды лесных участков, а также право безвозмездного срочного пользования лесными участками.

Статья 75 ЛК РФ предусматривает куплю-продажу лесных насаждений. Предметом договора купли-продажи лесных насаждений являются лесные насаждения, произрастающие на землях, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Отметим, что государственная собственность включает в себя как федеральную собственность, так и собственность субъектов РФ. Данное положение является новеллой лесного законодательства и требует дальнейшего развития. Согласно указанной статье ЛК РФ граждане и юридические лица имеют право приобретать в собственность лесные насаждения без приобретения прав на лесные участки при условии, что эти лесные насаждения должны подлежать вырубке. По мнению А.Ю. Пуряевой⁶, насаждения, будучи уже не недвижимостью, не дают право лицу, приобретающему их в собственность, претендовать на переход права пользования лесным участком. Предметом договора купли-продажи лесных насаждений могут быть только те лесные насаждения, которые будут использованы для заготовки древесины.

Срок действия договора купли-продажи лесных насаждений не может превышать одного года, что прямо вытекает из п. 5 ст. 75 ЛК РФ. В таком договоре должны быть указаны местоположение лесных насаждений (лесной квартал и (или) лесотаксационный выдел) и объем подлежащей заготовке древесины. Необходимо также отметить, что помимо норм ЛК РФ к договору купли-продажи лесных насаждений применяются положения о договорах купли-продажи, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, если иное не установлено ЛК РФ.

В соответствии со ст. 76 ЛК РФ плата по договору купли-продажи лесных насаждений, за исключением платы по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд, определя-

ется на основе минимального размера платы, который вычисляется как произведение ставки платы за единицу объема древесины и объема подлежащей заготовке древесины. Ставки платы за единицу объема древесины, заготавливаемой на землях, находящихся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности, устанавливаются соответственно Правительством РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления. Плата по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд определяется по ставкам, устанавливаемым органами государственной власти субъектов РФ.

Глава 2 ЛК РФ непосредственно указывает в специальных статьях, в каких случаях и для каких целей возможно заключение договора купли-продажи лесных насаждений без оформления права аренды или других прав на лесные участки. Так, п. 8 ст. 29 ЛК РФ устанавливает, что граждане, юридические лица осуществляют заготовку древесины, осуществляя предпринимательскую деятельность на основании договоров аренды лесных участков, а в случае осуществления заготовки древесины без предоставления лесного участка – договоров купли-продажи лесных насаждений. Исключительные случаи заготовки древесины на основании договора купли-продажи лесных насаждений устанавливаются законами субъектов РФ. Если же граждане осуществляют заготовку древесины не для предпринимательских целей, а для собственных нужд, они это осуществляют на основании договоров купли-продажи лесных насаждений однозначно, без всяких оговорок или альтернативных вариантов.

Правила подготовки и заключения договора купли-продажи лесных насаждений, расположенных на землях, находящихся в государственной или муниципальной собственности (далее – Правила), утверждены приказом Федерального агентства лесного хозяйства от 26 июля 2011 г. № 318⁷. Они устанавливают порядок подготовки и заключения договора купли-продажи лесных насаждений, расположенных на землях, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Размер платы по такому договору, как уже указывалось выше, определяется в соответствии со ст. 76 ЛК РФ. Подготовка и заключение договора осуществляются по форме примерного договора купли-продажи лесных насаждений. Договор заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. В соответствии со ст. 75 ЛК РФ исключительные случаи заготовки древесины на основании договора

купли-продажи лесных насаждений устанавливаются законами субъектов РФ.

Подготовка и заключение договора по результатам аукциона по продаже права на заключение договора осуществляется следующим образом. Юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, заинтересованные в заключении договора по результатам аукциона по продаже права на заключение договора, обращаются в органы с заявлением о заключении договора по результатам аукциона по продаже права на заключение договора, в котором указывают следующие сведения:

- полное и сокращенное наименование и организационно-правовая форма заявителя, его местонахождение, реквизиты банковского счета – для юридического лица;
- фамилия, имя, отчество заявителя, место жительства, данные документа, удостоверяющего личность, – для гражданина, являющегося индивидуальным предпринимателем;
- наименование лесничества (лесопарка), в границах которого предполагается осуществить куплю лесных насаждений;
- цели использования, требуемый объем древесины и ее качественные показатели (деловая или дровяная древесина).

По результатам рассмотрения заявления органами, указанными в п. 3 Правил, выносится решение о начале процедуры подготовки к проведению аукциона, о чем заявитель информируется в течение 15 календарных дней с даты получения его заявления, либо заявление возвращается заявителю на следующих основаниях:

- отсутствие в указанных заявителем лесничествах (лесопарках) лесных насаждений, достаточных для заготовки заявленных объемов древесины с требуемыми качественными показателями;
- наличие установленных в соответствии со ст. 27 ЛК РФ ограничений использования лесов;
- несоответствие заявленного использования лесов лесохозяйственному регламенту лесничества (лесопарка).

Аукционы по продаже права на заключение договора, а также заключение договора по результатам аукциона проводятся в соответствии с ЛК РФ.

Подготовка и заключение договора без проведения аукциона осуществляются следующим образом. При размещении заказа на выполнение работ по охране, защите и воспроизводству лесов с одновременной продажей лесных насаждений для заготовки древесины подготовка и заключение договора осуществляются в порядке, установленном ст. 19 ЛК РФ. Гражданин, заинтере-

сованный в заготовке древесины для собственных нужд, подает в органы заявление о заключении договора о купле-продаже лесных насаждений для собственных нужд, в котором указываются следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество гражданина, его адрес, данные документа, удостоверяющего личность;
- наименование лесничества (лесопарка), в границах которого предполагается осуществить куплю лесных насаждений;
- требуемый объем древесины и ее качественные показатели.

Заявление рассматривается органами в течение 15 календарных дней с даты его получения. По результатам рассмотрения выносится решение о подготовке проекта договора либо заявление возвращается гражданину на следующих основаниях:

- превышение заявленных к заготовке объемов древесины по отношению к нормативам заготовки гражданами древесины для собственных нужд, устанавливаемым законом субъекта РФ, в границах территории которого расположено лесничество (лесопарк);
- отсутствие в указанном заявителем лесничестве (лесопарке) лесных насаждений, достаточных для заготовки заявленных объемов древесины с требуемыми качественными показателями.

О принятом решении о подготовке проекта договора органы информируют гражданина в письменной форме в течение 15 дней после принятия решения. Граждане заключают договоры купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд в порядке, установленном органами государственной власти субъектов РФ.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на распространение действия норм гражданского законодательства на договоры купли-продажи лесных насаждений, расположенных на землях, находящихся в государственной или муниципальной собственности, указанные договорные отношения в значительной степени ограничены публично-правовыми нормами. Это обусловлено прежде всего особым предметом договора – лесными насаждениями, находящимися на лесных участках. Учитывая то, что лесное законодательство рассматривает лес не только как природный ресурс, но и как экологическую систему, использование лесов должно осуществляться способами, исключаящими или минимизирующими нанесение ущерба лесным экосистемам и природе в целом.

- ¹ Лесной кодекс Российской Федерации: от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.
- ² Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С.А. Боголюбов, М.И. Васильева, Ю.Г. Жариков и др. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. С. 23–24.
- ³ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Федеральный закон от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5279.
- ⁶ Научно-практический комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Ю. Пуряева. М.: Деловой двор, 2010. С. 125.
- ⁷ Приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 26 июля 2011 г. № 318 «Об утверждении Порядка подготовки и заключения договора купли-продажи лесных насаждений, расположенных на землях, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и Формы примерного договора купли-продажи лесных насаждений» // Российская газета. 2011. 14 окт.

Борьба с преступностью и правонарушениями

В.О. Бежанов

К ВОПРОСУ О ЗНАЧИМОСТИ КРИТЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ В ОЦЕНКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье рассматривается вопрос о необходимости придания представлению об административном правонарушении и административной ответственности конкретности и правовой определенности, о недостатках правовой обеспеченности противостояния административной деликтности.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, общественная опасность.

Правопорядок в государстве зависит от многих факторов, среди которых можно выделить основные и второстепенные. К основным, в частности, следует отнести формирование теоретической основы, исходных положений, опираясь на которые законодатель мог бы формулировать правовые нормы, будучи уверенным в их позитивной направленности и действенности, соответствии реальной ситуации в той или иной области общественных отношений. До сих пор такой баланс в сфере правового регулирования административно-деликтных отношений не достигнут. На первый взгляд вроде бы ничего трагичного не происходит. Кто-то не прав, чьи-то рассуждения отдают схоластикой, но практика всё выверит, покажет слабые места, теорию и законодательство подкорректируют, и будет достигнут желаемый порядок. На самом деле всё гораздо серьезнее.

Отсутствие, выражаясь словами А.С. Дугенца, нужной консолидирующей дефиниции относительно административной ответственности в кодифицированном акте¹ и такого же рода дефиниции

административного правонарушения как основания ее применения позволило и в ряде случаев снова позволяет авторам Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г., а также вносимых изменений и дополнений действовать по своему усмотрению без учета реального положения дел.

Проблема в том, что в научной литературе длительное время продолжается дискуссия по вопросу обладания административных правонарушений признаком общественной опасности. Мнения ученых разделились и существенно отличаются.

Одни утверждают, что общественная опасность является существенным признаком и уголовного преступления, и административного правонарушения, другие отвергают само понятие «общественная опасность», подменяя его «вредностью деяния, не достигающего уровня общественной опасности», третьи разделяют административные правонарушения на общественно опасные и другие, которые таковыми не являются.

Формальных оснований для подтверждения своих позиций у всех авторов достаточно. Например, в КоАП не включено понятие административной ответственности, понятие административного правонарушения сформулировано достаточно примитивно, поскольку в нем отсутствует элемент посягательства на общественные отношения. Действительно, некоторые административные правонарушения, включенные в Особенную часть КоАП, не опасны для общества, но за них предусмотрена административная ответственность.

Эти недостатки можно осторожно назвать техническими, но при этом следует понимать, что они влекут недооценку административной деликтности, которая, как утверждает А.П. Шергин, «в современной России представляет значительную опасность для существующего правопорядка»².

Определить истинное положение дел представляется возможным, обратившись, в первую очередь, к исходному значению терминов, которыми оперируют участники вышеупомянутой дискуссии.

В словарях русского языка столь любимое сторонниками одного из подходов выражение «вред» означает ущерб, порчу, а «ущерб», в свою очередь, – потерю, убыток, урон. И только «опасность» означает возможность, угрозу чего-нибудь опасного (опасный – способный вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье)³.

Таким образом, именно термин «опасность» является не только более емким по отношению к двум другим, но и конкретным, определяющим необходимость избежать чего-то нежелательного, связанного с угрозой, защититься от него, не допустить его.

Во-вторых, не требует доказывания то, что государством предусматривается ответственность только за те деяния, которые нарушают установленный им же порядок. Ответственность реализуется посредством применения различных наказаний, что, безусловно, воспринимается как возмездие, кара, хотя в ст. 3.1 КоАП РФ цель наказания определяется только как предупреждение, что следует признать абсолютно нелогичным и неграмотным.

Здесь же необходимо вспомнить, что отношение к деяниям, вызывающим негативную реакцию в обществе, формировалось постепенно. Определяющую роль в этом играл уровень культуры, образования, воспитания. Все больше видов, составов таких деяний закреплялось в законодательстве, чтобы узаконить противостояние им. И такой эволюционный путь совершенствования общественных отношений и соответственно административного права должен был бы привести к практически идеальному правопорядку. Но глубочайшие изменения, начавшиеся в России в 1991 г. и продолжающиеся до сих пор, нарушили ход событий и крайне отрицательно отразились на криминогенной ситуации, на социальном сознании членов общества. Количество правонарушений возросло (в 2013 г. зарегистрировано только органами внутренних дел около 70 млн), латентность их увеличилась, правовой нигилизм приобрел устойчивость, отношение граждан к нарушениям их прав стало более терпимым, а к нарушениям в отношении других зачастую равнодушным и даже циничным. Если это не опасность, то что это? Кстати, Ю.И. Ляпунов отмечает, что сущность общественной опасности состоит в способности деяний производить негативные изменения в социальной действительности и вносить элементы дезорганизации в сложившийся правопорядок⁴.

В-третьих. Не утруждая себя доказыванием очевидного, лишь подчеркнем, что уголовные преступления безусловно содержат такой квалифицирующий признак, как общественная опасность. По отношению к административным правонарушениям законодатель более скромен – не признает по отношению к ним не только указанного признака, но даже и вредности (ст. 2.1 КоАП РФ).

Подобная неопределенность в столь актуальном вопросе вынуждает рассмотреть его в режиме «от противного».

Исходить в данном случае следует из того, что административно-деликтное и уголовное право регулируют по сути одни и те же общественные отношения, а составы уголовных преступлений и административных правонарушений имеют сходство, что обусловлено сходством объектов посягательства.

Сказанное подтверждается тем, что смежных составов в КоАП РФ и УК РФ уже больше сотни. Кроме того, процесс декриминализации и криминализации одних и тех же по своему характеру правонарушений подтверждает принципиальную социальную однородность преступлений и административных правонарушений⁵.

Не следует сбрасывать со счетов все возрастающий и вполне объяснимый интерес к действовавшему в свое время институту административной преюдиции, сущность которой заключается в том, что основанием уголовной ответственности за некоторые правонарушения законом предусматривается предварительное применение административного наказания.

Попытка же использовать в качестве отличительного критерия между преступлениями не только степень, но и качество общественной опасности представляется необоснованной, поскольку, во-первых, речь идет об одном и том же явлении и, во-вторых, для оценки деяния его существенные признаки, особенности исследуются всегда с учетом его интенсивности, агрессивности, величины создаваемой угрозы отношениям, т. е. в комплексе.

И еще. Некоторые авторы высказывают опасения по поводу неоправданно расширительного толкования характеристики общественно опасных деяний, что, по их мнению, фактически уравнивает административные правонарушения, обоснованно относимые к этой категории, и те, которые предусмотрены КоАП, но влекут лишь незначительные последствия, в большей степени морально-этического характера. Эти опасения напрасны, так как основание освобождения от административной ответственности по признаку малозначительности уже предусмотрено законодателем в ст. 2.9 КоАП РФ.

В-четвертых. Сталкиваясь в наших рассуждениях с понятием «административная деликтность» в сочетании с «общественной опасностью», необходимо определить их соотносимость.

Совокупность негативных факторов всегда порождает угрозу чему-либо, в частности общественной безопасности. Следовательно, можно сказать, что угроза общественной безопасности «предполагает количественное либо качественное изменение социальной системы или среды, при которой затрудняется, нарушается или становится невозможным нормальное развитие общественных отношений»⁶.

В современной России к этим угрозам следует в первую очередь отнести влияние новых экономических, социальных, международных условий, определивших безудержный рост административных правонарушений, зачастую приобретающих системный характер,

что применительно к антиобщественному поведению «формирует готовность конкретного человека к преодолению границы, которая отделяет административный проступок от преступления»⁷, т. е. переход правонарушителей в категорию преступников.

Помимо такой криминализации, как негатив следует расценивать неэффективность функционирования ряда структур государственного аппарата, призванного по сути властно влиять на общественные отношения с целью обеспечения их позитивного развития.

В основе деятельности как всего государства, так и его органов лежит обязанность предусматривать все варианты развития событий, выявлять причины и условия, которые могли бы способствовать совершению правонарушений, и принимать все меры для их недопущения, т. е. работать на упреждение. Поэтому вызывает недоумение легковесное, если не сказать небрежное, отношение законодателя к наведению порядка в административно-деликтной и юрисдикционной сферах. Это касается, в первую очередь, явных нарушений прав человека и гражданина, поскольку из КоАП исключена статья, предусматривающая возможность необходимой обороны, так как это установлено в уголовном законе, а крайняя необходимость в полном объеме утрату вышеуказанного положения не компенсирует. Торопливость, с которой было исключено из КоАП наказание в виде возмездного изъятия, ничем не оправдана, а само решение представляется не имеющим глубокого обоснования, ибо применение его имело еще и профилактическую направленность.

Вполне демократичную статью, предусматривающую исправительные работы для правонарушителей, исключили из КоАП с тем, чтобы опять к ним вернуться, но уже в виде обязательных работ, хотя в уголовном законе были и есть и исправительные и обязательные работы.

Даже не поднимался вопрос о необходимости дифференциации состояния физического лица в административно-юрисдикционном производстве, несмотря на то что насущная необходимость в этом есть.

До сих пор не решен в необходимом объеме вопрос о применении повторности как квалифицирующего признака административного правонарушения, не сформулировано точное и внятное ее определение. Это важно еще и потому, что в кратчайшие сроки необходимо определиться с использованием возможностей административной преюдиции, что позволило бы не только сократить количество административных правонарушений, но и послужило

бы серьезным сдерживающим фактором для лиц, склонных к совершению повторных административных правонарушений.

Главное же в том, что представление об административном правонарушении и административной ответственности все еще лишено конкретности и правовой определенности, что крайне важно в законодотворчестве и без чего противостояние административной деликтности представляется бессмысленным или, как минимум, неэффективным.

Примечания

- ¹ *Дугенец А.С.* Административная ответственность в российском праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 51.
- ² *Шергин А.П.* Административная политика: проблемы формирования и реализации // Актуальные проблемы кодификации административно-деликтного законодательства: Сб. науч. трудов. М.: Академия налоговой полиции ФСНП России, 2002. С. 91–92.
- ³ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 283.
- ⁴ *Ляпунов Ю.И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 31.
- ⁵ *Васильев Э.А.* Общественная опасность – основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений // Государство и право. 2007. № 4. С. 86.
- ⁶ *Бахрах Д.Н., Соловей Ю.П., Чемакин И.М. и др.* Административное право России. Особенная часть. Екатеринбург, 1997. С. 8.
- ⁷ *Константинов П.Ю., Соловьева А.К., Стуканов А.С.* Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. 2004. № 3. С. 97.

К ВОПРОСУ О МОТИВАХ И ЦЕЛЯХ СЕРИЙНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ УБИЙСТВ

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса мотивов и целей как признаков субъективной стороны серийных убийств на сексуальной почве. Приводится классификация наиболее типичных мотивов рассматриваемой категории дел.

Ключевые слова: мотивы и цели серийных сексуальных убийств, серийные убийства на сексуальной почве, сексуально-садистский мотив, сексуальный мотив.

Серийные убийства на сексуальной почве относятся к одним из самых малоизученных явлений криминального мира. В частности, до сих пор остается не до конца ясным вопрос, каковы основные мотивы данной категории дел, могут ли серийные убийцы руководствоваться сразу несколькими мотивами при совершении преступлений, стоит ли относить к категории серийных убийств на сексуальной почве преступления, совершенные как из корыстных побуждений, так и с целью достижения сексуального удовольствия.

Как известно, согласно ст. 73 УПК РФ к обстоятельствам, подлежащим доказыванию при производстве по уголовному делу, относятся мотивы лица, совершившего преступление¹. Для принятия обоснованного решения по делу необходимо установить признаки состава преступления, в частности субъективную сторону, которая включает в себя вину в той или иной форме, мотив и цель. Хотя мотив и цель не всегда выделяются законодателем в качестве обязательных признаков субъективной стороны, в данном случае их роль принципиальна, так как они выступают в качестве обязательных признаков состава преступления и именно

от них зависит формула квалификации деяния (пп. «з», «и», «к», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Мотивом преступления называют обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствовалось при его совершении.

Цель преступления представляет собой мысленную модель будущего результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления². Мотив также является главным (психологическим) доказательством, которое подлежит установлению при составлении профиля серийного сексуального убийцы³.

Обобщая научные работы отечественных ученых по данному вопросу⁴, можно заключить, что в принципе мотив серийного сексуального убийства в любом случае будет сексуальный или, что чаще, сексуально-садистский. Однако же в некоторых случаях он может быть не виден на первый взгляд или же отсутствовать вовсе, а его проявления будут являться проявлениями шизофрении, алкоголизма или старческих изменений головного мозга. Неясный, невидимый на первый взгляд мотив, как пишет В.А. Образцов, зачастую характерен для убийц, реализующих криминальную активность по человеконенавистническим мотивам, для так называемых избавителей человечества от второсортных, по их мнению, людей на основе психологической установки уничтожения живого, маниакального влечения ко всему мертвому⁵. Может показаться несколько странным, что гиперсексуальность у указанных лиц столь тесно переплетается с влечением к смерти и всему, что с ней связано. Однако в свете теории психоанализа в этом нет ничего удивительного: стремление к смерти (тонатос) и стремление к жизни (эрос) теснейшим образом переплетаются и определяют, согласно теории З. Фрейда, основу психики человека⁶.

На особой роли страха смерти как приоритетного мотива совершения серийных сексуальных убийств настаивает Ю.М. Антонян: «...по нашему мнению, он является одной из основных побудительных сил у большинства анализируемых нами жестоких убийц. <...> можно утверждать, что страх смерти как мотив присутствует и побуждать к совершению различных убийств с особой жестокостью»⁷.

Большинство зарубежных исследователей также сходятся на том, что основным мотивом серийных сексуальных убийств является получение сексуального удовольствия. Серийного убийцу характеризуют как преднамеренного, заранее все обдумывающего сексуального хищника от природы, не вступающего в межличност-

ные конфликты и не занимающегося провокациями⁸. Мотивация, пишет Фолино, может быть различной в зависимости от социокультурной среды, в которой находится преступник⁹.

По мнению Эггера, может присутствовать как сексуальный мотив, так и желание получить психологическое удовольствие. Секс же зачастую используется для получения власти и контроля над жертвой и является, по сути, отдельным явлением от того секса, который следует после¹⁰.

В ходе исследования 494 серийных убийц, действовавших на территории Соединенных Штатов, почти две трети из них имели мотив устрашения путем использования власти и силы или же сексуальный садизм¹¹.

Хикей в своем исследовании приводит следующие данные относительно мотивов серийных сексуальных убийств на основании проведенных им исследований¹².

Мотив	Количество случаев	Процент
Только сексуальный	30	6
Только корыстный ¹³	41	8
Ненависть	14	3
Психическое расстройство	20	4
Месть	**	**
Расизм	33	7
Только получение удовольствия	8	2
Преимущественно получение удовольствия	77	16
Преимущественно сексуальный	203	41
Преимущественно корыстный	125	25
Преимущественно с целью осуществления доминанции над жертвой	133	27
Комбинация нескольких мотивов	235	47

Особо следует отметить тот факт, что среди мотивов серийных сексуальных убийств крайне редко встречается корыстный, и если это и происходит, то он является не основным и позволяет отграничить серийное сексуальное убийство от смежных составов. В.А. Образцов особо указывает на то, что «для многих из них [серийных убийц] характерна комбинация, сложное переплетение ряда мотивов при доминирующей роли какого-либо одного как главного побудителя их поведения. Отсюда и случаи похищения

вещей и ценностей жертв у мародерствующих сексуальных маньяков и факты сексуального насилия в структуре корыстно ориентированных сериалов»¹⁴. Сюда же можно отнести и тот факт, что, как подчеркивают А.А. Ткаченко и Г.Е. Введенский, серийные сексуальные убийцы могут в ряде случаев руководствоваться различными мотивами для разных жертв. Кроме того, их мотивы могут с течением времени подвергаться изменениям ввиду наступления личностной деградации, ухудшения планирования ввиду кажущейся безнаказанности, сокращения промежутка времени между эпизодами, ужесточения насилия¹⁵.

Целью серийного сексуального убийцы практически всегда является реализация сексуальных фантазий и высвобождение накопившейся сексуальной энергии. Так, Д.Е. Васин пишет: «...в случае внезапно возникшего умысла на совершение убийства, например, по сексуальным мотивам, действия виновного обычно направлены на достижение одной цели – уничтожение жертвы»¹⁶. Данное утверждение представляется весьма спорным, так как многие преступники не ставят своей целью именно физическое уничтожение жертвы, прибегая к нему только ради сокрытия следов преступления. Более того, известны случаи, когда конечной целью убийцы являлось вовсе не убийство, а создание идеального сексуального объекта (так, Кристофер Берделла всегда убивал без удовольствия ввиду необходимости скрыть следы своих неудачных попыток по созданию полностью подконтрольного сексуального раба).

На основании типологии серийных сексуальных убийств, предложенной Ю.М. Антоняном, Б.В. Шостаковичем и В.А. Верещагиным, можно выделить следующие цели рассматриваемых преступлений: 1) получение сексуального удовлетворения во время совершения убийства; 2) подавление сопротивления жертвы перед изнасилованием или во время него; 3) соитие с трупом; 4) сокрытие следов преступления; 5) убийство, совершенное в ответ на действия, расцениваемые как унижение. Однако А.А. Ткаченко и Г.Е. Введенский высказывают сомнения относительно возможности возникновения у субъекта четкой цели на убийство с целью подавления сопротивления жертвы перед изнасилованием или во время него, указывая на то, что «в клинической практике в таких случаях речь может идти либо о непреднамеренном, непланируемом убийстве, когда субъект превышает необходимую для преодоления сопротивления жертвы меру физического воздействия, либо о факте нераспознавания смерти жертвы, либо о возникновении в процессе подавления сопротивления другого, ситуационного мотива»¹⁷. Мотив убийства, сформулированный как «убийство с целью

сокрытия следов преступления», также «с трудом можно назвать психологически понятным, если речь идет о сокрытии следов изнасилования: здесь возможно либо возникновение аффективного мотива, либо речь идет о дезорганизации психической деятельности с утратой критики к своему поведению и его последствиям»¹⁸.

Таким образом, цели серийного сексуального убийства можно сформулировать как получение максимального сексуального удовольствия от содеянного и реализация глубинных патологических фантазий, большинство из которых носят явно патологический характер. Мотив серийных убийств на сексуальной почве в подавляющем большинстве случаев будет сексуальный, сексуально-садистский, тогда как прочие мотивы (включая корыстный) будут являться побочными.

Примечания

- ¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
- ² *Кадников Н.Г.* Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учеб. для высш. учеб. заведений / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. М.: Книжный мир, 2006. С. 126.
- ³ *Douglas J.E., Ressler R.K., Burgess A.W., Hartman C.R.* Criminal Profiling from Crime Scene Analysis // Behavioral Sciences and the Law. 1986. Vol. 4. № 4. P. 401–421.
- ⁴ См., например: *Протопопов А.Л.* Расследование серийных убийств. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2006. С. 280.
- ⁵ *Образцов В.А.* Серийные убийства как объект психологии и криминалистики: Учеб. и практ. пособие. М.: Омега-Л; ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. С. 20.
- ⁶ См. подробнее: *Фрейд З.* Влечения и их судьбы // Фрейд З. Психология бессознательного / Пер. с нем. А.М. Боковой. М., 2006. С. 35.
- ⁷ См. подробнее: *Антоян Ю.М.* Особо опасный преступник. М.: Проспект, 2011. С. 232–245.
- ⁸ *Kraemer G.W., Lord W.D., Heilbrun K.* Comparing single and serial homicide offenses // Behavioral Sciences and the Law. 2004. Vol. 22. № 3. P. 325–343.
- ⁹ *Folino J.O.* Sexual homicides and their classification according to motivation: a report from Argentina // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2000. № 44 (6). P. 740–750.
- ¹⁰ *Egger S.A.* The killers among us. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1998. P. 23.
- ¹¹ *Fox J.A., Levin J.* Extreme killing: understanding serial and mass murder. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2005. P. 21.

- ¹² *Hickey E.W.* Serial murderers and their victims. Fresno: Wadsworth Group, 2002. P. 12.
- ¹³ Целесообразность и уместность выделения данного мотива как единственно возможного при совершении серийного убийства на сексуальной почве выглядит, безусловно, не очень корректно.
- ¹⁴ *Образцов В.А.* Указ. соч. С. 20.
- ¹⁵ Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А.А. Ткаченко и Г.Е. Введенского. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 585.
- ¹⁶ *Васин Д.Е.* Криминалистическая характеристика убийств, совершенных в условиях неочевидности, и ее составляющие // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2005. Вып. 52. С. 110.
- ¹⁷ Аномальное сексуальное поведение. С. 585.
- ¹⁸ Там же.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН ПРИБАЛТИКИ

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, посвященные сравнительному исследованию системы преступлений против правосудия по законодательству Российской Федерации и прибалтийских государств (Литвы, Латвии, Эстонии), а также уголовной ответственности за данные виды преступлений.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, преступления против правосудия, уголовное законодательство зарубежных стран.

Согласно ст. 18 Конституции РФ¹ правосудие является гарантом прав и свобод гражданина, что подчеркивает его особую роль в правовом государстве. Однако и самому правосудию требуется защита, в том числе при помощи уголовно-правовых средств, в первую очередь для предотвращения преступных посягательств на него и воспрепятствования нарушения процесса его осуществления. Такая защита предусматривается уголовным законодательством всех правовых государств, включая и страны Прибалтики (Литву, Латвию и Эстонию).

В Уголовном кодексе РФ преступления против правосудия указаны в главе 31². В настоящей статье будут рассмотрены отдельные положения данной главы, в частности ст. 295 (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), 296 (угроза убийством или насильственными действиями в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования), 297 (неуважение к суду) и 291.1 (клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава).

В ст. 295 объектом преступления являются общественные отношения, связанные с жизнью и здоровьем лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование. При этом под такими лицами понимаются непосредственно судьи, присяжные заседатели, иные лица, участвующие в отправлении правосудия, а также следователь, прокурор, лица, производящие дознание, защитник, эксперт, специалист, судебный пристав, судебный исполнитель, а также их близкие. При этом непосредственно указана цель совершаемого преступления – воспрепятствование законной деятельности данных лиц или же месть за такого рода деятельность. Объективная сторона преступлений против правосудия выражается в осуществлении противодействия нормальному функционированию системы правосудия вне зависимости от того, как именно это противодействие осуществляется. При этом данное деяние может совершаться только путем действия и только с прямым умыслом. Стоит отметить, что квалификация по данной статье невозможна, если посягательство на жизнь указанных выше лиц осуществлялось по иным мотивам, кроме как в целях воспрепятствования осуществляемой ими законной деятельности или мести за такую деятельность.

В законодательстве стран Прибалтики аналогичная статья встречается только в Уголовном законе Эстонии³. При этом предусмотрено две статьи. Статья 303 предусматривает ответственность за насилие в отношении судьи, народного судьи, следователя, прокурора, защитника, представителя потерпевшего и их близких. При этом объективная сторона выражается конкретно в насильственном принуждении данных лиц действовать не соответствующим интересам правосудия образом либо же насилие осуществляется в качестве мести за выполнение ими своих обязанностей. Вторая статья – это ст. 304, предусматривающая ответственность за повреждение или уничтожение имущества судьи, народного судьи, следователя, прокурора, защитника, представителя потерпевшего, а равно их близких. Аналогично ст. 303, в данном случае объективная сторона выражается в уничтожении или повреждении имущества с целью принуждения данных лиц действовать не соответствующим интересам правосудия образом либо же имущество уничтожается в качестве мести за выполнение ими своих обязанностей. Таким образом, отдельно выделено посягательство на имущество указанных лиц, но лишь с определенной целью. Так, уничтожение у одного из вышеуказанных лиц, даже в случае, если лицо знало, чье именно имущество оно уничтожает, не может квалифицироваться по данной статье.

Статья 296 УК РФ предусматривает ответственность за угрозу убийством или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования. В данном случае речь идет не только непосредственно о самой угрозе убийством, но также и об угрозе причинения вреда здоровью, уничтожении или повреждении имущества судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а также их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде. В данном случае также стоит указать на то, что данное преступление может осуществляться только по определенным мотивам. Аналогичных статей в уголовном законодательстве, кроме Эстонии, в странах Прибалтики нет.

Суть ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду» состоит в том, что в результате оскорбительных действий по отношению к участникам судебного разбирательства или же конкретно к судье, присяжным заседателям или иным лицам, принимающим участие в отправлении правосудия во время судебного заседания, создается обстановка, мешающая всесторонне, полно и объективно устанавливать истину по делу, подрывается авторитет суда, наносится моральный вред потерпевшим. Объективная сторона выражается в неуважении к суду: в оскорблении участников судебного разбирательства либо в оскорблении судьи, присяжного или народного заседателя, а также иных лиц, участвующих в отправлении правосудия. В данном случае неважен мотив совершения преступления – это может быть и месть, и личная неприязнь. Однако само преступление всегда совершается с прямым умыслом, т. е. имеет целью оскорбить вышеуказанное лицо.

В законодательстве стран Прибалтики аналогичное положение содержится в Уголовном законе Эстонии – ст. 305 предусматривает ответственность как за оскорбление суда и судей, так и за клевету в их отношении, но только в связи с их участием в осуществлении правосудия, что корреспондирует с другой аналогичной статьей Уголовного кодекса РФ – ст. 291.1, предусматривающей ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава. Стоит обратить внимание на то, что, в отличие от клеветы, квалифицированный состав «оскорбления» предусматривает ответственность только за деяние, осуществляемое в отношении суда или судей, тогда как в ст. 291.1 указан расширительный перечень возможных потерпевших. В Уголовном законе Литвы ст. 232 предусматривает ответственность за неуважение к суду лиц, которые публично действием, словом или письменно оскорби-

тельно унизили во время отправления правосудия суд или судью за их деятельность. Таким образом, определяются место и время осуществления деяния только во время отправления правосудия. Преступление может осуществляться только умышленно.

В уголовных законодательствах Литвы⁴ и Латвии⁵ имеется лишь одна статья, связанная с нарушением порядка отправления правосудия путем оказания влияния на лиц, его осуществляющих, вмешательство в рассмотрение дел в суде, под которым понимается любое воздействие на судью или судебного заседателя с целью воспрепятствовать всестороннему, полному и объективному разбирательству дела или добиться вынесения и оглашения незаконного приговора или решения (ст. 295 Уголовного закона Латвии и ст. 231 Уголовного закона Литвы), предусматривающая ответственность за воспрепятствование деятельности судьи, прокурора, должностного лица досудебного расследования, адвоката или судебного исполнителя.

Таким образом, анализ законодательства в части уголовной ответственности за преступления против правосудия позволяет сделать вывод о том, что наиболее широко данный вопрос освещен в уголовном законе Российской Федерации, где представлено 25 статей и предусматривается ответственность за посягательство как на нормальный порядок отправления правосудия, так и на жизнь и здоровье непосредственно лиц, осуществляющих правосудие, тогда как в странах Прибалтики уголовный закон содержит в основном нормы о нарушении порядка отправления правосудия.

Примечания

- ¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
- ² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- ³ Karistusseadustik (lühend – KarS) [Электронный ресурс] // Website of Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/184411> (дата обращения: 14.01.2014).
- ⁴ Lietuvos Respublikos Baudžiamasis Kodeksas [Электронный ресурс] // Website of Lietuvos Respublikos Seimas. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=280488 (дата обращения: 14.01.2014).
- ⁵ Krimināllikums [Электронный ресурс] // Website of Latvijas Republikas tiesību akti. URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=88966> (дата обращения: 14.01.2014).

МУЛЬТИЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КОММУНИТАРНОГО ПРАВА

Статья посвящена специфике использования мультилингвистического фактора как ключевого явления европейской интеграции. Данная проблема явно выражается при переводе норм европейского законодательства с одного языка на другой. Процесс перевода, к сожалению, зачастую приводит к появлению ошибок, в силу чего последняя официальная версия языка общественных норм отличается от первоначальной.

Ключевые слова: мультилингвизм, законодательство, коммуникация, коммунитарное право, нормативные акты, Европейский союз, язык, Суд Европейского союза.

Экстенсивный мультилингвизм (широкое использование нескольких языков) считается одним из важнейших принципов Европейского союза. Данный факт мотивирован несколькими факторами. Язык как исторически традиционный элемент создания государств¹ все еще обладает высокой символической ценностью² для государственного суверенитета. Мы были свидетелями того, что сама передача компетенций в институты Европейского союза на уровне присоединяющейся страны-члена воспринимается очень чувствительно. Насколько возросло бы отрицательное восприятие Европейского союза некоторыми политиками и широким общественным спектром в случае, если бы присоединяющееся государство должно было полностью отказаться от использования национального (государственного) языка в общении с институтами Европейского союза, и прежде всего в отношении законодательных актов Европейского союза. Принцип равенства разных языковых версий коммунитарного права по отношению к Европейскому

союзу носит специфический характер, отражающий помимо политического равенства стран-членов³ также прямую применимость законодательства Европейского союза гражданами стран-членов.

Жизнь в сообществе/государстве обусловлена коммуникацией. Коммуникация является *conditio sine qua non* для сосуществования людей в государственном строе. Данная коммуникация может происходить на уровне горизонтальных отношений между адресатами правовых норм, где для субъектов только в исключительном порядке предписывается язык общения⁴, причем подбор его в большинстве случаев является неформальным и осуществляется в индивидуальном порядке для каждого случая (общение на материнском языке, литературном языке, жаргоне, иностранном языке и т. д.). В случае вертикальной коммуникации создателя норм (законодателя) по отношению к адресатам правовых норм необходимо обеспечить относительно ригидную общую регулировку, гарантирующую эффективный трансферт информации на языке, понятном для всех адресатов правовых норм на данной территории. Этот принцип, с некоторыми исключениями, применяется при сосуществовании государств на уровне Европейского союза. В Европейском союзе на 28 государств-членов приходится 23 официальных языка. Гражданин Европейского союза, таким образом, имеет право получать информацию на «собственном» языке, а также общаться на этом языке с институтами Европейского союза. Но эта идея «собственного» языка не является консистентной, намного удачнее был бы тезис общепонятного языка на данной территории (идея государственного языка), поскольку в Европе, несмотря на долгую историю национальных государств, большинство стран многоязычных, с множеством автохтонных региональных языков, которые нельзя считать общепонятными для всех жителей данной страны. В качестве примера можно привести провансальский и бретонский языки во Франции, уэльский в Великобритании, каталанский и баскский в Испании или фризский в Голландии.

Язык действует и должен действовать как объединяющий элемент. В интересах эффективного сосуществования общности в определенном государстве какой-то язык имеет статус общепонятного: испанский язык – в Испании, английский – в Великобритании и т. д. Язык как носитель информации неотъемлемо связан с правом и применением права. Закон, вернее позитивное право, без языка не может существовать. Естественное право, может быть, существует без языка, но без языка его нельзя использовать. Язык между законодателем и адресатом нормы выполняет функцию информационного канала, мы говорим о языке

права. Стремлением языка права является доскональная передача информации от законодателя к адресату нормы. Мы говорим об информационной функции языка права. С функцией языка права связаны его специфические свойства, такие как строгость, экзактность – экзактное, однозначное высказывание желаемого поведения. Таким образом, регулятивная функция языка права делает ударение на однозначности и точности, т. е. на как можно более низкой мере энтропии. Законодательные правила законотворчества (уведомление № 19/1997 СЗ) в ст. 4 устанавливают, что закон должен быть понятным, терминологически точным, единым и кратким (абз. 1 и 2). Абзац 3 этой статьи также подчеркивает необходимость соблюдения языковой исправности, стилистического соответствия и всеобщей понятности. Акцент на понятности языка права (законодательного текста) является выражением его информационной функции, строгость и экзактность – выражением его регулятивной функции. Парадоксом языка права является то, что эти две функции контрадикторные. Повышение экзактности и однозначности языка права ведет к снижению его информационной ценности, его понятности.

Проблема с экзактностью и ясностью, а также с интерпретацией может возникнуть не только в связи с предложением или компактным текстом. Такая проблема имманентна и одному слову/понятию. В этой связи необходимо напомнить семантический треугольник Фреге как модель, изображающую основные отношения между объективной реальностью, идейной сферой и сферой языка. В объективной реальности имеется объект «стул», этому объекту отвечает его имагинарное отображение – идея/образ, выраженная на языке словом «стул». Проблема возникает, когда мы хотим при помощи языкового выражения – словом «стул» – назвать очень точно детерминированный объект – конкретный стул, или очень четко определенный стул. В объективной реальности существует очень много конкретных стульев разных форм, материалов, цветов и, может быть, технических свойств. Все эти стулья можно подвести под языковое выражение «стул», но также под идею/образ стула. Такая идея/образ стула может быть для каждого человека своей. Я, автор настоящего текста, могу представлять себе и, скорее всего, я себе представляю стул, отличный от того, который себе представляет читатель данного текста. Разницу наших представлений могут детерминировать опыт, образование, воображение, культурный бэкграунд и т. д.

Значит, язык – очень эффективный способ общения, но он связан с множеством специфических проблем. Пример со стулом продемонстрировал нам, что уже два субъекта, говорящие на одном

языке, могут к понятию «стул» отнести иную идею и данной идее отвечающую объективную реальность. Другими словами, каждый может под данным понятием подразумевать что-то другое. И насколько острее данная проблема выступает при трансформации/переносе информации из одного языка на другой?!

Необходимо осознать, что язык живой. Высказывание и понимание не являются строго репродуктивной, механической деятельностью, они скорее неконтролируемо творческие, и каждое присвоение смысла отодвигает действующие границы семантической нормальности. Словари, лексиконы или другие самозванные авторитеты по делам языка приводят только примеры примеров использования языка в каком-то контексте. Но они не могут обеспечить исчерпывающую информацию о понятиях и их использовании. Это как раз и является значительным фактором, играющим негативную роль при пользовании компьютерных переводов. Компьютер требует информацию, которая эксплицитным и экзактным способом определена. Но языковое понимание обусловлено осознанием контекста⁵. Проблема языка и правильного понимания идеи, им выраженной, является важной для коммунитарного права.

Правовые акты Европейского союза составляются на трех языках: английском, французском и немецком. Демократическое требование понятности правовой нормы ее адресатами вызывает необходимость перевода правовых актов Европейского союза на все официальные языки стран-членов. Следом возникает связанное с этим требование аутентичности, эквивалентности всех языковых версий правовых актов Европейского союза. Нормативным выражением данного требования является ст. 5 Регламента № 1 об установлении лингвистического режима Европейского экономического сообщества (ОБ ЕС 17, 6.10.1958) в действующей редакции, согласно которой «Официальный журнал Европейского союза» публикуется на всех официальных языках. Знаменательной вехой в этом отношении становится решение Суда ЕС от 11 декабря 2007 г. по делу «ООО Скома-Люкс» против Налогового управления г. Оломоуц. Согласно этому решению обязанности, вытекающие из юридической нормы сообщества, не опубликованной в Официальном бюллетене Европейского союза на языке страны – нового члена, язык которой является официальным языком Европейского союза, не могут быть возложены на отдельные лица, даже в случае, если данные лица могли ознакомиться с этой юридической нормой другими способами (на другом языке).

Вышеприведенный коммунитарный мультилингвизм является, с одной стороны, необходимым для 28 стран-членов с точки зрения

выполнения требования понятности для всех адресатов правовых норм. Но, с другой стороны, создает затруднения в вопросе интерпретации правовых норм, содержащихся в разных языках, так как вследствие ошибок перевода⁶ или специфических коннотаций лингвистических терминов⁷ правового акта на каком-то языке возникает существенная разнородность в интерпретации и последующем применении данных правовых норм, что влечет за собой ослабление уверенности в законности. Единый рынок и общее пространство свободы и безопасности требуют единого содержания и единого способа применения юридических норм. Нежелательно, чтобы иная языковая версия юридической нормы меняла содержание этой нормы.

Данную проблему должен решать Европейский суд, являющийся блюстителем единого способа применения коммунитарного права. Европейский суд создал доктрину, согласно которой потребность в едином способе применения и интерпретации коммунитарных норм препятствует изолированному учету только одной языковой редакции, но в случае сомнений требуется истолкование и применение в свете остальных языковых версий. В качестве примера можно привести решение от 6 октября 1982 г. по делу C-283/81 Cilfit, решение от 12 ноября 1968 г. по делу C-29/1969 Stauder, решение от 3 марта 1977 г. по делу 80/76 North Kerry Milk Products Ltd. или решение от 2 апреля 1998 г. по делу C-296/95 The Queen proti Commissioners of Customs and Excise, ex parte EMU Tabac SARL, The Man in Black Ltd, John Cunningham.

Профессор Панос Лазаратос, стремясь решить лингвистические проблемы коммунитарного права, приводит несколько стратегий/подходов, созданных Европейским судом:

- критерий большинства языковых версий;
- критерий интерпретации, как можно меньше наносящей ущерб гражданину;
- критерий наиболее эксплицитной интерпретации;
- критерий общего знаменателя интерпретации отдельных языковых версий;
- направленность на оригинальный текст (а не на его перевод);
- направленность на генезис возникновения (историческая интерпретация)⁸.

От многих вышеперечисленных подходов Суд Европейского союза отказался полностью, вернее, многие из них используются только в качестве контрольных критериев, а не как детерминирующие критерии интерпретации. Необходимо осознать, что интерпретация права связана с его выражением на языке. Возможно,

Суд Европейского союза в вопросе интерпретации коммунитарных юридических норм стремится скорее обнаружить действительные законодательные намерения – значит, можно подтвердить телеологический подход к интерпретации норм.

Но проблема решается весьма неудовлетворительно. Теоретико-юридическое требование уверенности в законности не дает возможности полностью игнорировать отдельные языковые версии юридической нормы. Но то же требование уверенности в законности требует, чтобы юридическая норма имела одинаковое содержание во всех языковых версиях, т. е. во всех странах-членах.

Кажется, что коммунитарный мультилингвизм создает замкнутый круг, который приговаривает нас к компромиссам или отказу от некоторых юридических принципов. Словацкий адресат коммунитарной нормы не может полагаться только на ее редакцию на словацком языке, что в связи с информационной функцией источников права и принципом уверенности в законности имплицитно требует существования экстенсивных языковых способностей данного адресата. Требование понятности юридической нормы, таким образом, в контексте Европейского союза является значительно контриндикаторным по отношению к требованию уверенности в законности. Приемлемо ли, чтобы с действительным содержанием коммунитарного права был знаком только адресат юридической нормы, досконально владеющий языками?

Примечания

- ¹ “Sprache ist für Genese, Bestand und Verfall von Staaten und staatsähnlichen Gebilden von Relevanz” (*Toggenburg G.N.* Die Sprache und der Binnenmarkt im Europa der EU: Eine kleine Beziehungsaufstellung in 10 Punkten [Электронный ресурс] // EURAC. URL: http://www.eurac.edu/en/research/institutes/imr/activities/Bookseries/edap/Documents/2005_edap01.pdf (дата обращения: 23.03.2014)).
- ² “For the new Member States which joined the European Union in 2004 the national language is a precious good, which they may not hesitate to associate with the foundations of their constitutional systems” (*Bobek M.* The Binding Force of Babel: the Enforcement of EC Law Unpublished in the Languages of the New Member States // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. 2007. Vol. 9 (2006–2007). P. 28.
- ³ См. также: *Urrutia I., Lasagabaster I.* Language Rights as a General Principle of Community Law (German Law Journal. 2007. Vol. 8. № 5. P. 482) [Электронный ресурс] // German Law Journal. URL: <http://www.germanlawjournal.com/pdfs/>

Vol08No05/PDF_Vol_08_No_05_479-500_Articles_Urruitia.pdf (дата обращения: 20.03.2014).

- ⁴ В качестве примера предписанного языка общения можно привести обязанность изготовителя продуктов питания обозначить продукты питания данными на государственном языке (§ 9 Закона № 152/1995 СЗ о продуктах питания в редакции позднейших предписаний).
- ⁵ *Christensen R.* Juristisches Entscheiden unter der Vorgabe von Mehrsprachigkeit [Электронный ресурс] // Recht und Sprache. URL: <http://www.recht-und-sprache.de/PDF/Mehrsprachigkeit.pdf> (дата обращения: 20.03.2014).
- ⁶ Необходимо также считаться с тем, что переводы по статистике, естественно, связаны с ошибками. См., например: *Gldzl A.* Lost in Translation; EU Law and the Official Languages – Problem of the Authentic Text. P. 3 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cels.law.cam.ac.uk/events/Glezl.pdf> (дата обращения: 20.03.2014). “The Commission has stated that ‘all (its) translations have to be faultless’, but there *simply is no* such thing as faultfree translation. Every translation represents at best a diminishment, and at worst corruption, of the original statement’s communicative value to a greater or lesser extent” (*Creech L.R.* Law and Language in the European Union: the Paradox of a Babel “United in Diversity”. Groningen: European Law Publishing, 2005. P. 27). Доказательством ошибок перевода является издание так называемых коригендумов к юридическим актам.
- ⁷ См.: *Creech L.R.* Op. cit. P. 26–38.
- ⁸ *Lazaratos P.* The grammatical interpretation in European law [Электронный ресурс] // DOC88. URL: <http://www.doc88.com/p-748827892183.html> (дата обращения: 15.03.2014).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАЕМНИЧЕСТВО ПО ФРАНЦУЗСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В статье исследуются проблемы ответственности за наемничество по действующему французскому законодательству, рассматриваются исторические этапы развития законодательства об ответственности за наемничество во Франции. Автор уделяет особое внимание проблеме уголовной ответственности за вербовку, найм, вознаграждение, экипировку, военный инструктаж наемников, а также за участие наемников в вооруженных конфликтах и военных операциях.

Ключевые слова: наемничество, ответственность, французское уголовное законодательство.

Вопросы, связанные с уголовной ответственностью за наемничество по законодательству зарубежных стран, в частности по законодательству Франции, недостаточно освещены в российской юридической литературе. Так, небольшое внимание проблеме ответственности за наемничество кратко уделялось в советский период в научных статьях И.П. Блищенко, С.Н. Незнанова, в статьях российских юристов А.А. Потапова, Н.О. Шандиевой.

Однако в этих статьях не отражены последние изменения, внесенные во французское законодательство, относительно уголовной ответственности за вербовку, обучение, финансирование, а также участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях, которые были связаны с подписанием и ратификацией Францией Дополнительного протокола I от 8 июля 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.

Законодательство европейских стран не предусматривает ответственности за наемничество в том смысле, в котором оно сфор-

мулировано в Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, а, как отмечает А.А. Потапов, основывается на концепции наказуемости незаконной военной службы¹.

Так, на сегодняшний день уголовная ответственность за различные формы проявления наемничества установлена во многих европейских государствах: законодательства Чехии и Словакии предусматривают уголовную ответственность за службу в иностранных вооруженных силах без разрешения президента; законодательства Исландии и Бельгии предусматривают уголовную ответственность за вербовку своих граждан для службы в армии иностранного государства.

Между тем международное право устанавливает определение наемника и исходит из преступности наемничества как целостного явления, включающего в себя участие наемника в вооруженных конфликтах или военных действиях, использование наемника в вооруженных конфликтах или военных действиях, вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника.

Ответственность за наемничество, которая основывается на международно-правовой концепции данного термина, на сегодняшний день существует только во Франции в ст. 436-1–436-5 (установлена в 2003 г.). В уголовном праве Хорватии в ч. 2 ст. 157 предусмотрена уголовная ответственность за использование наемников с целью ведения агрессивной войны.

Рассматривая вопрос о развитии французского законодательства об ответственности за наемничество, необходимо начать с Уголовного кодекса Франции 1810 г. (Уголовный кодекс Наполеона).

Единственной нормой во французском законодательстве, которая касалась деятельности наемников в период действия Уголовного кодекса Франции 1810 г., являлась ст. 85, в которой была закреплена ответственность за вербовку в мирное время солдат на французской территории от имени иностранной державы, а также предусматривалось наказание в виде тюремного заключения на срок от 1 года до 5 лет и штрафа в сумме от 3 до 30 тыс. франков². Во французском уголовном законодательстве периода действия УК 1810 г. данное преступление квалифицировалось как преступление, наносящее ущерб безопасности государства, и подлежало рассмотрению в особом суде – Суде государственной безопасности.

С.Н. Незнанов отмечал, что по французскому уголовному законодательству того времени преследовалась лишь деятельность по вербовке наемников³, в то время как деятельность по финансиро-

ванию, обучению, использованию, транспортировке и вооружению наемников не рассматривалась даже в качестве преступления. При этом служба в качестве наемника как преступление не рассматривалась, а являлась лишь правонарушением в соответствии с гражданским законодательством. Так, например, Гражданский кодекс Французской Республики в ст. 21 устанавливал запрет на поступление на военную службу за границей или на вступление в иностранные военные формирования. Позднее данную норму повторил французский закон «О гражданстве» от 10 августа 1927 г., в котором за подобное правонарушение предусматривалась санкция в виде лишения французского гражданства. Кодекс Французской Республики «О гражданстве» в ст. 97 также предусматривал возможность лишения французского гражданства в случае, если занимаемая должность в иностранной армии либо гражданской администрации сохранялась, несмотря на предписание отказаться от нее.

Известно, что французские граждане принимали участие в качестве наемников в вооруженных конфликтах и военных действиях в 1960–1980 гг. в период деколонизации Африки, в частности во время Конголезского кризиса 1960–1965 гг., Катангского мятежа (Мятеж белых наемников в Конго) 1967 г., Войны в Южной Родезии (Зимбабве) 1965–1970 гг., Гражданской войны в Ливане 1975–1990 гг. и др.

Нормы французского законодательства об ответственности за вербовку наемников на практике применялись крайне редко. Можно отметить всего несколько случаев: так, в 1962 г. на 6 месяцев тюрьмы был осужден бывший лейтенант французских вооруженных сил, вербовавший наемников для участия в военных операциях на территории Конго (ныне Демократическая Республика Конго); в 1966 г. перед судом государственной безопасности предстали несколько агентов-вербовщиков, арестованных в департаменте Ардеш, однако впоследствии они были освобождены. Следует также заметить, что в 1961 г. в Париже в соответствии с вышеупомянутым законом было закрыто Бюро по вербовке наемников для Конго. Как видно из приведенных примеров, мера наказания, примененная в отношении вербовавших наемников лиц, была гораздо мягче, чем предусматривало французское уголовное законодательство⁴. По мнению профессора, декана юридического факультета Университета Тасмании Дерекы Робекы, довольно редкое применение указанного уголовного закона на практике обусловлено тем, что «вся пагубность наемничества не вызывает столь сильного беспокойства, которое бы побудило принять меры по обеспечению практического соблюдения этого закона»⁵.

Действующий французский Уголовный кодекс был принят французским парламентом и утвержден 22 июля 1992 г. Президентом Франции Франсуа Миттераном; вступил в силу 1 марта 1994 г.⁶

Данный Уголовный кодекс в ст. 413-1 предусматривает ответственность за «подстрекательство военных, относящихся к французским вооруженным силам, к переходу на службу иностранного государства, осуществляемое с целью нанести ущерб национальной обороне». При этом наказуемым является подстрекательство к переходу как на военную, так и на гражданскую службу. Следует отметить, что к категории военнослужащих по законодательству Франции относятся и лица, проходящие службу во Французском иностранном легионе⁷ и Национальной жандармерии Франции⁸.

А.А. Потапов отмечает, что объективная сторона данного деяния схожа по конструкции с вербовкой наемников⁹, аналогичного мнения придерживается и украинский правовед П.И. Репешко.

С момента принятия нового УК уголовное законодательство Франции постоянно совершенствуется и обновляется.

Так, в начале 2002 г. при правительстве Лионеля Жоспена был разработан законопроект, устанавливающий в ст. 436-1–436-5 уголовную ответственность за наемничество. Данный законопроект был принят уже при следующем правительстве Жана-Пьера Раффарена в апреле 2003 г.

Законопроект сохранил свою актуальность и популярность, несмотря на смену правительства, что указывает на высокий уровень его поддержки различными партиями, а также на практически полное отсутствие полемики по данному вопросу, за исключением позиции французских парламентариев М. Жильбера Мейры и М. Франсуа Лами, которые отметили, что из-за строгого определения наемника будет почти невозможно добиться успешного применения нового закона. В то же время во французской прессе активно обсуждался вопрос о возможности практического применения данного закона¹⁰.

Данный закон был принят в контексте подписания Францией Дополнительного протокола I от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. Так, в ч. 1 ст. 47 ДП I указано, что лица, участвующие в вооруженном конфликте в качестве наемников, не имеют право на статус комбатантов и военнопленных, а значит, на них не распространяются нормы Женевских конвенций. В ч. 2 ст. 47 дается непосредственно определение наемника. Данная норма не направлена на запрещение или ликвидацию наемничества как социально-правового явления, однако делает незаконными действия

наемника в период вооруженного конфликта, например убийство комбатантов и других участников вооруженного конфликта.

Итак, в соответствии со ст. 47 Дополнительного протокола I наемником признается любое лицо, которое:

- a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;
- b) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;
- c) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;
- d) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;
- e) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;
- f) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил¹¹.

Несмотря на сложность применения данной нормы на практике, Франция сочла непоследовательным подписывать протокол без принятия соответствующего внутреннего законодательства, криминализирующего наемничество¹². Таким образом, был сделан последовательный шаг по приведению внутреннего законодательства Франции в соответствие с подписанным международным договором. Во французском уголовном праве была установлена ответственность за участие наемника в вооруженном конфликте и военных операциях, а также за вербовку, экипировку, финансирование, военный инструктаж, организацию и управление группировкой, осуществляющей указанные действия.

Как уже было отмечено, уголовная ответственность за наемничество по французскому законодательству базируется на определении наемника согласно ст. 47 ДП I. Однако французский законодатель дополнил объективную сторону состава наемничества. И в ст. 436-1 УК Франции установил наказание в виде 5 лет лишения свободы и штраф в размере 75 тыс. евро (см. приложение).

Субъектом уголовной ответственности по французскому законодательству считается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности¹³, а также юридические лица, при этом УК Франции не содержит какого-либо специального раздела или главы, посвященной субъекту преступления. Так, в соответствии с «Ордонансом о несовершеннолетних» от 2 февраля 1945 г. общий возраст уголовной ответственности наступает с 13 лет. Однако следует отметить, что суд не может назначить лицу в возрасте от 13 до 16 лет наказание на срок, превышающий половину срока наказания, предусмотренного в санкции статьи. Также лицам от 13 до 16 лет не может быть назначен штраф на сумму, превышающую половину размера штрафа, предусмотренного санкцией статьи, или более 7500 евро¹⁴. Таким образом, несовершеннолетнему лицу в возрасте от 13 до 16 лет, совершившему деяние, указанное в ст. 346-1, не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, превышающее два с половиной года, а штраф – свыше 7500 евро. Кроме того, к лицам в возрасте от 13 до 16 лет не могут быть применены дополнительные наказания, указанные в ст. 436-4, а именно:

- поражение в гражданских и семейных правах, запрет занимать государственные должности в соответствии с порядком, предусмотренным ст. 131-26;
- полное или частичное информирование общественности о мотивах и решениях в отношении данных лиц в соответствии с условиями, предусмотренными ст. 131-35;
- запрет на пребывание во Франции согласно положениям, предусмотренным ст. 131-31.

Полную же уголовную ответственность по ст. 436-1 будет нести вменяемое физическое лицо, достигшее 18-летнего возраста; ему могут быть назначены как основные наказания, предусмотренные в указанной статье, так и дополнительные наказания, предусмотренные в ст. 436-4.

В ст. 436-2 устанавливается уголовная ответственность за управление и организацию группировки, целью которой являются вербовка, найм, вознаграждение, экипировка, военный инструктаж наемников. Санкция настоящей статьи предусматривает лишение свободы до 7 лет и штраф в размере 100 тыс. евро.

Субъектом преступления по данной статье может быть как физическое, так и юридическое лицо. Так, в ст. 436-5 указано, что юридические лица также могут быть признаны виновными в правонарушениях, предусмотренных в ст. 436-2. В качестве наказания к юридическим лицам могут быть применены штраф, а также наказания, предусмотренные в ст. 131-39.

Единственным примером применения данного закона был арест в Париже в августе 2003 г. Ибрагима Кулибали и его 11 сообщников по подозрению в планировании переворота в Кот-д'Ивуаре¹⁵. Кулибали и его сообщникам было предъявлено обвинение не в наемничестве, а в вербовке наемников. Обвиняемые были отпущены 16 сентября, а апелляционный суд Парижа постановил, что улики недостаточно для разбирательства ни по новому на тот момент закону против наемников, ни по антитеррористическому законодательству¹⁶.

Кроме уголовной ответственности за участие наемника в вооруженных конфликтах и военных операциях современное французское законодательство предусматривает также санкции административного характера. Так, ст. 23-8 Гражданского кодекса позволяет лишить лицо французского гражданства в случае, если оно продолжает находиться на службе в иностранной армии или на иностранной государственной службе, несмотря на предписание французского правительства покинуть занимаемую должность¹⁷.

Приложение

Извлечение из Уголовного кодекса Франции. Статья 436

Статья 436-1

Наказание в виде 5 лет лишения свободы и штраф в размере 75 000 евро предусмотрены в отношении:

1. Любого лица, специально привлеченного в качестве наемника к участию в вооруженном конфликте, и которое не является ни гражданином государства – участника вооруженного конфликта, не входит в состав вооруженных сил этого государства, не является уполномоченным каким-либо государством, не являющимся участником этого конфликта, на выполнение миссии в составе вооруженных сил вышеупомянутого государства принимать или предпринять попытку непосредственного участия в военных действиях с целью получения личной выгоды или вознаграждения, которое явно превосходит то, которое выплачивается или обещано непосредственным участникам конфликта, состоящим в том же ранге или выполняющим аналогичные функции в вооруженных силах, на стороне которых данное лицо должно сражаться.

2. Любого лица, специально завербованного с целью принятия участия в конкретной военной операции, имеющей своей целью свержение государственных институтов или попытку нарушения территориальной целостности государства, и которое

не является ни гражданином государства, против которого эта операция направлена, не входит в состав вооруженных сил вышеупомянутого государства, ни которое было направлено принять участие или предпринять попытку участия в боевых действиях с целью получения личной выгоды или существенного денежного вознаграждения.

Статья 436-2

Управление и организация группировки, целью которой являются вербовка, найм, вознаграждение, экипировка, военный инструктаж лица, подпадающего под описание статьи 436-1, предусматривает лишение свободы сроком на 7 лет и уплату штрафа в размере 100 000 евро.

Статья 436-3

В случае если указанные в данном разделе факты были совершены гражданином Франции за ее пределами или резидентом, постоянно проживающим на территории Франции, французское законодательство в нарушении пункта 2 статьи 113-6 и положений второго предложения статьи 113-8 не применяется.

Статья 436-4

Физические лица, виновные в правонарушениях, предусмотренных этой главой, несут следующие дополнительные наказания:

1. Поражение в гражданских и семейных правах, запрет занимать государственные должности в соответствии с порядком, предусмотренным статьей 131-26.

2. Полное или частичное информирование общественности о мотивах и решениях в отношении данных лиц в соответствии с условиями, предусмотренными статьей 131-35.

3. Запрет на пребывание во Франции согласно положениям, предусмотренным статьей 131-31.

Статья 436-5

Юридические лица могут быть признаны виновными в уголовном порядке в случаях, изложенных статьей 121-2, в правонарушениях, изложенных в статье 436-2.

Для юридических лиц предусмотрено наказание в виде:

1) штрафа, предусмотренного условиями, изложенными в статье 131-38;

2) наказаний, изложенных в статье 131-39.

Лишение прав, упомянутое в пункте 2 статьи 131-39, относится к деятельности или попытке осуществления деятельности, в отношении которой это правонарушение было совершено.

- ¹ *Потанов А.А.* Завербовал? Отвечай по закону. Ответственность за незаконную военную службу и вербовку на незаконную военную службу по уголовному законодательству некоторых стран Европы // Юридическая газета. 1999. № 36. С. 4.
- ² *Барчет В., Робек Д.* Солдаты на продажу. Наемники сегодня. М.: Прогресс, 1979. С. 265.
- ³ *Незванов С.Н.* Наемничество и его международная противоправность: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 45.
- ⁴ Там же. С. 46.
- ⁵ *Барчет В., Робек Д.* Указ. соч. С. 266.
- ⁶ Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 37.
- ⁷ Portail Internet de la Légion étrangère [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legion-etrangere.com> (дата обращения: 07.02.2014).
- ⁸ Gendarmerie nationale [Электронный ресурс]. URL: <http://www.defense.gouv.fr/gendarmerie> (дата обращения: 07.02.2014).
- ⁹ *Потанов А.А.* Указ соч. С. 4.
- ¹⁰ *Vignaux B.* Le mercenariat est hors la loi, vive le mercenariat! [Электронный ресурс] // Le Monde diplomatique. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2004/11/VIGNAUX/11674> (дата обращения: 07.02.2014).
- ¹¹ Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134–182.
- ¹² Commission de la Défense nationale et des forces armées. Compte rendus № 28 [Электронный ресурс] // Assemblée nationale. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/12/cr-cdef/02-03/c0203028.asp#TopOfPage> (дата обращения: 07.02.2014).
- ¹³ Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: Учеб. для магистров / Под ред. Н.Е. Крыловой. 4-е изд. М.: Юрайт, 2013. С. 339.
- ¹⁴ Там же. С. 342.
- ¹⁵ *Smith S.* Un coup de force contre la Côte d'Ivoire aurait été déjoué, samedi, à Paris // Le Monde. 2003. Août 27.
- ¹⁶ *Smith S., Smolar P.* La justice française libère l'ex-putschiste ivoirien Ibrahim Coulibaly // Le Monde. 2003. Sept. 18.
- ¹⁷ Code civil. Version consolidée au 1 janvier 2014 [Электронный ресурс] // Légifrance. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 07.02.2014).

УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ И. КАНТА

В статье рассматриваются взгляды немецкого философа на развитие общества, государства, права, соотношение морали, нравственности и права.

Ключевые слова: общество, государство, власть, право, закон, категорический императив.

Специфика развития германской политико-правовой мысли объясняется экономическим и политическим развитием Германии. Оставаясь раздробленной и на рубеже веков, Германия не претендовала на роль европейского лидера; в то же время чувство национальной гордости, вызванное отторжением части немецких территорий в пользу Франции в результате Наполеоновских войн, привело к росту национального сознания и осознанию необходимости создания единого германского государства.

Слабость немецкой буржуазии во многом определила вектор политического развития Германии; в то же время свежи были воспоминания о революции во Франции, теоретически подготовленной и воплощенной в реальную действительность народными массами. Поэтому радикальное направление политико-правовой мысли могло стать «мертворожденным ребенком».

Вопрос о едином государстве тесно увязывался с вопросом о силе, способной взять на себя «историческую миссию». Этой силой должна была стать сильная королевская власть, способная обеспечить эволюционное развитие страны и государства.

Такая постановка вопроса требовала теоретического обоснования реформирования государства, отразившего политические реалии того времени.

Политико-правовая теория немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804) – логическое завершение теоретических исследований в области государства и права эпохи Просвещения¹.

Подвергнув критике теорию естественного права, И. Кант сформулировал *новую философскую парадигму в анализе государства и права*, положив начало немецкой классической философии. Его взгляды были изложены в произведениях: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения», «К вечному миру», «Метафизика нравов».

Сам Кант утверждал, что с помощью его философии можно в корне подрезать материализм, фатализм, атеизм, неверие, свободомыслие, мечтательность и суеверие. Главной его задачей было подвергнуть критике учение французского материализма за его боевой атеизм и революционные выводы в области политики. Он пытался с помощью «критики чистого разума» расчистить путь для нового обоснования идеалистической этики и *идеалистического учения о государстве и праве*.

Сущность философии Канта состоит в отрицании возможности познания независимого от познающего субъекта объективного мира («вещи в себе»). Знание о мире он объясняет как процесс объединения наших ощущений так называемыми чистыми формами, присущими человеческой познавательной способности, а именно формами пространства и времени, категориями рассудка (куда входит и причинность) и идеями разума, которые дают высшее обобщение нашему знанию. Это знание объективно лишь постольку, поскольку является общеобязательным для человеческого рода. Но оно не может претендовать на познание вещей в себе.

На противопоставлении мира явлений миру «вещей в себе» строится этика Канта. Человек, по учению мыслителя, принадлежит двум мирам. Как существо эмпирическое он находится в мире явлений, следовательно, подчинен закону причинности и поэтому несвободен. Но в то же время он является «вещью в себе». В этом отношении он свободен, и его действия подчиняются закону свободы.

По учению Канта, нравственность не зависит от каких-либо внешних причин, чувств и авторитета. *Нравственный закон* представляет собой веление долга ради самого долга, и поскольку этот закон не зависит от указанных выше условий, он безусловен, а нравственная воля автономна.

Веление нравственного закона выражается в так называемом *категорическом императиве*. Это безусловное и общеобязательное требование воли, независимой от внешних влияний; такую волю он называет «чистой».

Философ пытается доказать безусловность «категорического императива» тем, что каждый человек, совершая какой-нибудь поступок, должен руководствоваться следующим правилом, составляющим первую формулу категорического императива: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства». Поэтому нельзя лгать, надо уважать собственность, нельзя в отчаянии и нужде кончать жизнь самоубийством, так как надо представить себе последствия таких поступков, если они станут правилами всеобщего поведения.

Основанием категорического императива Кант считает *абсолютную цель*. Если относительные цели служат чему-нибудь и, таким образом, являются средством для осуществления других целей, то абсолютная цель имеет значение сама по себе. Человек, его личность по своей природе не может быть только средством для осуществления каких-либо относительных целей, а сам по себе является абсолютной целью. Поэтому вторая формула категорического императива выражает следующее требование: «Поступай так, чтобы человечество как в твоём лице, так и в лице всякого другого служило тебе не только средством, а вместе и целью».

В учении о морали он пытается установить вечные правила морали, общие для всех времен и народов. Учение Канта о морали основано на противопоставлении необходимости и свободы. Сам он пытается разрешить это противоречие признанием неосуществимости нравственных задач в земной жизни и допускает веру в загробную жизнь, где эти задачи будут разрешены.

На фундаменте своей философии и этики мыслитель строит *учение о развитии общества, государства и права*.

Развитие человеческого общества, по Канту, не может быть достигнуто без понятия цели человеческого рода.

Согласно философу, всемирная история – развитие человеческой свободы. Он утверждает, что целью человечества являются развитие и осуществление свободы и справедливости в международных отношениях, но такое сообразное с разумом международное устройство может быть осуществлено не путем насильственного переворота, а закономерным ходом постепенного развития. Не революция, а эволюция – путь развития, сообразный разуму.

Создание государства, по Канту, есть результат соглашения, в силу которого все и каждый отрекаются от естественной свободы, чтобы пользоваться свободой в качестве членов государства. Это соглашение он называет первоначальным договором. Философ видит в этом договоре не исторический факт, а только априорную

идею, позволяющую, с его точки зрения, объяснить то, что недоступно исторической науке.

Мыслитель определяет государство как соединение большего или меньшего числа лиц под действием права, изображая, таким образом, государство как чисто правовую организацию. Цель государства – торжество идеи права. Создание государства – требование категорического императива.

Философ соглашается с утверждением Руссо, что суверенитет принадлежит только народу. Однако он предлагает дать политические права не всем гражданам, а только «активным». К «пассивным» гражданам он относит рабочих, ремесленных подмастерьев, женщин, прислугу и др.

В основу классификации форм правления государства он кладет два признака: число законодательствующих лиц и наличие или отсутствие в государстве разделения властей. По первому признаку формы правления разделяются на автократические (абсолютная монархия), аристократические и демократические. По второму признаку Кант делит формы правления на республиканские (где проводится разделение властей) и деспотические (без разделения властей).

Характерно, что он считает автократию (абсолютную монархию) лучшей формой, так как она является простейшей с его точки зрения, а демократию худшей – как наиболее сложную, хотя абсолютная монархия имеет тенденцию вырождаться в деспотизм, но король с «высокой душой» может, как уверяет Кант, «обуздывать себя справедливостью» и управлять страной на основе права, строго придерживаясь начал законности. Образцом такой монархии, воплощением начал справедливости Кант считает Пруссию при Фридрихе II.

Мыслитель допускает переход от абсолютной монархии к конституционной. Он считает, что допустима только октроированная («дарованная» монархом) конституция. Изменение государственной формы революционным путем недопустимо, так как государственный строй и законы святы и неприкосновенны: «Народ не имеет права сопротивляться высшей законодательной власти».

Право, по Канту, представляет, с объективной стороны, «совокупность условий, при которых произвол одного может быть согласован с произволом другого по общему закону свободы»². С субъективной стороны, в основе права лежит принцип, выраженный в формуле: «Действуй внешним образом так, чтобы свободное проявление твоего произвола было согласовано со свободой каждого по общему закону». Основа обязательности этого принципа лежит в категорическом императиве.

Характерным для учения Канта о праве является *противопоставление легального и морального*. Легальным поступок будет тогда, когда поведение человека внешне согласовано с юридической нормой независимо от мотивов поступка. Моральное же поведение требует исполнения закона ради внутреннего сознания долга. Поэтому право мыслится Кантом как *регулятор поведения людей*, для которого безразлична субъективная сторона поступка, его побудительные мотивы. Для права характерно принуждение, и оно не может применяться в области нравственности, законы которой основаны на свободном внутреннем сознании долга.

Кант различает право естественное и положительное.

Право он разделяет на публичное и частное, причем в основе последнего лежит естественное право. Мыслитель имеет при этом в виду более «солидное» обоснование частной собственности, так как сферой частного права является «мое и твое», т. е. частная собственность.

Вещное право определяется им как результат первоначального приобретения, которое дает абсолютное право на вещь, т. е. право собственника требовать свою вещь у всякого, кто незаконно владеет ею. Вместе с тем он считает, что объектом частного права может быть не только вещь или действие лица, но и само лицо. Так Кант объясняет отношения между мужем и женой в браке и отношения родителей и детей, причем он требует полного подчинения женщины мужчине.

Он утверждает, что всякая собственность в государстве должна быть частной собственностью, потому что только в этом случае каждому предоставляется возможность ее законного приобретения.

И. Кант не допускает возможности привилегий, соединенных с обладанием собственностью, и поэтому считает противоречащим праву существование собственности рыцарских и духовных орденов. Он утверждает, что государство имеет право секуляризации церковных имений и поместий, но со справедливым вознаграждением лиц, которые потерпят от этого ущерба.

В области уголовного права Кант является выразителем идей классической школы. Преступление – нарушение справедливости, которая должна быть восстановлена, – в этом цель наказания. Когда нарушается справедливость, заявляет он, то не стоит людям жить на земле. Уголовный закон – категорический императив, и его требования безусловны. Если бы, например, какой-нибудь народ, живущий на острове, решил его покинуть и рассеяться, то убийца, содержащийся в тюрьме, должен был бы быть предан смерти раньше, чем будет расторгнут государственный договор, дабы никто не

избежал наказания за свое преступление, хотя бы наказание и не вызывалось целесообразностью. Соответственно этому и принцип наказания должен выражаться в равенстве наказания и преступления, т. е. по праву талиона – «око за око, зуб за зуб». Следовательно, за убийство преступник должен подвергнуться смертной казни.

В области международного права И. Кант утверждает, что правомерны только оборонительные войны, так как в них народы отстаивают свою независимость. Он считает необходимым запретить противные праву коварные и низкие средства (шпионаж, тайное убийство, грабеж имущества частных лиц и т. п.). Народ имеет право оставаться в состоянии мира, если не видит необходимости вести войну. Из этого права мира вытекает право нейтралитета, право гарантий, право коалиций. Война не может быть сама по себе целью, утверждает он. Она может быть только средством для восстановления мира народов. Цель человечества – вечный мир.

В статье «К вечному миру» Кант выдвинул проект обеспечения вечного мира между народами путем заключения государствами сначала соглашения, устраняющего основные препятствия мирному состоянию, а затем окончательного соглашения, предусматривающего заключение союза государств и определяющего государственную форму членов этого союза.

Мыслитель предлагал организовать федерацию государств, причем государственный строй каждой страны, входящей в состав федерации, должен быть *республиканским*. Под республиканским Кант понимал такой строй, в котором осуществлено разделение властей. Он мотивировал это условие теми соображениями, что в республиканском строе для объявления войны или заключения мира нужно по крайней мере согласие парламента.

Федеративное объединение необходимо, по мысли Канта, потому, что нельзя допустить полного слияния государств и подчинения их воле одного государства. Это представляло бы противоречие основным началам права, требующим уважения индивидуальной свободы и самостоятельности народов.

Кант заложил *основы теории правового государства*. Рассматривая государство как правовую общность, он исследует его идеальное состояние в «соответствии с чистыми принципами права». Счастье, как неправовая категория, не может лечь в основу государственного права. Сущность государственного права, по Канту, определяется не счастьем граждан, но их правом. По мнению Канта, только правовое государство позволяет индивидам объединиться и гарантировать каждому гражданскую свободу и обязывает граждан к соблюдению лишь всеобщих правовых норм: «Итак, всеобщий

правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом...»³.

Государство у Канта – отнюдь не патерналистское, поэтому его функции ограничены сферой правовой защиты интересов граждан. Он формулирует следующие правовые принципы, определяющие правопорядок в государстве и гарантирующие гражданскую свободу:

- 1) принцип общественного договора;
- 2) принцип народного суверенитета;
- 3) принцип верховенства права;
- 4) принцип разделения властей.

Идея разделения властей у Канта не была сопряжена с их равновесием. Законодательная власть доминирует над исполнительной властью и ею назначается; то же самое происходит и с судебной властью. Законодательная власть – выражение всеобщей воли, исполнительная осуществляет частные цели и задачи, среди которых одна из главных – обеспечение благосостояния.

Учение Канта о праве стало основой для идеалистического направления в юридической науке – *нормативизма* (чистой теории права), придающего нормам права характер абсолютно независимых от законов развития общественной жизни.

В России взгляды Канта известны с конца XVIII в. В 1794 г. Кант был избран иностранным почетным членом Петербургской академии наук. Учение Канта о праве оказало влияние на проекты М.М. Сперанского; видными представителями неокантианских взглядов на право и государство были Б.А. Кистяковский и П.И. Новгородцев.

Примечания

- ¹ Родился в Кёнигсберге в семье ремесленника. Получив образование в университете, становится преподавателем Кёнигсбергского университета.
- ² *Кант И.* Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. М., 1994. С. 95.
- ³ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 138.

Персоналии

В.Н. Белоновский

ПАРЛАМЕНТАРИЙ ДВУХ ЭПОХ: БЕЛАНОВСКИЙ ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ)¹

В статье излагается биография Д.К. Белоновского – депутата Второй Государственной думы (дореволюционной), делегата Первого Всероссийского съезда советов, члена ВЦИК, прошедшего царские тюремные застенки и советские гулаговские лагеря, человека интересной и трагической судьбы с общим «стажем» лишения свободы в 23 года. Данная статья отчасти ликвидирует еще один пробел в нашей парламентской истории.

Ключевые слова: советская власть, парламент, Государственная дума, фракция, Съезд Советов, ВЦИК, революционер, уездный ревком, железнодорожные мастерские, прифронтовая полоса, Верховный трибунал, репрессии, КРТД, «враг народа», тюрьма, ссылка, Иркутская пересылка, Воркуталаг, общество политкаторжан, следствие, суд, приговор, архив, энциклопедия.

...И в ссылку
вел его конвой,
Сперва,
тот Царский – до Иркутска,
Затем
Советский – до Якутска.

Стихотворный эпиграф здесь – не историческая справка, а образ нелегкой судьбы дважды парламентария двух эпох Дмитрия Константиновича Белоновского. И если первая часть его – «до Иркутска» – полностью соответствует страшному повороту в жизни великого человека, то вторая требует уточнения: Д.К. Белоновский действительно был обвинен в 1936 г. по сфабри-

кованному делу о так называемой контрреволюционной троцкистской деятельности (КРТД) по ч. 1 ст. 54-10 УК УССР², объявлен главным идеологом этой контрреволюционной организации, «врагом народа», репрессирован и отбывал наказание в виде 5 лет лишения свободы, но не в Якутске, а в «Воркуталаг НКВД», куда прибыл, судя по архивным документам, 28 марта 1937 г.³ Вот так и получилось у моего двоюродного деда, что высокие парламентские трибуны и высшие депутатские мандаты последовательно чередовались в его жизни с тюремными нарами, следственными изоляторами, исправительными лагерями, ссылками и поселениями.

Если посчитать, сколько же лет Д.К. Белановский провел в парламентских учреждениях плюс в системе управления народным хозяйством, а равно в местах лишения свободы, то получается примерно такой расклад.

Около десяти лет он активно занимался революционной борьбой (1898–1907 гг.), правда, в анкете общества политкаторжан, заполненной с его слов в начале 30-х годов, Белановский указывал, что принимал участие в революционном движении начиная с 1902 г. и привязывал эту дату к событиям в Томске и первому своему аресту⁴. Однако в энциклопедиях отмечается более раннее его приобщение к революционному делу – с 1898 г., когда он поступил на работу слесарем на паровозостроительный завод в Харькове и был оттуда уволен в 1899 г. за участие в «беспорядках»⁵. Затем был краткий период легислатуры Второй Государственной думы в 1907 г. и такая же краткая деятельность в составе Первого Всероссийского съезда и ВЦИКа, сформированного, кстати, благодаря его личному участию. Сюда можно добавить периоды депутатского мандата 1917 г. в Исполкоме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, первом Белгородском Совете рабочих и солдатских депутатов и городской Думе в 1917–1918 гг., чуть позже (1919 г.) – работу в качестве Председателя Белгородского уездного ревкома. В сумме все это составляет что-то около 2-х лет. Далее в системе судебной власти, прокуратуры и управления народным хозяйством СССР Белановский проработал еще около 17 лет.

В этом плане не менее важными, чем депутатские, были и должностные назначения Д.К. Белановского в рамках его службы в государственной, партийной и общественной системах. Так, он трудился в качестве Председателя революционного железнодорожного штаба в Петрограде в 1917 г., Председателя ревкома прифронтовой полосы в Курской губернии с дислокацией на станции Прохоровка ЮЖД, делегата съезда железнодорожников и водников в 1921 г., зампреда съезда железнодорожников,

зампредседателя Южного бюро Южного округа путей сообщения, Председателя железнодорожного отдела Единого Верховного трибунала УССР (с момента его образования)⁶, помощника окружного прокурора, члена Президиума ЦК МОПР (1924–1934 гг.), заведующего мобилизационным сектором Наркомата транспорта УССР (с 1928 г.), помощника начальника строительства тракторного завода в Харькове (ХТЗ, с 1930 г.), с 1934 г. помощника управляющего института «Проектпуть» в г. Харькове. Кроме того, до самого ареста он являлся членом Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. При аресте у него отобрали членский билет Общества политкаторжан за № 1599, а также удостоверение «Красный Партизан» и мандат члена президиума ЦК МОПР за № 43⁷.

В следственных же изоляторах, тюрьмах, пересылках, колониях поселениях, не считая краткосрочных арестов за революционную деятельность до 1907 г., Д.К. Белановский провел 10 лет до революции (1907–1917 гг.) в результате ареста депутатов социал-демократической фракции Второй Госдумы в 1907 г. и приговора Особого присутствия Правительствующего Сената от 1 декабря 1907 г.⁸ и 13 лет в советское время по приговору Особого совещания при НКВД от 28 августа 1936 г. как «враг народа», который «состоял в контрреволюционной троцкистской организации и до последних дней проводил контрреволюционную работу»⁹ (заклучен в исправительный лагерь «Воркуталаг НКВД»). Таким образом, получается, что российский парламентарий двух эпох, преданно служивший России, 23 года провел на тюремных нарах.

По поводу последней судимости следует отметить: первоначально Д.К. Белановский был осужден к исправительным лагерям на 5 лет, однако в 1941 г., когда закончился срок отбытия наказания, он тем не менее не был освобожден. Может быть, в период войны освобождение не предусматривалось или было ограничено. В штрафбат его также не могли зачислить по возрасту, поскольку в годы войны ему уже перевалило за 60 лет. Возможно, в связи с какими-то фактами ему был продлен срок заключения. Эта страница его биографии остается пока неизвестной. Но в любом случае, очевидно, по каким-то причинам к основному сроку наказания ему добавили еще 5 лет. Как следует из Книги памяти Республики Коми¹⁰, освобожден он был только 30 марта 1946 г., но домой не вернулся, продолжая, по всей вероятности, отбывать еще одно наказание на поселении. В Белгородской энциклопедии о дальнейших его скитаниях записано, что «из ссылки возвратился в 1949 г. без права проживания в больших городах»¹¹. Было ему на тот момент 69 лет.

Впоследствии он жил в доме престарелых под Харьковом, умер без семьи, в безвестности в 1954 г.¹²

Судьба семьи – жены Антонины Павловны и единственного сына Евгения, который на момент ареста Д.К. Белановского (6 августа 1936 г.) учился в десятом классе, видимо, была такой же, как и любой другой семьи «врага народа» – высылка на 5 лет в районы Крайнего Севера и Сибири со всеми вытекающими отсюда последствиями... С тех пор о семье ничего неизвестно.

Фамилию Д.К. Белановского как «врага народа», естественно, вычеркнули из всех более или менее значимых документов и публикаций. Поэтому полностью восстановить его жизненный путь, воссоздать его взгляды и гражданскую позицию невозможно. В связи с этим в справочных изданиях нашего времени, в солидных публикациях, посвященных парламентским юбилеям, и в прочих работах информация о Д.К. Белановском конспективная, содержит множество неточностей и противоречий. Более того, в ней пропущены целые этапы его жизни. Например, в издании, посвященном 100-летию юбилею российского парламентаризма, имеется фотография Д.К. Белановского и даже дана краткая справка о его жизни, однако она обрывается 1934 годом словами «Дальнейшая судьба неизвестна»¹³. Такое же завершение мы находим и в других книгах¹⁴. К сожалению, даже эти неполные, отрывочные данные о судьбе незаурядного человека и государственного деятеля, сокрытые для общественности и исследователей с 1930-х годов, пестрят фактологическими ошибками. Так, указываются разные места рождения и национальность, путается последовательность в занятии должностей, их названия и, конечно, полное молчание о событиях 30-х годов. В этом плане более полные сведения о Белановском содержатся в Белгородской энциклопедии¹⁵, но и там ошибочно отмечается, что он русский, родился в Белгороде, в большевистскую партию вступил в 1917 г., хотя из протоколов допроса, хранящихся в уголовном деле¹⁶, следует, что родился он в Харькове, по национальности – украинец, в РКП(б) вступил в 1918 г.

Ошибки в жизнеописании Белановского присутствуют фактически во всех немногочисленных публикациях о нем. Но это не вина авторов, поскольку соответствующая информация, кроме до-революционных сведений (да и то большей частью имевших гриф секретности и хранящихся в спецхранах), черпалась из анкетных данных участников различных совещаний или организаций, которые, естественно, не имели системного характера, часто составлялись «по памяти», содержали пробелы, неточные названия, в них

нарушалась хронология, не обеспечивались надлежащие хранение и передача их в архив.

Стоит отметить и тот факт, что многие документы, особенно составленные в процессе следствия по КРТД, были сфабрикованы на скорую руку или задним числом, например, справки об исключении Белановского из партии и вынесении ему партийных выговоров, которые мне лично приходилось читать в материалах дела № 252724 Государственного архива Харьковской области (ГАХО)¹⁷.

Конечно же, из документов, передаваемых на хранение, вымывались все положительные факты из жизни подследственного, а затем и подсудимого, зато вносились липовые решения об исключениях, испытательных сроках, чистке, потере бдительности и др. Нигде в материалах допросов и суда, переданных в архив (ГАХО), не упоминается, что Дмитрий Константинович был активным революционером, депутатом Госдумы, делегатом Всероссийского съезда Советов, членом ВЦИК и т. д.

Не исключено, что мог иметь место и элемент дезинформации, наговора на самого себя в процессе следственных мероприятий. Хотя стоит отметить, что Д.К. Белановский – единственный из так называемой контрреволюционной троцкистской группы, который не оболгал никого, не признал своей вины, вернее, признал ее частично, прибегнув для этого к общепринятой риторике и штампам тех лет, эзоповскому языку и т. п. Например, он «признал», что не проявил должной бдительности, работая на государственных должностях, не был последователен в реализации партийных циркуляров, а в быту любил играть в карты и по возможности устраивать выпивки с друзьями, «но контрреволюционной деятельности на выпивках не проводил»¹⁸.

Впрочем, сложилось впечатление, что такого рода показания никого и не интересовали. Для работников следствия и суда главное состояло в том, чтобы был составлен отчет о «пресечении контрреволюционной троцкистской деятельности», которое было проведено с соблюдением формально-следственных правил и завершено, как полагается, судебным процессом и приговором. Об этом и пошел «наверх» названный отчет, а представители соответствующих следственных и судебных органов были отмечены персональными благодарностями за бдительность и верное служение государству диктатуры пролетариата. Хотя, чего уж греха таить, нужно сказать прямо: ведь именно следственные и судебные органы того «окаянного» времени, фабрикуя подобные дела, не только компрометировали компетентные государственные органы, но и наносили непоправимый ущерб самой Советской власти.

Из документов, которые наиболее полно сохранились и по которым можно судить о взглядах и политической позиции Д.К. Белановского, стоит отметить в первую очередь протоколы Второй Государственной думы 1907 г. Но прежде – несколько штрихов к первоначальной революционной деятельности будущего депутата.

Как уже отмечалось, Д.К. Белановский активно участвовал в революционной борьбе с 1898 г. В 1898 г. – первое его увольнение за организацию «беспорядков» на паровозостроительном заводе в г. Харькове. Следующий этап – деятельность на Балтийском судостроительном заводе в Санкт-Петербурге. За участие в забастовках 1900–1901 гг. он подвергается полицейским преследованиям, поэтому вынужден вернуться в Харьков. Вследствие «неблагонадежности» и состояния на учете в «черной книге» будущий парламентарий долгое время не может устроиться ни на один завод. Наконец в 1902 г. он получил работу по проводке парового и водяного отопления у инженера Крушеля и был командирован в Томск в Технический институт. Там за участие в первомайской демонстрации 1902 г. Белановский первый раз был арестован и провел 2 месяца в тюрьме. Конечно, в тот момент трудно было представить молодому парню неполных 22 лет, что жизнь ему уготовила в будущем 23 года тюремных нар и лагерей.

Через 2 месяца он был выслан из Томска приказом полицмейстера и возвратился в Харьков, затем вновь уехал в Санкт-Петербург, где устроился на работу на гвоздильный завод на Васильевском острове. Здесь в 1903 г. вступил в члены РСДРП, но присоединился не к радикальной ее большевистской части, а к более сбалансированной, меньшевистской. В партии меньшевиков он состоял до 1918 г., после чего в связи с расколом последней и фактической ликвидацией вступил в РКП(б). Меньшевистское прошлое Д.К. Белановского, никого не интересовавшее в годы гражданской войны и следующее десятилетие, со всей силой аукнулось в 1930-е годы, когда его причислили к меньшевикам-оборонцам¹⁹.

В 1903 г. под угрозой нового ареста за участие в забастовке на Путиловском заводе и сбор средств для помощи бастующим Дмитрий Константинович вынужден был уехать в Донбасс, но там из-за полицейских преследований работу не нашел и снова вернулся в Санкт-Петербург. В начале 1905 г. он участвовал в создании Совета рабочих депутатов на гвоздильном заводе, где и получил первый «парламентский» опыт, активно участвуя в организации октябрьской забастовки 1905 г.

Вновь спасаясь от преследования полиции, он переехал в Белгород Курской губернии и поступил слесарем в Белгородское депо

Южной железной дороги. В Петербурге Дмитрий Константинович работал под партийной кличкой «Гайка», а с 1904 г. в Донецком бассейне, г. Харькове и г. Белгороде – под кличкой «Кот»²⁰. В это время он состоял членом белгородской организации РСДРП, участвовал в революционных выступлениях белгородских железнодорожников и в результате получил известность как митинговый оратор. По решению ЦК РСДРП он принял участие в пропагандистской кампании 1906 г. по бойкоту выборов в Первую Государственную думу Российской империи²¹.

Непросто ответить на вопрос, почему из Санкт-Петербурга Д.К. Белановский приехал именно в Белгород – город, который сыграл в его жизни судьбоносную роль, выдвинул на руководящие рубежи, сделал депутатом Белгородского Совета, Председателем ревкома прифронтовой полосы, Председателем Белгородского уездного ревкома. Город поддерживал его в 20-е годы, но отказался и предал в середине 30-х. Конечно, отказались не горожане, которые продолжают чтить его до сегодняшнего дня, о чем свидетельствует и Белгородская энциклопедия, и отдельный стенд о нем в краеведческом музее, и научные работы белгородских ученых, и исследовательские работы школьников²². Отказались от Д.К. Белановского в столь ответственный для него час конкретные люди, возглавлявшие в то время солидные организации и учреждения, стыдливо подписавшие задним числом сфабрикованный компромат и давшие обвинительные показания. Ну да Бог им судья...

Но почему все-таки из Санкт-Петербурга Белановский отправился в Белгород? Как следует из воспоминаний родственников, которых мне еще удалось застать²³, старший брат Д.К. Белановского – Федор Константинович Белановский (мой родной дед), железнодорожник, работал в то время мастером Белгородских железнодорожных мастерских. К нему Дмитрий Константинович и направился. Смею предположить, что впоследствии именно Ф.К. Белановский сыграл важную роль в организации выборной кампании брата.

Как известно, в ходе выборов во Вторую Государственную думу Российской империи Д.К. Белановский прошел сначала в уполномоченные от железнодорожных мастерских Белгородского депо, а 8 февраля 1907 г. был избран в Думу от общего состава выборщиков Курского губернского избирательного собрания. Эти данные приведены в энциклопедии РОССПЭН. Они, в общем-то, известны. Но вызывает сомнение утверждение авторов энциклопедии, что на митинге по случаю проводов Д.К. Белановского в Думу он призывал «бросить вражду с жандармами и стражниками

и сплотиться вокруг батюшки царя»²⁴. Ссылку на соответствующий источник авторы не сделали. Вряд ли Д.К. Белановский мог сделать такое заявление, участвуя в активной революционной деятельности, являясь членом РСДРП, представляя интересы рабочих, зная не понаслышке способы и методы работы жандармерии и стражников. Обращаясь к исследованию белгородских ученых И.Г. Пархоменко, Ю.И. Гончаренко и В.В. Овчинникова, мы видим, что Д.К. Белановский активно выступал в Государственной думе с речами, обличающими самодержавный строй, и был одним из самых революционно настроенных депутатов из рабочей среды²⁵.

Д.К. Белановский вошел в социал-демократическую фракцию Второй Госдумы, являлся членом Комиссии о нормальном отдыхе служащих в торговых и ремесленных заведениях. Выступал в Думе и по вопросу о помощи безработным. Входил также в железнодорожную секцию социал-демократической фракции, образованной в марте 1907 г. в основном из бывших железнодорожников. Помимо него в секцию входили Баташев, Приходько, Миронов, Степанов, Комарь, Шпагин и Виноградов, т. е. 6 меньшевиков и 2 большевика. Эта секция была создана в целях обследования нужд и потребностей всех трудящихся на железных дорогах, разоблачения произвола и насилия, имевшихся на транспорте, и критики той части царского бюджета, которая относилась к железным дорогам. Секция энергично принимала меры по поступавшим жалобам и наказаниям и иногда добивалась успеха²⁶. С марта издавала журнал «Локомотив», 5 номеров которого вышли в свет²⁷. Секция проводила также большую внедумскую работу среди населения, хотя оценка последней до сих пор вызывает споры.

Как свидетельствует исследователь Г.И. Зайчиков, меньшевики не стремились к расширению внедумской деятельности, опасаясь, что это может привести к разгону Думы. Они больше надеялись на законодательную работу, чем на революционное движение народа²⁸. Выражая мнение большинства фракции по данному вопросу, Д.К. Белановский на встрече 28 апреля 1907 г. со своими избирателями-железнодорожниками в Белгороде заявил, что «Дума сумеет добиться и правды, и воли, и земли, но этого можно достигнуть не насилием, а любовью»²⁹. Под любовью здесь понимались необходимый профессионализм, уважение к закону и разумная деполитизация парламентской деятельности. Председатель социал-демократической фракции И.Г. Церетели отмечал, что большинство фракции ценило думскую работу гораздо больше, чем «хождения на собрания», что вызвало негативную реакцию со стороны руководителя большевиков В.И. Ле-

нина. Последний на V съезде РСДРП критиковал меньшевиков за отстранение от масс, за отказ «хождения в народ», игнорирование пропаганды революционной борьбы. Он говорил: «Вместо того, чтобы смотреть вниз, – убедить народные массы, показать им правду, – Церетели смотрит вверх, желая убедить либералов, привлечь легальностью... Это настоящий буржуазный парламентаризм»³⁰. С течением времени, конечно, многое видится по-другому, но фразу «это настоящий буржуазный парламентаризм» сегодня можно рассматривать как очень высокую оценку работы парламентариев Второй Госдумы России.

Трагическая судьба Второй Госдумы общеизвестна. 3 июня 1907 г., не без помощи председателя Совета министров П.А. Столыпина и руководимого им Правительства, Вторая Дума была досрочно распущена (а фактически разогнана), что получило именование в истории как «третьеиюньский переворот». Действительно, «стольпинский галстук» стал не иллюзорной удавкой для российского парламентского учреждения.

Главным мотивом роспуска Думы и причиной ареста депутатов, входивших в социал-демократическую фракцию, было обвинение в организации ими заговора против государства и царской власти. Обвинение явилось грубой провокацией царской охраны, что впоследствии было документально подтверждено³¹. 7 июня 1907 г. в Одессе был арестован и Д.К. Белановский.

Судебный процесс над думской социал-демократической фракцией продолжался с 22 ноября по 1 декабря 1907 г. Как свидетельствует Г.И. Зайчиков, слушание дела по обвинению фракции в подготовке заговора шло при закрытых дверях. Обвиняемые депутаты потребовали открыть двери суда для народа, чтобы они могли выступить публично, а не только перед членами царского суда. Когда суд им в этом отказал, они подали в Особое присутствие Правительствующего Сената коллективное заявление. «Фракция протестует против обвинения ее в составлении заговора, – говорилось в заявлении, – обвинения, выставленного с единственной целью скрыть действительные причины разгона Думы и нашего ареста»³². В день начала работы суда с трибуны Третьей Думы большевик Косоротов от имени социал-демократической фракции заявил резкий протест против суда над социал-демократами Второй Думы: «Сегодня открывается суд над членами Государственной думы второго созыва, над всеми членами ее социал-демократической фракции. Сегодня совершается неслыханный во всемирной истории... факт – суд над народным представительством за исполнение им своих мандатов... Мы, от имени социал-демократической фракции, протестуем

против этого»³³. Социал-демократическая фракция Третьей Думы покинула зал заседаний.

В знак протеста против расправы самодержавия над рабочими депутатами по всей стране прокатились массовые забастовки и митинги солидарности. В одном только Петербурге бастовали рабочие более чем 170 предприятий численностью около 100 тыс. человек, в Москве – 60 предприятий. Забастовки прошли также в Иваново-Вознесенске, Саратове, Воронеже, Харькове, Костроме, Баку, Гродно, Калуге и других городах. Митинги солидарности с пролетариатом России прошли в ряде стран Европы.

Приговор царского суда был суровым: 8 депутатов были приговорены к 5 годам каторги и последующей пожизненной ссылке (в их числе были большевики В.А. Чащин, Е.А. Петров, В.М. Серов, В.А. Анисимов и др.), 9 депутатов – к 4 годам каторги и пожизненной ссылке (в их числе большевик А.П. Вагжанов), 10 депутатов – к пожизненной ссылке на поселение (в их числе К.Д. Белановский), 10 человек были оправданы³⁴.

Таким образом, Особым присутствием Правительствующего Сената в Санкт-Петербурге 1 декабря 1907 г. по процессу втородумцев был осужден по ст. 102 Уголовного уложения Д.К. Белановский, приговоренный по делу социал-демократической фракции к ссылке на пожизненное поселение. 8 месяцев он содержался в одиночке Дома предварительного заключения в Санкт-Петербурге, затем 2 месяца в санкт-петербургской пересыльной тюрьме и еще 2 месяца в иркутской пересылке (тюрьме). Он был сослан в Больше-Мамырскую волость Нижнеудинского уезда Иркутской губернии, затем в село Бельское той же губернии, где работал кузнецом и слесарем³⁵. Кстати, на поселении он продолжал активно заниматься революционной деятельностью, выполнял многие поручения ЦК РСДРП.

После Февральской революции 1917 г. Д.К. Белановский вернулся в Петроград, был введен в Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Во время выступления генерала Л.Г. Корнилова был председателем революционного железнодорожного штаба и членом городского штаба по борьбе с контрреволюцией, затем делегатом Первого Всероссийского съезда и членом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Так Дмитрий Константинович во второй раз стал парламентарием высшего органа представительной власти страны.

Вскоре он был направлен на работу в Белгород. Его встречала многотысячная толпа у вагона. Как следует из воспоминаний тов. Ф.М. Полосковой, приобщенной следствием к делу о КРТД,

Д.К. Белановский говорил о свержении царского правительства, грабительской войне, о буржуазно-демократической революции, но ни слова не сказал про углубление революции и перерастание ее в социалистическую. От вокзала его несли на руках, а народ шел за ним как за вождем³⁶.

Д.К. Белановский, как бывший рабочий, уважал рабочий народ, не заигрывал с руководством, ценил профессионализм. Он был смелым человеком, не боялся прямо сказать о том, что беспокоило многих. Так, выступая на Первой белгородской конференции беспартийных железнодорожников 15–17 февраля 1921 г., он буквально сказал следующее: «В тюрьмах сейчас больше пролетариата и крестьянства, чем буржуазии». Эти слова ему припомнили через 15 лет на суде по делу о контрреволюционной троцкистской деятельности³⁷, припомнили и многое другое, что было и чего никогда не было...

Сегодня, благодаря исследовательским работам белгородских ученых И.Г. Пархоменко и Ю.И. Гончаренко, деятельность К.Д. Белановского, в том числе и его работа в Государственной думе, получила достаточно полное освещение. Историк В.В. Овчинников в 1984 г. проанализировал стенографические отчеты о заседаниях Второй Государственной думы и установил все выступления с ее трибуны Д.К. Белановского, а также прокомментировал содержание его речей³⁸. За это белгородским исследователям низкий поклон от родственников Д.К. Белановского. Ну а в истории появилась еще одна новая страница, преодолевшая пробел неоднозначной и в значительной степени трагичной судьбы российского парламентаризма.

Примечания

- ¹ Автор статьи – профессор кафедры публичного права юридического факультета РГГУ Вячеслав Николаевич Белоновский является внучатым племянником депутата II Государственной Думы (1907 г.) и делегата I Всероссийского съезда Советов, члена ВЦИК (1917 г.) Дмитрия Константиновича Белановского.
- ² Уголовный кодекс УССР, утв. ЦИК УССР 8 июня 1927 г. То, что называлось «контрреволюционными преступлениями», подпадало под действие ст. 54, пп. 1–14. См.: Уголовный кодекс УССР 1927 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. 104 с.
- ³ Белановский Дмитрий Константинович [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d4/f32.htm> (дата обращения: 16.03.2014).

- ⁴ Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1934. С. 54–55.
- ⁵ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Науч. ред. Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. М.: РОССПЭН, 2008. С. 43.
- ⁶ 23 июля 1921 г. ВУЦИК принял Положение о едином Верховном трибунале УССР (СУ УССР. 1921. № 14. Ст. 385), в котором устанавливал: «В целях объединения деятельности всех ревтрибуналов УССР учреждается при ВУЦИК единый Верховный трибунал, являющийся кассационным органом, органом надзора над всеми действующими на территории УССР губернскими, окружными, военными, военно-железнодорожными и иными специальными ревтрибуналами, а также судебным местом для рассмотрения по существу дел исключительной важности». В кратких энциклопедических справках о Д.К. Белановском допускается путаница между «Единым Верховным трибуналом» и «Верховным революционным трибуналом», который был создан ранее Декретом СНК Украинской ССР 15 апреля 1919 г. (СУ УССР. 1919. № 36. Ст. 431).
- ⁷ Державний Архів Харківської області – ДАХО (Государственный архив Харьковской области – ГАХО). Д. 252724. Ф. Р 6452. Оп. 4. Л. 55.
- ⁸ Государственная дума: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2006. С. 48.
- ⁹ ГАХО. Д. 252724. Ф. Р 6452. Оп. 4. Л. 50.
- ¹⁰ Белановский Дмитрий Константинович [Электронный ресурс].
- ¹¹ Белгородская энциклопедия / Гл. ред. В.В. Овчинников. Белгород: Изд-во обл. типографии, 2000. С. 36.
- ¹² Впрочем, Белгородская энциклопедия указывает на 1953 г. как год смерти.
- ¹³ Государственная дума: Энциклопедия. Т. 1. С. 48.
- ¹⁴ Государственная дума Российской империи: 1906–1917. С. 43.
- ¹⁵ Белгородская энциклопедия. С. 36.
- ¹⁶ ГАХО. Д. 252724. Ф. Р 6452. Оп. 4. Л. 57, 58.
- ¹⁷ Там же. Л. 91, 109, 111–113.
- ¹⁸ Там же. Л. 18.
- ¹⁹ Белгородская энциклопедия. С. 36; ГАХО. Д. 252724. Ф. Р 6452. Оп. 4. Л. 54.
- ²⁰ Политическая каторга и ссылка... С. 54–55.
- ²¹ См.: Информация о преддепутатской революционной деятельности Д.К. Белановского взята из кн.: Наши депутаты: 2-й созыв // Энциклопедический словарь «Гранат»: В 58 т. Т. XVII: Биографический указатель членов Государственной думы. М., 1910–1948; Участники русского революционного движения // Государственная дума. 2-й созыв: Стенограф. отчеты, I–II. СПб., 1907; Право. 1907. № 27. С. 3177–3186; Государственная дума Российской Империи, 1906–1917. С. 43; Белгородская энциклопедия. С. 36.

- ²² См., например: Исследовательская работа на тему «Становление российского парламентаризма. Депутаты Государственной думы 1906–1917 гг. от Воронежской и Курской губерний». Подготовил: Волков Иван, ученик 10 «А» класса [Электронный ресурс] // Назаренко Наталья Константиновна. URL: <http://talochka63.rusedu.net/post/1428/14130> (дата обращения: 18.03.2014).
- ²³ Имеются в виду родственники по линии моего отца – Николая Федоровича Белановского.
- ²⁴ Государственная дума Российской империи: 1906–1917. С. 43.
- ²⁵ Белгородская энциклопедия. С. 36.
- ²⁶ См.: *Зайчиков Г.И.* Думская тактика большевиков (1905–1917 гг.): Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1975. С. 101.
- ²⁷ См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 60.
- ²⁸ См.: *Зайчиков Г.И.* Указ соч. С. 99.
- ²⁹ Вопросы истории КПСС. 1966. № 6. С. 42.
- ³⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 15. М., 1972. С. 323.
- ³¹ См.: *Зайчиков Г.И.* Указ. соч. С. 108.
- ³² Там же. С. 108–109.
- ³³ Государственная дума. Третий созыв: Стенограф. отчеты. Сессия 1. Т. 1. СПб., 1908. Стб. 527–529.
- ³⁴ См.: *Зайчиков Г.И.* Указ. соч. С. 109.
- ³⁵ Государственная дума Российской империи: 1906–1917. С. 43.
- ³⁶ ГАХО. Д. 252724. Ф. Р 6452. Оп. 4. Л. 116.
- ³⁷ Там же. Л. 113.
- ³⁸ См.: Белгородская энциклопедия. С. 36; *Овчинников В.В.* Роль пролетариата Белгородского железнодорожного узла в становлении местной социал-демократической организации. Белгород: Знание, 1984. С. 19–25, 33–35.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНКУРЕНЦИИ НА ТОВАРНОМ РЫНКЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье исследованы вопросы правового регулирования конкурентных правоотношений на современном товарном рынке. Автором анализируются произошедшие изменения в системе обеспечения конкуренции в условиях вступления России в ВТО и Таможенный союз и делаются выводы о необходимости совершенствования механизмов обеспечения конкуренции в государстве.

Ключевые слова: конкуренция, монополия, Всемирная торговая организация, Таможенный союз, инструмент, внешняя торговля, импорт, сельское хозяйство.

В условиях развития российской экономики повышается необходимость совершенствования механизмов конкуренции, которая должна защищаться и поддерживаться за счет реализации государственных инструментов в виде принятия и исполнения соответствующих нормативных правовых актов.

В сфере конкуренции таким актом в настоящее время является Федеральный закон «О защите конкуренции»¹, в ст. 4 которого конкуренция определяется как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Изменения в системе межгосударственных связей, выраженных во вступлении России во Всемирную торговую организацию и Таможенный союз², позволяют сделать вывод об изменении конкурентной среды в Российской Федерации, осложненной необхо-

димостью внедрения и адаптации международных правил ведения конкурентной борьбы на товарном рынке.

Как указывают некоторые авторы, одним из направлений конкурентного регулирования является конкурентная политика в сфере внешнеторговой деятельности государств. Основная проблематика конкурентного регулирования в данной области связана с наличием в поведении государств, реализующих свою внешнеторговую политику, двух встречных тенденций – государственного протекционизма отечественных отраслей или конкретных отечественных предпринимателей, с одной стороны, и защиты конкуренции, в том числе международной, при осуществлении внешнеторговой деятельности – с другой. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что в целом международная конкуренция, снижение торговых барьеров между государствами способствуют внутренней конкуренции и как следствие росту социально-экономического блага в стране, в частности приводят к улучшению положения потребителей. Поэтому в целом обществу выгодно снижение торговых барьеров между государствами. Их повышение в целях защиты отечественных производителей более выгодно самим таким производителям, защищаемым от иностранной конкуренции, а потребитель чаще всего страдает от таких мер вследствие монополизации рынка внутренними производителями, со всеми вытекающими отсюда последствиями³.

По мнению А.В. Пушкина, ВТО представляют как организацию «свободной торговли», однако эта организация допускает тарифные и в ряде случаев другие формы защиты интересов национальных производителей. Более верно называть ВТО системой норм, поддерживающих открытую, честную и свободную конкуренцию. Правила недискриминационного доступа – РНБ и национальный режим – созданы с целью обеспечить справедливые условия торговли. Это касается также демпинга и субсидий.

Такие сложные вопросы требуют комплексного подхода, и правила в данной сфере пытаются определить, какие действия допустимы, а какие нет и каким образом правительство может на них реагировать, в частности путем ввода дополнительных пошлин, призванных компенсировать вред, причиненный недобросовестными приемами международной торговли. Многие соглашения в рамках ВТО принимаются именно с целью поддержки конкуренции, например, в сфере сельского хозяйства, интеллектуальной собственности, услуг⁴.

Необходимо отметить, что вопросы поддержания конкуренции на рынке сельскохозяйственной продукции при вступлении

России в ВТО были одними из ключевых. Поэтому в условиях предполагаемого роста конкуренции на рынках сельскохозяйственных продуктов в Российской Федерации принята Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.⁵ В рамках данной Программы утверждены меры по адаптации сельского хозяйства к условиям ВТО. Одной из основных задач Программы является повышение конкурентоспособности российского агропромышленного комплекса до окончания переходного периода и вступления в силу всех обязательств России в рамках ВТО. В Программе предусмотрены такие важные положения, как принятие Федерального закона «О ветеринарии», направленного на гармонизацию российского законодательства с требованиями международных соглашений, в том числе Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер; разработка перечня сельскохозяйственной продукции и продовольствия, в отношении которых установлен запрет на закупки для государственных и муниципальных нужд; усиление таможенного администрирования ввоза сельскохозяйственной продукции со стороны Федеральной таможенной службы; разработка российских национальных стандартов и систем оценки качества мяса крупного рогатого скота.

Следует поддержать точку зрения М.А. Баширова, согласно которой основные положительные правовые последствия присоединения России к ВТО в рамках сектора финансовых услуг будут обусловлены созданием условий для реальной конкуренции между российскими и зарубежными организациями, а также получением для российских организаций доступа на финансовые рынки стран – участниц ВТО⁶.

Безусловно, ВТО придает приоритетное значение договорному урегулированию вопросов конкуренции на товарных рынках. Даже самое общее описание основных сфер деятельности ВТО дает представление о сложности стоящих перед ней задач и о значении их решения для мировой экономики. Учреждение ВТО – важный шаг в совершенствовании механизма регулирования столь важной и сложной сферы международных отношений, как отношения торгово-экономические⁷.

Вместе с тем, по мнению специалистов в области конкуренции внешнеторговой политики, существуют объективные ситуации, когда государственная защита отечественных производств и иных хозяйственных сфер необходима. К таким случаям в мировой практике традиционно относятся:

- сельскохозяйственное производство;
- запуск или подъем новых отраслей и производств в государстве, что обуславливает необходимость временной защиты от уже набравших силу иностранных конкурентов;
- интересы национальной безопасности;
- защита отечественных производителей и рынков от экспансионистского негативного влияния иностранной конкуренции, например поставок товаров, работ, услуг на какой-либо отечественный рынок по заниженным ценам в целях вытеснения производителей страны импорта и занятия на данном иностранном для импортера рынке монопольного положения. Такие действия называются демпингом и рассматриваются в международных документах, посвященных международному регулированию конкуренции, как разновидность недобросовестной или нечестной конкуренции⁸.

Для защиты национальных интересов от негативного воздействия иностранной конкуренции, в том числе для решения национальных социально-экономических целей и задач, в указанных выше и некоторых других случаях государствами издавна используются определенные защитные механизмы, суть которых состоит в установлении определенных барьеров для иностранных продавцов, поставщиков, производителей:

- тарифные – установление повышенного таможенного тарифа для импортных товаров, работ, услуг;
- нетарифные. По оценкам ученых, существует около 50 способов нетарифного ограничения внешней торговли. К ним относятся: введение квот, антидемпинговые и компенсационные меры, технические барьеры на пути торговли, санитарные и фитосанитарные меры, процедуры лицензирования импорта, процедуры государственных закупок, процедуры таможенной оценки, предотгрузочная инспекция и др.⁹

Необходимо отметить, что помимо непосредственного изменения конкурентной среды в государстве предполагаются и нормативные изменения, поскольку Федеральный закон «О защите конкуренции» должен быть приведен в соответствие с положениями Соглашения о единых принципах и правилах конкуренции, заключенного странами – участницами Таможенного союза¹⁰. При этом одновременно с решением этой задачи запланировано решение ряда других задач, в том числе приведение положений указанного федерального закона в соответствие с положениями Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности в свя-

зи с вступлением России в ВТО, практикой Европейского союза, а также с действующим законодательством Российской Федерации – п. 3 ст. 1033 ГК РФ, расширение сферы применения новых правовых институтов – предупреждений и предостережений: упрощения контроля за экономической концентрацией в целях дальнейшего снижения нагрузки на бизнес; совершенствование порядка осуществления контроля за предоставлением государственных и (или) муниципальных преференций и др.¹¹ Такие изменения должны обеспечить высокий уровень конкуренции в современных условиях.

Все указанные меры составляют мощный арсенал государства для противодействия негативным воздействиям недобросовестной иностранной конкуренции и призваны эффективно защищать социально-экономические и иные интересы общества и государства.

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
- ² Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза, подписан в г. Душанбе 6 октября 2007 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 12. Ст. 1552.
- ³ См.: *Писенко К.А., Цинделиани И.А., Бадмаев Б.Г.* Правовое регулирование конкуренции и монополии в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. С.В. Запольского. М.: РАП; Статут, 2010. С. 178.
- ⁴ См.: *Пушкин А.В.* Правовой режим иностранных инвестиций в Российской Федерации. М.: Юрист, 2007. С. 49.
- ⁵ Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.
- ⁶ См.: *Баширов М.А.* Международно-правовое регулирование доступа на рынки финансовых услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10–13.
- ⁷ См.: Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию / Г.К. Дмитриева, И.В. Ершова, А.В. Карташов и др.; под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Норма; Инфра-М, 2013. С. 73.
- ⁸ См.: *Ячеистова Н.И.* Международная конкуренция: законодательство, регулирование и сотрудничество. Нью-Йорк; Женева: Изд-во ООН, 2001. С. 251, 283.
- ⁹ См.: *Писенко К.А., Цинделиани И.А., Бадмаев Б.Г.* Указ. соч. С. 183.

- ¹⁰ Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции, заключено в г. Москве 9 декабря 2010 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 5. Ст. 545.
- ¹¹ См.: *Шур-Труханович Л.В.* Антимонопольное и ценовое регулирование в сфере торговли на Едином экономическом пространстве: международные и национальные аспекты // Торговое право. 2012. № 9. С. 14–40; № 10. С. 3–14.

И.Г. Бербенева

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РИЭЛТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проводится анализ законодательного регулирования риэлторской деятельности в Российской Федерации. Автором исследуются правовые аспекты лицензирования риэлторской деятельности, в том числе в зарубежных странах, а также делается вывод о необходимости закрепления требований к риэлторам в законодательстве.

Ключевые слова: риэлтор, лицензирование, обмен, посредничество, маклер, профессионализм, государственное регулирование.

Впервые предложения по оказанию услуг в сфере недвижимости частными компаниями стали появляться в начале 90-х годов прошлого века. До этого функцию посредника могло выполнять только государственное учреждение «Бюро по обмену жилой площади». Из самого названия этой организации можно сделать вывод о направлениях деятельности такой компании.

Поскольку частной собственности на недвижимость в СССР не было, то и рынка этой самой недвижимости тоже не существовало, что свидетельствовало об отсутствии и профессиональных специалистов в данной сфере. Конечно, рядом с обменным бюро начиная с 70-х годов можно было встретить нелегальных маклеров, которые под страхом уголовного наказания предлагали свои услуги желающим изменить свои жилищные условия, но назвать их профессионалами можно было с трудом. С появлением частной собственности на недвижимость появились и первые профессиональные риэлторы.

Следует отметить, что понятия «маклер» и «риэлтор» далеко не тождественные понятия. Так, маклером (англ. broker, франц.

courtier, нем. Makler, итал. и нем. sensale) можно назвать лицо, на профессиональной основе занимающееся посредничеством при заключении сделок¹, т. е. маклер занимается тем, что сводит продавца и покупателя, тем самым способствуя заключению сделки, и за это получает комиссионные.

Легальное определение понятия «риэлтор» в нормативных правовых актах не содержится, кроме того, в различных источниках встречаются отличающиеся написания (риэлтор, риэлтер, риелтор).

В ранее действовавшем Постановлении Правительства РФ от 23.11.1996 г. № 1407 «Об утверждении положения о лицензировании риэлтерской деятельности»² под риэлтерской деятельностью понималась осуществляемая юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями на основе соглашения с заинтересованным лицом (либо по доверенности) деятельность по совершению от его имени и за его счет либо от своего имени, но за счет и в интересах заинтересованного лица гражданско-правовых сделок с земельными участками, зданиями, строениями, сооружениями, жилыми и нежилыми помещениями и правами на них.

Таким образом, риэлтор – это профессия, предполагающая наличие у соответствующего лица навыков, знания законодательства и ответственного отношения к делу. В отличие от маклера риэлтор не просто является посредником между продавцом и покупателем, а самостоятельно выступает от имени клиента в его интересах.

Однако в настоящее время официально такой профессии не существует (равно как и агент по недвижимости, эксперт по недвижимости и т. д.). После отмены лицензирования официально не существует даже такого вида деятельности, как риэлторская. В России за более чем 20-летнюю историю рынка недвижимости не созданы специализированные учебные заведения для подготовки специалистов в этой области. В отсутствие официальных стандартизированных образовательных программ подготовки риэлторов, крупные компании самостоятельно организуют обучающие программы, курсы и семинары для своих сотрудников, как начинающих, так и уже работающих, но эти тренинги ничего общего с профессиональным образованием не имеют. Как результат в российских агентствах недвижимости зачастую работают риэлторы не только не обладающие профессиональными навыками, но даже не имеющие базового знания действующего законодательства.

Профильное риэлторское образование в большинстве развитых стран играет огромную роль. Для сравнения: в США риэлторской специальности обучают в университетах. После обучения сдается

экзамен, а затем – экзамен на лицензию штата, которая регистрируется в Департаменте по предпринимательскому и профессиональному регулированию. Причем эти экзамены очень сложны и по статистике претенденты сдают его в некоторых случаях более 10 раз. Обновляется лицензия каждые 2 года³. В США нельзя работать агентом по недвижимости частным образом, соответственно не существует независимых агентов. Агент по недвижимости всегда работает на брокера – владельца агентства недвижимости. Брокер несет полную ответственность по сделкам. Только имея лицензию и проработав по ней 2 года, агент может получить брокерскую лицензию и открыть свое агентство.

Помимо США государственное лицензирование риэлторской деятельности развито и во многих других странах. В частности, в Германии этим бизнесом по совместительству занимаются адвокаты, окончившие специальные курсы, сдавшие экзамен и получившие лицензию. В качестве примера можно привести также страны Бенилюкса, где помимо лицензирования существуют еще и профессиональные организации, куда обязан вступить каждый агент. В такой организации он получает идентификационный номер, который подтверждает его статус и который он обязан указывать в каждом документе и договоре, который оформляется во время работы с клиентом⁴.

По пути государственного регулирования риэлторской деятельности пошли и некоторые бывшие союзные республики, а ныне независимые государства. В частности, Республика Беларусь Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 06.11.2004 г. № 1409 «О внесении дополнений в Положение о лицензировании деятельности по оказанию юридических услуг» ввела лицензирование риэлторской деятельности как услуги, составляющей деятельность по оказанию юридических услуг. Кабинет Министров Республики Узбекистан принял «Положение о лицензировании риэлторской деятельности» в качестве Приложения к Постановлению КМ РУз от 10.05.2011 г. № 129 «О лицензировании отдельных видов деятельности».

В соответствии с законодательством Российской Федерации регулирование деятельности гражданско-правового характера относится к ведению федеральных органов государственной власти и субъекты РФ не вправе самостоятельно принимать нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок регулирования риэлторской деятельности. В указанном выше Постановлении Правительства РФ от 23.11.1996 г. № 1407 «Об утверждении положения о лицензировании риэлтерской деятельности» легально закреплялось понятие риэлторской деятельности и регламентировалась эта деятельность. Однако

данное постановление утратило свою силу в связи с принятием Постановления Правительства РФ от 08.05.2002 г. № 302 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросам лицензирования отдельных видов деятельности»⁵, что фактически повлекло исключение из нормативных правовых актов понятия «риэлтор».

Действующий Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁶ не предусматривает лицензирования риэлторской деятельности, и данная ситуация позволяет любому субъекту, в том числе и физическому лицу, заниматься этой достаточно доходной деятельностью, не неся, по сути, никакой ответственности за возможные последствия и зачастую не делая налоговых отчислений. На сегодняшний момент не существует каких-либо правил и стандартов для данного вида деятельности, отсутствуют нормативно-правовые акты, предусматривающие ответственность за недобросовестное сопровождение сделок. И как следствие, нет никаких гарантий получения качественной услуги для добросовестного приобретателя недвижимого имущества.

Возвращение обязательного лицензирования способно, на наш взгляд, оздоровить сложившуюся ситуацию. Нужно заметить, что попытки вернуть лицензирование риэлторской деятельности предпринимались, но не увенчались успехом. В частности, такая попытка была предпринята уже в 2005 г., т. е. спустя всего три года с момента отмены. В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 17 Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности”» указывалось, что отмена лицензирования отрицательно сказалась на обстановке на рынке недвижимости, сделав ее нестабильной. Лицензирование позволяло государству регулировать деятельность риэлторов, а для потребителей данной услуги наличие лицензии служило гарантом надежности. Также в этом документе справедливо давалась оценка незащищенности рынка от непрофессионалов. Указывалось на то, что наряду с официально действующими агентствами недвижимости существуют частные риэлторы, физические лица, действующие нелегально, которые не имеют специального образования и профессиональных знаний, и приводилась статистика УБЭП УВД Костромской области по преступлениям, связанных с мошенническими действиями на рынке недвижимости. Большая часть этих преступлений была совершена именно такими частными риэлторами.

Именно отсутствие в законодательстве реальных методов регулирования и контроля в сфере риэлторской деятельности позволяет мошенникам прикрываться названием «риэлтор». Отсутствие

законодательной базы не дает возможности отделить добросовестного риэлтора и действительного специалиста от некомпетентного и зачастую непорядочного агента.

Довольно сложно согласиться с заключением Комитета Государственной думы по собственности⁷ по проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 17 Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности”», в котором в качестве контраргумента приводится следующее: «Следует учитывать, что в отношении риэлторской деятельности действует контроль за законностью и добросовестностью работы риэлторов со стороны органов государственной регистрации объектов недвижимого имущества и сделок с ним, нотариусов, а также самоуправляемых организаций риэлторов».

Во-первых, органы, осуществляющие государственную регистрацию (Росреестр), никоим образом не контролируют деятельность риэлторов (и не должны этого делать – у них другие обязанности). Росреестр принимает на государственную регистрацию документы, проводит юридическую экспертизу предоставленных документов и осуществляет непосредственно саму регистрацию. Государственные регистраторы не требуют от участников сделки справок ни об их психическом состоянии, ни об отсутствии постановки на учет в наркологическом диспансере, они не проверяют, были ли нарушения прав несовершеннолетних детей на момент приватизации. Эти данные отсутствуют в списке обязательных документов для подачи на государственную регистрацию прав. А зачастую именно вышеперечисленные факты позволяют недобросовестным участникам сделок злоупотреблять своим правом.

Во-вторых, нотариусы вообще не в состоянии повлиять на добросовестность работы риэлторов, поскольку большая часть сделок совершается в простой письменной форме, не требующей обязательного нотариального заверения, и обращения к нотариусу попросту можно избежать. Уже не говоря о том, что проверить подлинность нотариально заверенных документов можно только при наличии доброй воли стороны, предоставившей эти документы, в противном случае нотариус откажет в проверке, сославшись на ст. 5 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Активно обсуждающаяся возможность возврата к обязательному нотариальному заверению сделок с недвижимым имуществом существенно ситуацию не изменит, поскольку для выполнения всех необходимых проверок нотариусу придется нанимать штат сотрудников, по объему сопоставимый со штатом агентства недвижимости, что само по себе абсурдно.

В-третьих, вступление в самоуправляемую организацию риэлторов – дело добровольное и не несет обязательного характера. Таким образом, уповать на то, что эта организация может вести какой-либо контроль за деятельностью риэлторов, не приходится.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что лицензирование не только не является избыточным методом государственного регулирования данного вида деятельности, но и ограничит выход на рынок риэлторских услуг случайных и непрофессиональных участников. Помимо этого, указанная мера позволит поддерживать профессиональный уровень агентств и агентов, работающих в них. Во многих европейских странах риэлторская деятельность регулируется государством. На наш взгляд, такой подход оптимален, поскольку государство призвано защищать интересы граждан, и этого можно добиться, допуская на рынок только профессионалов. По нашему мнению, ситуация достигла критической точки и необходимо взяться за решение накопившихся проблем и устранение пробелов.

Примечания

- ¹ Маклер [Электронный ресурс] // Энциклопедии & Словари. URL: <http://encdic.com/brokgause/Makler-130448.html> (дата обращения: 20.12.2013).
- ² Постановление Правительства РФ от 23 ноября 1996 г. № 1407 «Об утверждении Положения о лицензировании риэлтерской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5569.
- ³ См.: *Батяев А.А., Дубровская И.А.* Справочник риэлтора // Жилищное право. 2008. № 1. С. 176.
- ⁴ См.: *Накушинова Е.В.* Особенности правового регулирования обязательств по оказанию риэлторских услуг // Современное право. 2012. № 12. С. 80–85.
- ⁵ Постановление Правительства РФ от 8 мая 2002 г. № 302 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросам лицензирования отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 20. Ст. 1859.
- ⁶ Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
- ⁷ Заключение Комитета по собственности от 07.07.2005 г. № 3.9-43/1 по проекту Федерального закона № 190183-4 «О внесении изменения в статью 17 Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности”» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=35077> (дата обращения: 20.12.2013).

ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ – НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПРАВО ВЫБОРА?

В настоящее время в целях защиты прав совместной собственности супругов становится необходимым определить в законодательстве Российской Федерации понятие предметов роскоши. Представления о роскоши меняются в обществе вместе с изменением уровня жизни. Многие считают предметы роскоши источником социального неравенства. В России введен налог на роскошь.

Ключевые слова: предметы роскоши, совместная собственность супругов, излишество, налог на роскошь, социально-психологическая функция, уровень жизни.

Едва ли не самым распространенным и употребляемым в наше время стало пресловутое слово «роскошь», которое своей неопределенностью затмевает сознание людей. Учитывая современные реалии понимания обществом предметов роскоши, прийти к единому мнению в отношении содержания понятия роскоши крайне сложно. К примеру, каждый человек скажет, что остров, самолет или дворец на берегу моря – это роскошь. А в отношении другой недвижимости и дорогих марок автомобилей не все выглядит однозначно. Для жителей провинциальных поселков роскошью считаются новый автомобиль российского производства и квартира в центре областного города, тогда как москвичи считают роскошью виллу на Рублевке или автомобиль «Ламборджини» последней модели. Отсюда можно сделать вывод, что в разных регионах страны неоднозначно воспринимается понятие роскоши.

К тому же в настоящий момент в Российской Федерации отсутствует законодательное закрепление понятия предметов роскоши.

Так, в Семейном кодексе Российской Федерации¹ установлено лишь то, что драгоценности и другие предметы роскоши являются совместной собственностью супругов, несмотря на то что они, по сути, принадлежат к вещам индивидуального пользования. То есть, если предмет роскоши потребляется лишь одним супругом, тем не менее, он имеет режим общей, а не личной собственности, и соответственно, получая свою долю имущества при разделе после развода, супруг, пользующийся предметом роскоши, должен будет отдать половину стоимости этого имущества своему супругу². Вопрос о признании той или иной вещи предметом роскоши решает суд в зависимости от конкретных обстоятельств дела, руководствуясь жизненным уровнем в обществе и сложившимися на его основе представлениями о роскоши, а также условиями жизни спорящих супругов³. Интересен тот факт, что и во времена действия Кодекса о браке и семье РСФСР⁴ от 30.07.1969 г. предметам роскоши был удостоен тот же режим совместной собственности супругов (ст. 22), как и в наше время. А что понимается под другими предметами роскоши, законодателем ни РСФСР, ни Российской Федерации так и не раскрыто.

В списке предметов роскоши за историю человечества побывало едва ли не все, что нас окружает. Следует отметить: то, что для одного поколения является роскошью, для последующего становится насущной необходимостью. Ярким примером этого является история мобильных телефонов и компьютеров, которые еще лет 15 назад считались излишествами, а сегодня во многих странах уже включены в число предметов первой необходимости⁵. Также, например, то, что еще вчера считалось роскошью, например шуба из натурального меха, завтра может быть расценено как обычная верхняя одежда.

Поэтому на практике довольно сложно определить, что является для данной семьи предметом роскоши. Недаром представления о роскоши меняются в обществе вместе с изменением уровня жизни.

Получается, что предметы роскоши существовали во все времена жизни общества, только само понятие этих предметов претерпевало изменения и по отношению к прошлому периоду времени, и по отношению к настоящему, только с привязкой к местности.

В силу этого отношение к предметам роскоши имеет перманентное и переходящее состояние: на одном этапе жизни общества это излишество, к которому стремится общество и, сделав выбор в пользу роскоши, ограничивает себя в чем-то; на другом, последующем этапе это излишество может перерасти в необходимость. Поэтому довольно сложно определиться с этим витиеватым понятием «предметы роскоши».

Именно поэтому наши законодатели, наконец, решив ввести налог на роскошь, а тем самым все-таки установить современные признаки роскоши, крайне долго не могли определить, что же в России должно считаться излишеством. Изначально предлагалось, что «налог на роскошь» затронет покупку огромных домов, колоссальных земельных участков, самолетов, яхт и суперавтомобилей.

Вопрос введения налога на роскошь госчиновниками обсуждался не один год. Основная функция налога на роскошь с точки зрения инициатора его введения – социально-психологическая. Специальное обложение, став платой за сверхпотребление, которое сейчас имеют некоторые граждане РФ, должно восстановить социальную справедливость. Идею с введением налога на роскошь поддержали большинство жителей России.

После многогранных обсуждений налог на роскошь ввели в 2013 г. для автомобилей стоимостью свыше 3 млн руб., исчисляемый с учетом повышающего коэффициента. Также в настоящий момент обсуждается вопрос, надо ли законодательно вводить норму, чтобы налог распространялся на имущество налогоплательщика, находящееся не только в России, но и в других странах.

Налог «на богатство» существует в той или иной форме во многих странах мира – в Великобритании, Италии, США, Франции, Хорватии.

В США налог на роскошь был впервые введен в 1898 г. для финансирования военных расходов. В 1990 г. Конгресс США в очередной раз внедрил налог на различные предметы роскоши. Однако в 1993 г. американские законодатели отменили почти все эти налоги, оставив только налог на автомобили, который действовал в течение 13 лет. Сейчас в США налог на роскошь заменен повышенной ставкой НДС на товары класса люкс.

Сегодня развитые страны предпочитают заменить налог на роскошь повышенной ставкой НДС или применяют его к действительно эксклюзивным вещам: сверхмощным машинам и яхтам, дорогим украшениям. Япония отменила этот налог в 1950 г., Ирландия – в 1974 г. В последнее время к ним присоединились Австрия, Германия, Дания, Италия, Люксембург, США, Финляндия.

Необлагаемый порог налога на роскошь во Франции составляет 760 тыс. евро. Если гражданин обладает большим состоянием, то он обязан с суммы, превышающей этот порог, оплатить от 0,55 до 1,8%. При этом налог на богатство касается как налогоплательщиков этой страны, так и ее налоговых резидентов, которые обязаны самостоятельно задекларировать для налоговых органов наличие такого имущества. В предметы роскоши включаются денежные

средства, акции, недвижимость, мебель, посуда, произведения искусства со стоимостью, превышающей установленный законодательством «потолок». В случае обнаружения неуплаты действует срок давности в 10 лет, за который государство попросит уплатить налог в полном объеме. В связи с этим обеспеченные граждане выбирают для своего проживания и ведения бизнеса соседнюю Бельгию, а казна Франции теряет 25–28 млрд евро в год. Временно введенный в Испании налог на роскошь уплачивается теми, чье состояние превысило 700 тыс. евро⁶.

Таким образом, учитывая образовавшийся правовой пробел в законодательстве Российской Федерации в части отсутствия критериев определения предметов роскоши, у каждого гражданина существует право выбора «иметь или не иметь» предметы роскоши. Причем, обладая ими, человек может ощутить определенные последствия в виде уплаты налогов, либо довольствоваться тем существующим имуществом, ничем не обремененным, которое, возможно, когда-то в незапамятные времена являлось роскошью.

В этой связи можно рассмотреть и такой вариант: установить общее понятие предметов роскоши на федеральном уровне и дать возможность законодательным органам субъектов Российской Федерации на своей территории в зависимости от показателей состояния качества жизни населения на уровне субъекта принимать свое определение предметов роскоши.

Примечания

- ¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
- ² *Филина Ф.Н., Толмачев И.А., Сутягин А.В.* Сам себе адвокат. М.: ГроссМедиа; РОСБУХ, 2008.
- ³ *Нечаева А.М.* Новый Семейный кодекс // Государство и право. 1996. № 6. С. 124.
- ⁴ Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397.
- ⁵ *Земцова Ю.* Налог на роскошество. Красиво жить не запретишь // Финансовая газета. 2012. № 5. С. 7.
- ⁶ *Зыкова Т.* Налог – не роскошь. Дополнительные сборы с владельцев элитных средств передвижения могут ввести в 2013 году // Российская газета. 2012. № 5710 (37).

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены этапы становления системы государственного оборонного заказа в Российской Федерации. Автором анализируются нормативные правовые акты, регулирующие систему размещения государственного оборонного заказа, и их значение для совершенствования вооружения и безопасности государства.

Ключевые слова: заказ, безопасность, вооружение, обороноспособность, государство, контрактная система, армия.

Одним из важнейших аспектов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является строительство и развитие мощных, мобильных вооруженных сил, располагающих эффективными образцами вооружения, военной и специальной техники, отвечающими вызовам современных эвентуальных противников нашей страны.

Современный этап военного строительства в Российской Федерации в качестве одной из важнейших выдвигает задачу, связанную с переоснащением армии и флота новыми эффективными видами вооружения и военной техники.

Качество применяемого вооружения, военной и специальной техники, во многом определяющее обороноспособность страны, зависит от способности государства организовать и обеспечить необходимыми средствами этапы разработки и производства современного, перспективного вооружения¹. Организация закупки и поставки продукции для поддержания необходимого уровня обороноспособности и безопасности Российской Федерации осуществляется посредством формирования, размещения и исполне-

ния на контрактной основе государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ).

Институт ГОЗ можно без преувеличения назвать важнейшим инструментом, позволяющим решать сложные, разноплановые задачи обеспечения вооруженных сил качественными образцами вооружения, военной и специальной техники, оказания услуг по его техническому обслуживанию, модернизации и ремонту, а «размещение ГОЗ является одним из самых сложных и конфликтных этапов осуществления закупок по ГОЗ, ведь именно на этом этапе происходит наибольшее столкновение публичных интересов государственных заказчиков с частными интересами предприятий оборонно-промышленного комплекса»².

С древнейших времен сдача подрядов и поставок с публичных торгов применялась в целях установления наиболее выгодных для казны условий, а также исключения возможности заключения договоров не с самыми выгодными и надежными контрагентами: она упоминалась уже Плутархом (I в. н. э.) в связи с работами по восстановлению разрушенных стен Афин, широко применялась в Средние века, но наибольшее развитие получила в Новое время при капиталистическом строе, когда, с одной стороны, возросли потребности государства, а с другой – благодаря концентрации капиталов стало возможным удовлетворение этих потребностей подрядным способом в крупном масштабе³.

Одной из основных особенностей развития экономических отношений в дореволюционной России было широкое применение казенных заказов для обеспечения нужд армии и флота⁴.

Выполняя функции механизма обеспечения государственных потребностей, казенные заказы при этом являлись одной из самых действенных мер государственного регулирования экономики. Так, транспорт и оборона выступали главным источником спроса для железодельной и топливной промышленности. Развитие грубошерстной промышленности начиная с середины XIX в. было непосредственно связано с ростом заказов на обмундирование для армии. Значительные бюджетные средства расходовались на развитие промышленности, создавая ей добавочный спрос в лице централизованного потребителя, появившегося благодаря государству и его специфическим потребностям⁵.

Государственные потребности удовлетворялись посредством подряда и поставки. В ст. 1737 Свода законов Российской империи (т. X, ч. I) содержалось единое для подряда и поставки определение, в соответствии с которым «подряд или поставка есть договор, по силе коего одна из вступающих в оный сторон принимает на

себя обязательство исполнить своим иждивением предприятие или поставить известного рода вещи, а другая, в пользу коей сие производится, учинить за то денежный платеж»⁶.

Дореволюционное отечественное право для ряда договоров, заключаемых государственными органами, в том числе казенных подрядов и поставок, устанавливало обязательное производство публичных торгов.

В период НЭПа в России вновь возникли отношения государственных заказов, аналогичные по форме прежним казенным заказам⁷. Экономические отношения, облекаемые в форму поставок и подрядов, составляли весьма существенную часть хозяйственной жизни страны. В юридической литературе отмечалось, что «для планового хозяйства (не только в том значении, в каком этот термин понимается в советских условиях, но и в том более широком смысле, в каком оно применимо к правильно поставленному и рационально организованному капиталистическому предприятию) наиболее типичной формой является именно поставка, т. е. заключаемая заранее сделка по приобретению товаров (сырья или готовых изделий), обеспечивающая нормальное функционирование предприятия в течение ближайшего периода времени»⁸.

Как в случае подряда, так и в случае поставки государство шло на значительный риск, возлагая на своего контрагента выполнение известного обязательства к определенному сроку, не имея гарантии, что оно будет выполнено, а также ссужая контрагента деньгами. Это требовало, во-первых, соблюдения государством особой осторожности при выборе контрагента и заключении договора (отсюда правила о сдаче подрядов и поставок с публичных торгов и об их утверждении), во-вторых, обеспечения интересов государства на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения задания, а также невозвращения аванса (отсюда правила о неустойке, об ограничении размера аванса, о залоге).

В течение длительного времени обеспечение потребностей Вооруженных сил СССР в ресурсах, необходимых для успешного функционирования, осуществлялось централизованно на директивной основе.

Переход к новому этапу в развитии отношений в сфере ГОЗ связан с вступлением России в рыночную систему организации хозяйства. Нормативной вехой рыночных перемен стал Гражданский кодекс Российской Федерации, в котором были урегулированы вопросы поставки продукции, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд.

С ликвидацией в начале 1990-х годов административно-командной системы управления государством и экономикой возникла необходимость в преобразовании системы централизованных, плановых поставок для нужд экономики Вооруженных сил. Становление и развитие рыночных отношений обусловили изменение роли и места Вооруженных сил в национальной экономике. Министерство обороны стало полноправным субъектом рыночных отношений. В то же время реформирование отношений собственности способствовало появлению на рынке государственных услуг негосударственных предприятий и организаций как самостоятельных экономических субъектов, преследующих свои корпоративные интересы.

В этих условиях появилась необходимость адаптации действующего ранее механизма поставок ресурсов для нужд экономики Вооруженных сил или, точнее сказать, совершенствования механизма закупки продукции по ГОЗ.

Для государственных заказчиков главной проблемой начального этапа становления рыночных отношений стала ликвидация привычного для них положения экономической «комфортности». Основные моменты этой проблемы следующие: исчезла ориентация на нормативно-правовое установление поставщика оборонного заказа; произошли значительные преобразования в структуре предприятий оборонно-промышленного комплекса; исключена из состава поставщиков часть важных предприятий оборонно-промышленного комплекса вследствие распада СССР; снизился общий объем финансирования ГОЗ, и, как следствие, возросла роль финансовых вопросов во взаимоотношениях партнеров по договорным отношениям; отстала нормативно-правовая база, регулирующая вопросы формирования, размещения и исполнения ГОЗ, от реалий времени; появилось понятие коммерческого риска.

В этих условиях стала актуальной задача пересмотра всех сторон деятельности государственных заказчиков в соответствии с изменившимся характером решаемых задач, которые вытекают из новой военной доктрины и концепции национальной безопасности, предопределяющих функциональную и организационную оптимизацию органов и служб заказчика. Перед заказчиком возникли новые специфические задачи по выработке современных критериев технико-экономического обоснования принимаемых управленческих решений в области закупок, поиску новых решений для повышения эффективности использования государственных средств на закупку оборонной продукции, а также дополнительных источников финансирования.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование общественных отношений в сфере размещения ГОЗ формировалось в основном в условиях начального этапа становления собственного законодательства современной России, в период нестабильного социального, политического и экономического положения.

Первым нормативно-правовым актом, содержащим общие принципы формирования и размещения государственных заказов на продукцию для государственных нужд, стал Закон Российской Федерации от 28.05.1992 г. № 2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд»⁹. В этом законе уже содержался пункт о том, что закупки должны осуществляться на конкурсной основе. Затем вышло постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 1992 г. № 638 об организации работ по реализации этого закона¹⁰.

Нововведением этого закона явилось то, что субъекты Федерации сами получили возможность регулировать обеспечение региональных нужд, а также ограничение круга возможных государственных заказчиков только государственными структурами.

Нормы гражданского права, регулирующие порядок формирования, размещения, финансирования и исполнения ГОЗ, были впервые установлены Федеральным законом от 27.12.1995 г. № 213-ФЗ «О государственном оборонном заказе»¹¹. Несмотря на провозглашение размещения ГОЗ на основе торгов, нормативно-правовые акты того периода носили сугубо организационно-процедурный характер, а реальный механизм проведения торгов разработан не был.

Следует отметить, что в настоящее время нормативно-правовое регулирование в сфере размещения ГОЗ находится в стадии глубокого реформирования, о чем свидетельствует как вступление в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 29.12.2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»¹², пришедшего на смену Федеральному закону от 27.12.1995 г. № 213-ФЗ «О государственном оборонном заказе», так и подписание 5 апреля 2013 г. Президентом Российской Федерации Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹³, вступившего в силу с 1 января 2014 г., призванного «урегулировать общественные отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции в сфере таких закупок...», что позволит совершен-

ствовать систему размещения государственного оборонного заказа и достигнуть целей, поставленных для совершенствования системы вооружения Российской Федерации.

Примечания

- ¹ См.: *Фомин А.* Много шума из ничего: о законопроекте «О государственном оборонном заказе» [Электронный ресурс] // Автономная некоммерческая организация «Центр стратегических оценок и прогнозов». URL: http://www.csef.ru/index.php/ru/?option=com_csef&view=article&sid=1&aid=3402&Itemid=103&lang=ru (дата обращения: 18.11.2013).
- ² См.: *Слепенкова Л.В.* Административно-правовое регулирование государственного оборонного заказа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 4.
- ³ См.: *Варшавский К.М.* Подряды и поставки в Союзе ССР. М., 1928. С. 97–98.
- ⁴ См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М., 2003. Ч. 2. С. 298–299.
- ⁵ См.: *Цельникер С.С.* Госзаказы в промышленности // НЭП и хозрасчет / Под ред. Н.Я. Петракова и др. М., 1991. С. 294–307.
- ⁶ Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Ст. 1737 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Классика российского права. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/145.html#img146> (дата обращения: 18.11.2013).
- ⁷ См.: *Цельникер С.С.* Указ. соч. С. 294–307.
- ⁸ См.: *Варшавский К.М.* Указ. соч. С. 20–21.
- ⁹ Федеральный закон от 28 мая 1992 г. № 2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» // Российская газета. 1992. № 148.
- ¹⁰ Постановление Правительства РФ от 27 августа 1992 г. № 638 «Об организации работ по реализации Закона Российской Федерации “О поставках продукции и товаров для государственных нужд”» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 9. Ст. 613.
- ¹¹ Федеральный закон от 27 декабря 1995 г. № 213-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 6.
- ¹² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7600.
- ¹³ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КОРРЕСПОНДЕНТСКОГО СЧЕТА КАК РАЗНОВИДНОСТИ БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ

В статье рассматриваются правовые вопросы корреспондентских отношений кредитных организаций по законодательству Российской Федерации. Автором исследуются вопросы заключения корреспондентского счета, его содержания, существенных условий, а также изменения законодательства, регулирующего данные правоотношения.

Ключевые слова: кредитная организация, банковский счет, корреспондентский счет, межбанковские отношения, банковская система, договор.

При значительном объеме финансовых потоков между кредитными организациями особую важность для стабильности банковской системы имеют своевременность осуществления расчетов по корреспондентским счетам кредитных организаций, открытым в других кредитных организациях, и адекватность мер, применяемых для управления рисками при осуществлении расчетов¹.

В настоящее время с учетом проводимой реформы гражданского и банковского законодательства изменяется и правовое регулирование корреспондентских счетов, впервые в комплексном виде закрепляется их правовой режим в нормативных правовых актах.

Корреспондентские отношения осуществляются между кредитными организациями и между кредитной организацией и Банком России на договорных началах.

Банковская практика позволяет выделить корреспондентские отношения трех видов²:

- корреспондентские отношения с открытием корреспондентских счетов на взаимной основе (друг у друга) или в одностороннем порядке (только у одного из партнеров, как правило, у крупного банка) – «прямые корреспондентские отношения»;

- отношения между корреспондентами без счета, когда взаимные расчеты осуществляются по счетам, открытым ими в третьей кредитной организации, в том числе в подразделении расчетной сети Банка России;
- отношения корреспондентов через расчетные небанковские кредитные организации, в которых открываются счета участников расчетов, являющиеся, по сути, разновидностями корреспондентских счетов.

Однако в настоящее время правовая конструкция договора корреспондентского счета охватывает корреспондентские отношения только первого вида.

В соответствии с п. 2.5 Инструкции Банка России от 14.09.2006 г. № 28-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам)»³ корреспондентские счета открываются кредитным организациям. Банку России открываются корреспондентские счета в иностранных валютах.

Согласно ст. 28 Федерального закона от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁴ кредитные организации на договорных началах могут привлекать и размещать друг у друга средства в форме вкладов (депозитов), кредитов, осуществлять расчеты через корреспондентские счета, открываемые друг у друга, и совершать другие взаимные операции, предусмотренные лицензиями, выданными Банком России, что позволяет выделить сделки и основания возникновения межбанковских отношений.

В данной статье также отмечено, что корреспондентские отношения между кредитной организацией и Банком России осуществляются на договорных началах, однако специфика заключения и исполнения такого договора, опосредующего данный вид счета, в законодательстве не отражена.

В ст. 860 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее – ГК РФ) содержится положение, что правила главы 45 о договоре банковского счета распространяются на корреспондентские счета, корреспондентские субсчета, другие счета банков, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или установленными в соответствии с ними банковскими правилами.

Таким образом, традиционной является точка зрения о правовой природе договора корреспондентского счета как разновидности договора банковского счета, обусловленного целевым характером корреспондентских отношений⁶.

Однако в науке гражданского права высказывались мнения о том, что договор корреспондентского счета имеет самостоятельный характер, так как в его основу положены «начала взаимности в кре-

дитовании»⁷. Тем не менее налоговое законодательство, основываясь на нормах ГК РФ (банковский счет), также не разграничивает банковские и корреспондентские счета.

Таким образом, правовая доктрина и действующее гражданское законодательство рассматривают договор корреспондентского счета как разновидность договора банковского счета.

Для регулирования отношений по договору корреспондентского счета в главу 45 ГК РФ проектом Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» включен § 7 «Корреспондентский счет».

Так, согласно ст. 860.29 договор корреспондентского счета заключается с целью осуществления межбанковских операций. По договору корреспондентского счета банки открывают счета друг у друга и принимают на себя взаимные обязательства зачислять и списывать денежные средства с корреспондентских счетов в соответствии с указаниями банка-респондента (владельца счета).

При этом существенными условиями договора корреспондентского счета являются следующие условия:

1) о порядке установления даты перечисления платежа при проведении расчетных операций;

2) о правилах обмена документами (на бумажном носителе, в виде электронного документа) и форме реестра предстоящих платежей с перечислением необходимых реквизитов для совершения расчетных операций, способе и порядке его передачи (на бумажном носителе или в виде электронного документа);

3) об обязательствах банка-корреспондента направлять банку-респонденту подтверждение о совершении расчетной операции для ее отражения по корреспондентскому счету в банке-респонденте и банке-корреспонденте одной датой;

4) о порядке действий банка-респондента и банка-корреспондента при поступлении расчетного документа позже установленной даты перечисления платежа, несвоевременном получении или неполучении подтверждений о совершении расчетной операции либо в связи с возникновением обстоятельств непреодолимой силы;

5) об обязательствах банка-респондента по пополнению корреспондентского счета для оплаты расчетных документов, предъявленных к этому счету;

6) о кредитовании счета банком-корреспондентом.

Договор корреспондентского счета является основанием для совершения операций между корреспондентами. При этом предме-

том договора корреспондентского счета является предоставление банками – корреспондентами взаимных услуг по принятию и зачислению поступающих на их корреспондентские счета денежных средств, взаимному выполнению распоряжений друг друга о перечислении и выдаче соответствующих сумм с корреспондентских счетов и проведению других операций по этим счетам.

В соответствии со ст. 28 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» списание средств со счетов кредитной организации производится по ее распоряжению либо с ее согласия, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

При недостатке средств для осуществления кредитования клиентов и выполнения принятых на себя обязательств кредитная организация может обращаться за получением кредитов в Банк России на определяемых им условиях.

Кредитные организации вправе осуществлять переводы денежных средств в рамках платежных систем, соответствующих требованиям Федерального закона «О национальной платежной системе»⁸.

В проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 860.30 устанавливает, что платежные поручения банка-респондента, которые не могут быть исполнены по причине недостаточности денежных средств на его счете, возвращаются банком-корреспондентом в день их получения, если иное не предусмотрено договором корреспондентского счета.

В рамках работы по развитию корреспондентских отношений банки разрабатывают и реализуют свою политику по отношению к другим банковским учреждениям, определяют, с какими банками, в каких областях и на каких условиях развивать операции. Эта работа включает в себя анализ финансового положения банков-корреспондентов, их репутации и платежеспособности, разработку мер по обеспечению интересов банков, защите от риска неплатежа по операциям с корреспондентом, совершенствование условий межбанковских расчетов и повышение их эффективности.

Повсеместное внедрение новейших и непрерывное развитие перспективных технологий включают в себя:

- новые стандарты ведения корреспондентских счетов (например, услуги и продукты по предоставлению информации о проведении операций по корреспондентскому счету в режиме реального времени);

- новые стандарты проведения расчетных и других операций (в том числе в области торгового финансирования, валютно-финансовых операций), основанные прежде всего на системе SWIFT и сети Интернет и позволяющие банкам успешно решать такие задачи, как ускорение межбанковских расчетов;
- увеличение спектра предоставляемых клиентам банка услуг;
- повсеместное снижение операционных рисков;
- усиление контроля над финансовыми потоками;
- обеспечение наиболее оптимального пути прохождения клиентских платежей;
- снижение операционных издержек на обслуживание клиентов банков и, как результат, повышение конкурентоспособности банка в целом.

В ходе установления корреспондентских отношений банки обмениваются письмами и представляют друг другу документы для изучения надежности и состоятельности партнеров: нотариально заверенные копии уставов и лицензий на проведение различных операций, отчеты о деятельности, включая балансы, справки о соблюдении экономических нормативов и др. За справками об уровне платежеспособности потенциальных корреспондентов банки прибегают к услугам рейтинговых, справочных фирм или дружественных банков.

О вновь открытых корреспондентских счетах на территории Российской Федерации и за рубежом кредитная организация должна ежемесячно сообщать в Банк России.

Кредитные организации устанавливают корреспондентские отношения с иностранными банками, зарегистрированными на территориях оффшорных зон иностранных государств, в порядке, определяемом Банком России.

В Указании ЦБ РФ от 07.08.2003 г. № 1317-У «О порядке установления уполномоченными банками корреспондентских отношений с банками-нерезидентами, зарегистрированными в государствах и на территориях, предоставляющих льготный налоговый режим и (или) не предусматривающих раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций (оффшорных зонах)»⁹, определяющем ограничения на корреспондентские отношения с банками из оффшорных зон, установление корреспондентских отношений сводится к открытию счетов «ностро» или «лоро».

Таким образом, одним из важнейших вопросов правового регулирования банковской деятельности является не только правовое регулирование корреспондентских отношений в целом, но и их главная составляющая – корреспондентские счета, а также правовой режим.

- ¹ Письмо Банка России от 8 февраля 2010 г. № 18-Т «О своевременности осуществления расчетов по корреспондентским счетам и мерах по управлению рисками при осуществлении расчетов» // Вестник Банка России. 2010. № 7.
- ² См.: *Карчевский С.П.* Договор корреспондентского счета как разновидность договора банковского счета // Банковское право. 2002. № 1. С. 6.
- ³ Инструкция Банка России от 14 сентября 2006 г. № 28-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам)» // Вестник Банка России. 2006. № 57.
- ⁴ Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
- ⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
- ⁶ См.: *Павлодский Е.А.* Договоры организаций и граждан с банками. М.: Статут, 2000. С. 52; *Рахмилович В.А.* О правовой природе безналичных расчетов, корреспондентских счетов банков и их прав на привлеченный капитал // Право и экономика. 1996. № 1–2. С. 119.
- ⁷ См.: *Сиземова О.Б.* Договор в правовом механизме платежной системы Банка России // Банковское право. 2012. № 1. С. 25–28.
- ⁸ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
- ⁹ Указание ЦБ РФ от 27 ноября 2003 г. № 1317-У «О порядке установления уполномоченными банками корреспондентских отношений с банками-нерезидентами, зарегистрированными в государствах и на территориях, предоставляющих льготный налоговый режим и (или) не предусматривающих раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций (оффшорных зонах)» // Вестник Банка России. 2003. № 51.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ СОЗДАНИЯ И ВВЕДЕНИЯ КЛИНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ПРОГРАММУ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Статья посвящена правовому анализу целей и задач создания юридических клиник в России в рамках Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», определены основные цели создания и введения клинического компонента в образовательную программу вузов.

Ключевые слова: юридическая клиника, образовательные стандарты, цели и задачи клинического компонента, виды юридических клиник в зависимости от целей и задач.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» определил юридические клиники как участников негосударственной системы бесплатной юридической помощи¹. Целями, указанными в ч. 2 ст. 1 настоящего Федерального закона, являются:

1) создание условий для реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее – бесплатная юридическая помощь);

2) формирование и развитие государственной системы бесплатной юридической помощи, а также содействие развитию негосударственной системы бесплатной юридической помощи и ее поддержка со стороны государства;

3) создание условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечение их доступа к правосудию.

Указано, что образовательные учреждения высшего профессионального образования для реализации целей правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи могут создавать юридические клиники. Юридическая клиника создается в качестве юридического лица, если такое право предоставлено образовательному учреждению высшего профессионального образования его учредителем, или структурного подразделения образовательного учреждения высшего профессионального образования.

Указано, что порядок создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядок их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи определяются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования. То есть юридические клиники могут оказывать бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера. Отмечено, что в оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками участвуют лица, обучающиеся по юридической специальности в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование, ответственных за обучение указанных лиц и деятельность юридической клиники в образовательном учреждении высшего профессионального образования.

Наряду с юридическими клиниками бесплатную юридическую помощь могут оказывать студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и др., а также негосударственные центры бесплатной юридической помощи (ст. 22 ФЗ)². Это означает, что перечень участников негосударственной системы бесплатной юридической помощи является открытым.

Выделение студенческих консультативных бюро, студенческих юридических бюро в числе видов юридических клиник объясняется тем, что государственные образовательные стандарты в сфере высшего профессионального образования по направлению «юриспруденция» (бакалавриат, магистратура) предусматривают в числе обязательных компонентов получения высшего образования по данному направлению наличие у высшего учебного заведения

юридической консультации (приказы Минобрнауки РФ от 4 мая 2010 г. № 464; от 14 декабря 2010 г. № 1763). Следовательно, такие виды юридических клиник, как студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро, являются обязательными³.

Стоит добавить, что данный Федеральный закон впервые в истории новой России на официальном уровне устанавливает государственную систему бесплатной юридической помощи населению, предоставляет основные гарантии реализации права граждан Российской Федерации на получение бесплатной юридической помощи, организационно-правовые основы создания государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи и организационно-правовые основы деятельности по правовому информированию и правовому просвещению населения. Это важные шаги на пути к формированию у граждан России правосознания и правовой культуры, столь необходимых для развития права и демократии.

На сегодняшний день в России действуют более 200 юридических (правовых) клиник. Некоторые российские вузы создали целую сеть бесплатной юридической помощи, открыв клиники в разных городах РФ. Клиники создаются в разных формах и моделях, с разным приоритетом целей.

По мнению А.Б. Гутникова, нынешняя волна создания клиник отличается приоритетом социальных целей. Новые программы под названием «юридическая клиника» появляются в контексте развития региональных систем бесплатной юридической помощи. Учебный компонент часто вторичен и вовсе отсутствует⁴.

В зависимости от определения основных целей каждая создаваемая юридическая клиника отличается своей структурой, принципами и методами работы, ролями кураторов, учебными результатами, критериями оценки эффективности и атмосферой. Пожалуй, единственное, что остается общим для юридических клиник, – это название. По мнению упомянутого А.Б. Гутникова, юридическим клиникам для взаимодействия и развития необходимо выработать общий язык. При этом предстоит преодолеть недоверие и стереотипы и попытаться оттолкнуться от видения желаемого образа юриста. Гутников предлагает такие характеристики образа будущего юриста, как клиентоориентированность и социальная ответственность⁵.

В широком смысле понятие «юридическая клиника» можно рассматривать в двух формах (две клинические формы): как студенческую юридическую приемную и как идентичные курсы с практическим компонентом.

Большинство же авторов схожи во мнении, что юридическая клиника в современной России – это структурное подразделение вуза (осуществляющего подготовку юридических кадров), обеспечивающее сочетание теоретического и практического обучения студентов в целях оказания юридических услуг по правовой поддержке населения на безвозмездной основе.

Как правило, задачами создания юридических клиник выступают образовательные, социальные и воспитательные задачи.

Среди задач, для решения которых создаются юридические клиники в настоящее время, преобладают социальные, поскольку основная функция юридических клиник – помощь гражданам, которые в силу своего материального положения не могут позволить себе профессиональную юридическую помощь. Но некоторые клиники не преследуют в приоритете социальные цели и задачи, например, Центр клинического юридического образования Санкт-Петербургского института права им. принца П.Г. Ольденбургского: клиенты для консультаций в клинике отбираются через call-центр. Для данной модели клиники социальная задача не является приоритетной, поскольку клиенты отбираются только по наиболее интересным и трудно решаемым делам, в основном жилищным.

В свою очередь, в последнее время в клинической сфере появилась дефиниция «клиентоориентированный юрист» – англосаксонский термин, который означает профессиональную ориентацию юриста на цели (проблемы) граждан.

Другой популярный термин в клинической среде – «социально ответственный юрист», т. е. профессиональный юрист, который решает не теоретические вопросы права, а реальные правовые задачи. В своей деятельности юридические клиники преследуют цель обучать реальному правоприменению, т. е. применению правовых норм к частному, конкретному случаю (проблеме клиента).

Современный опыт клинического компонента юридического образования в России позволяет сделать вывод о существенном его отличии от чисто академических способов обучения юристов. Включение клинического компонента юридического образования имеет следующие преимущества:

1) сочетание теоретического обучения с получением навыков практического самостоятельного правоприменения;

2) обучение студентов преподавателями, имеющими опыт практической работы и владеющими специально разработанной интерактивной методикой;

3) воспитание профессионально значимых качеств, в первую очередь соответствующих нормам профессиональной этики;

4) преодоление неуверенности в своих знаниях и умениях, психологического барьера перед «реальными» клиентами и получение навыков самостоятельной работы;

5) систематический обмен опытом клинического юридического образования между действующими юридическими клиниками⁶.

Образовательный процесс в юридических клиниках преследует одну важную цель – научить студентов самостоятельно организовывать свою профессиональную деятельность (имеется в виду профессиональная самоорганизованность).

Положительной особенностью клинической части юридического образования следует считать овладение студентами началами профессиональной этики, накопление ими опыта работы с социально не защищенными людьми. Клиническое юридическое образование способствует воспитанию нового поколения юристов, воспринимающих право в социальном контексте.

Из сложившегося опыта создания юридических клиник можно выделить три группы целей, которые ставят перед собой юридические клиники в пределах основных направлений своей деятельности: образовательные, социальные и иные цели.

Образовательные цели:

- соединение юридической науки и преподавания с юридической практикой для преодоления в учебном процессе разрыва между теоретическим образованием и последующим правоприменением;
- привитие студентам навыков самоорганизации и выполнения профессиональной деятельности. Юридическая клиника Санкт-Петербургского государственного университета организована в форме студенческого самоуправления, при которой действует система коллективного и преподавательского контроля, функциональные группы студентов организуют работу клиники: распределение дел, отчет каждого клинициста о проделанной работе, составление графика дежурств;
- стимулирование и поддержка научно-исследовательских инициатив студентов. При юридической клинике Самарского государственного университета им. Чернышевского создан издательский центр, осуществляющий публикацию научных статей студентов-клиницистов по интересующим и актуальным вопросам права. Статьи выходят в форме брошюр и распространяются среди населения/клиентов с целью правовой просвещенности. Юридической клиникой Ижевского юридического института (филиала) РПА Минюста РФ так же издаются брошюры по актуальным юридическим

вопросам и разъяснениям по составлению элементарных юридических документов.

Социальные цели:

- правовая помощь и правовая информированность населения, нуждающегося в повышенной социальной защите. Юридическая клиника Саратовской государственной академии права сотрудничает с Общественной палатой, Саратовской ассоциацией адвокатов, Апелляционным судом, Нотариальной палатой. В рамках сотрудничества проводятся совместные теоретические занятия с работниками прокуратуры. Студенты осуществляют выездные консультации в исправительных колониях. В рамках клиники созданы проекты «Знай свое право», с 1999 г. Поволжский центр Европы работает совместно с клиникой по обращениям в Европейский суд по правам человека (за время работы более 30 обращений были удовлетворены);
- повышение уровня правовой культуры, правосознания и юридической грамотности населения. Студенты-клиницисты юридической клиники Ижевского юридического института (филиала) РПА Минюста РФ проводят занятия и консультирование по вопросам миграции на базе Дома мигрантов. К данным занятиям на добровольной основе привлекаются студенты-филологи, которые обучают мигрантов русскому языку. Юридическая клиника Российского университета дружбы народов (РУДН), г. Москва, проводит онлайн-консультации по Интернету; студенческие консультации МГУ им. М.В. Ломоносова также проводятся в онлайн-режиме по Интернету и осуществляются по почтовой связи;
- оказание помощи государственным и общественным организациям в разработке и экспертизе законопроектов. Представители автономной некоммерческой организации «Центр развития юридических клиник» принимали активное участие в подготовке законопроекта «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», вносили свои предложения в действующий Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Иные цели:

- организация и проведение семинаров, конференций, круглых столов по отдельным вопросам правовой теории и юридической практики (юридическая клиника Самарского государственного экономического университета организует тренинги для студентов, взаимодействуя с органами

- власти – правительством Самарской области, Российской ассоциацией юристов; юридическая клиника Волгоградского института бизнеса (ВИБ – негосударственный вуз) сотрудничает с прокуратурой г. Волгограда, в частности, сотрудники прокуратуры устраивают мастер-классы студентам-клиницистам. В клинике работает Общественная приемная при прокуратуре и Управлении юстиции. Со всеми организациями заключены договоры о сотрудничестве);
- проведение выездных студенческих консультаций (юридическая клиника Волгоградского института бизнеса организует так называемый Legal bus – «правовой» автобус, который курсирует по отдельным уголкам Волгоградской области, и студенты-клиницисты разъясняют правовые вопросы, дают правовые консультации населению; юридическая клиника Ижевского юридического института (филиал в г. Саратове) РПА Минюста РФ осуществляет выездные консультации в отдельные районы Удмуртии);
 - развитие межрегионального и международного сотрудничества юридической клиники с государственными учреждениями, судебными, правоохранительными органами, органами местного самоуправления, учебными заведениями, негосударственными правозащитными организациями, средствами массовой информации (юридическая клиника Поволжского юридического института (филиал в г. Саратове) РПА Минюста России работает в исправительных колониях, оказывая консультации по гражданско-правовым вопросам, публикации студентов-клиницистов размещаются в газете, издаваемой в колонии. Клиника оказывает помощь глухонемым, сотрудничая со Всероссийским обществом глухих, для работы студентов данная организация предоставляет переводчика; юридическая клиника Поволжского юридического института (филиал в г. Саратове) РПА Минюста России работает в сотрудничестве с Уполномоченным по правам человека в Саратовской области; студенческие консультации МГУ им. М.В. Ломоносова в феврале 2011 г. создали пункт приема граждан, покинувших страну, в которой они постоянно проживали, в силу чрезвычайных обстоятельств (беженцы), данное подразделение сотрудничает с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев – УВКБ ООН (по беженцам). Студенты-клиницисты проходят обучение в офисе УВКБ ООН в Москве. Основной поток клиентов приходится на граждан из Пакистана и Ирака, консультации прово-

дятся анонимно с обязательным присутствием переводчика. В рамках студенческих консультаций МГУ им. М.В. Ломоносова создана межрегиональная общественная организация «Мемориал», где гражданам также оказывается бесплатная юридическая помощь, квалифицированные адвокаты консультируют и дают разъяснения студентам-клиницистам).

В настоящее время существует проблема «несовпадения целей», для которых создана юридическая клиника, с концепцией вуза, в котором она создана. Клиники либо опережают концепцию вуза, либо отклоняются от нее. В некоторых случаях, очень редко, клиники и вуз/факультет, в рамках которых клиника работает, существуют гармонично. В то же время стоит отметить, что на какие бы цели ни была ориентирована клиническая форма, основным смыслом, основной идеей, в рамках которой и создаются клиники / общественные приемные / консультативные бюро, остается образовательная цель, ради которой еще в середине XIX в. создавал первую юридическую клинику в России Д.И. Мейер.

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
- ² Там же. Ст. 22.
- ³ Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (постатейный) / Под общ. ред. Ю.А. Дмитриева. М.: ЮРКОМПАНИ, 2012. С. 77.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Проблемы организации и функционирования юридических клиник в России: Сб. докладов Второй ежегодной общерос. конф. М., 2011. С. 8.
- ⁶ Организация и управление в юридической клинике. М., 2003. С. 38.

Рецензии

В.Н. Белоновский

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КАК ПОЭЗИЯ ПРАВА

(Рецензия: *Калина В.Ф.* Юридическая техника:

Учебник для прикладного бакалавриата.

М.: Юрайт, 2014. 291 с.)

В рецензии рассмотрены особенности вышедшего учебника доцента юридического факультета РГГУ В.Ф. Калины «Юридическая техника: Учебник для прикладного бакалавриата» (М.: Юрайт, 2014. 291 с.), подчеркивается отличие его от подобных изданий, характеризуются черты авторского стиля и вклад автора в обеспечение процесса обучения студентов юридического факультета.

Ключевые слова: юридическая техника, учебник, правовой источник, правовая культура, нормотворчество, законодательный процесс, мир правотворчества, кругозор, юридический слог, текст, образность.

Хотя о юридической технике как разновидности юридической деятельности заговорили сравнительно недавно, она не оказалась Золушкой, обойденной вниманием исследователей. Можно с ходу назвать ряд известных авторов, которые посвятили свои работы этой проблеме: В.И. Лафитский, В.Н. Карташов, Т.В. Кашанина, Т.Я. Хабриева, Н.А. Власенко, Е.С. Шугрина, С.В. Боботов, О.Н. Булаков, Д.В. Чухвичев, Д.Н. Лызлов, Н.В. Ралдугин, Р.К. Надеев, К.В. Каргин, А.Р. Парамонов, О.А. Гаврилов, Г.Ю. Курскова, О.В. Воробьева, Л.П. Крысин, И.В. Куртяк. Естественно, к проблемам юридической техники в той или иной степени обращались и наши мэтры: С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич, С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, Е.В. Кудрявцев, Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин, О.И. Тиунов, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский.

Богатая традиция существует и на Западе: Р. Иеринг, Р. Давид, П. Сандевуар, А. Нашиц, Г. Спенсер, Г. Берман и другие. К тому же, как отмечает автор В.Ф. Калина, «сама эта деятельность имеет

весьма древние корни и развивалась вместе с развитием общества и потребностями последнего в способах регулирования общественных отношений. Чем сложнее и разностороннее становились отношения между членами общества, тем больше они нуждались в правовой регламентации, что, в свою очередь, ставило задачу совершенствования правовых источников. Вся история права показывает, что его генезис связан с поиском и совершенствованием приемов и средств, способствующих наиболее адекватному выражению в праве потребностей общественного развития. Уровень правовой культуры общества во все времена был и остается одним из важнейших показателей его цивилизованности».

С данным утверждением трудно не согласиться. Тем не менее некоторое чувство настороженности с появлением данной книги, пахнувшей еще типографской краской (экземпляра, подаренного мне), все-таки было – какую нишу займет Владимир Филиппович в ряду этих известных вышеперечисленных авторов. Открываю первые страницы и погружаюсь в мир премудростей юридической техники, красивого языка, лаконичного и насыщенного слога. Какой же это надо иметь талант, чтобы о сложном сказать просто, но не упрощая проблему, а поворачивая ее такими гранями, которые уже не отпускают читателя, он уже в плену юридических конструкций нормативно-правового акта, и все пытается дальше проникнуть, «а что же еще там», за той блеснувшей гранью оригинального авторского подхода к рассматриваемому явлению.

Учебник читается, как говорят, «на одном дыхании», несмотря на то что цели и задачи, как у любого учебника, довольно прозаичны. В результате изучения дисциплины «Юридическая техника» студент должен: *знать* понятие юридической техники; цели и задачи изучения ее методов и приемов; историю становления и развития юридической техники; правила работы с юридическими документами, процедуру разработки и принятия правовых актов различного уровня и назначения; приемы систематизации и интерпретации правовых актов; способы реализации правовых предписаний, а также технику имплементации норм международного права в российское законодательство; он должен *уметь* выявлять проблемы в области правотворчества и правоприменения; пользоваться приемами и методами правотворческой деятельности; использовать международный опыт совершенствования нормотворческого процесса; осуществлять поиск информации и пользоваться социологическим инструментарием при определении потребностей урегулирования тех или иных сфер общественных отношений; по изучению курса студент обязан *владеть* понятиями-

ным аппаратом в сфере юридической техники; современными методами сбора информации о состоянии нормативной правовой базы на всех уровнях нормотворчества и ее научно-практического анализа; современными навыками и приемами нормотворческой деятельности.

По-разному можно решать эти проблемы обучения – достаточно апробированными традиционными методами или поучительно-покровительственными – методами достигшего немислимых научных высот мэтра. Владимир Филиппович пошел своим оригинальным путем, если можно это назвать методом, поскольку он фактически отказался *обучать* студентов, а вместо этого силой своего таланта увлек их за собой в неведомый, сокрытый для обычного глаза, бурлящий, взрывающийся идеями и концепциями, презумпциями компетентности, моделированной логикой процесса, языковыми средствами стилевых юридических формулировок Мир Правотворчества. Один раз погрузившись в этот Мир, выйти уже невозможно, поскольку Мир Правотворчества становится живой средой обитания всех юристов. И хотя сам автор скромно подходит к своему учебнику, в котором всего лишь «сделана попытка в максимально сжатой форме изложить основные положения юридической техники, показать процесс ее развития, дать конкретные рекомендации по работе с юридическими документами» (С. 6), на самом деле учебник значительно превзошел первоначальные планы автора.

Мне представляется, что текст, вскоре после первых страниц, сам стал диктовать, эксплуатируя талант автора, те отточенные словесные конструкции, которые предназначаются не для заучивания, а вооружения исследователя возможностями анализа правотворчества и юридической техники. Отмечая глубину мысли, широту кругозора, не могу не сказать и о той мощнейшей образности, которая пронизывает стиль автора. Это настоящая энциклопедия мудрости, кладезь ясности и чистоты юридического слога устами великих людей, которые автор так умело инкорпировал в текст учебника.

Конечно, поскольку я являюсь ревностным и одним из первых читателей и почитателей авторского таланта Владимира Филипповича, то на совесть испестрил все страницы своими замечаниями и рассуждениями, чему автор неподдельно обрадовался. Вероятно, некоторые позиции я изложил бы по-иному, например, о законодательной инициативе (С. 67). Не совсем я согласен с критическим выпадом автора в отношении политической ангажированности депутатов II Госдумы. Думаю, сейчас она не меньшая. Не согласен и с тем, что к характеристике этой Думы относился и «низкий уровень

законодательной стабильности», поскольку «бесконечные поправки в уже принятые законы и иные акты были обычным явлением» (С. 92).

Уважаемый Владимир Филиппович, Вы же знаете лучше других, что сейчас «бесконечных поправок в законы» не только не меньше, но гораздо больше, и порой создается мнение, что законодатели призваны не создавать законы, а только вносить поправки. Складывается впечатление, что до фундаментальных законов, таких, какие были приняты в легислатуре II Думы – Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, закон «Об основных гарантиях избирательных прав...» или «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» – у нынешних законодателей из-за «бесконечных поправок» просто руки не доходят.

Несколько утяжелили хорошее издание схемы и приложения. Был ли смысл, например, давать в приложении извлечения из регламента Госдумы, который постоянно изменяется и есть в любой правовой базе. А вот что может усилить издание, так это более глубокое исследование проблем, которые из-за ограниченности нынешнего объема не получили желаемого развертывания.

Тем не менее мне особенно приятно подчеркнуть, что Владимир Филиппович не случайный человек в этой проблеме, он, наверное, более, чем другие исследователи, что называется, «варился» в кратере нормотворческих баталий, возглавляя ответственнейший сектор законодательной деятельности в Комитете по делам Федерации и региональной политики трех Государственных дум. Столь богатая практика законотворчества и проникновенный ум, феноменальная историко-теоретическая и философская подготовка способствовали осмыслению практики юридической техники, представлению своего концептуального видения ее развития. Дважды мне приятно, что Владимир Филиппович Калина – опытный преподаватель нашего юридического факультета РГГУ, много лет читающий данный курс, и трижды приятно, что он, один из немногих моих коллег, смог довести читаемый курс до его воплощения в нужный, хороший учебник, который вошел в интеллектуальную копилку нашего факультета, – и на высоком уровне способствует подготовке юристов Российского государственного гуманитарного университета.

Научная жизнь

Л.И. Глухарева, Е.С. Лапатухина

ЯЗЫК И ЛОГИКА ЗАКОНА И ПРАВА: МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В статье приводится информация о проведении юридическим факультетом РГГУ Муромцевских чтений на тему «Язык и логика закона и права» (XIV Международная научная конференция).

Ключевые слова: Муромцевские чтения, язык и логика закона и права.

17 апреля 2014 г. юридический факультет Российского государственного гуманитарного университета провел очередную XIV Международную научную конференцию на тему «Язык и логика закона и права», ежегодно проходящую под рубрикой «Муромцевские чтения».

В конференции приняли участие преподаватели, аспиранты, соискатели и студенты ряда факультетов РГГУ, а также других вузов и организаций России и зарубежных стран. Активными участниками работы форума были представители из МГУ, Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала РАНХ и ГС (Саратов), Саратовской государственной юридической академии, Саратовского государственного социально-экономического университета, Воронежского института ФСИН РФ, Института экономики и предпринимательства, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского городского педагогического университета, Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета (Ижевск), Московской коллегии адвокатов. Зарубежные участники представ-

ляли такие государства, как Беларусь, Болгария, Великобритания, Словакия и США.

Тема конференции была избрана оргкомитетом с учетом ее юрлингвистической и логико-методологической актуальности, что обусловлено, во-первых, спецификой логики и языка юридической деятельности, применяемых в рамках правоустановления, правореализации, толкования и правоохраны. Во-вторых, тема касается междисциплинарных сюжетов, обсуждение которых значимо для специалистов всех гуманитарных направлений, широко представленных в Российском государственном гуманитарном университете.

Основные научные направления работы конференции касались обсуждения следующих проблем: роли языка в правовом регулировании; семантики юридического текста; языка законодателя; языкового толкования норм права; юридического текста и юридических документов; логики права и логики законодательных текстов; правового регулирования как движения информации; проблемы истины в нормах права; формальной определенности права; системы российского и зарубежного законодательства; проблем и вопросов в законодательстве и юридической практике; логики и языка в юридической технике; логико-языковых правовых феноменов: понятий, терминов, определений, конструкций, принципов, аксиом, деклараций, призывов, метафор, афоризмов, фикций, презумпций, символов, оговорок, мифов, фактов и др.

Заседание открыл *С.В. Тимофеев*, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, декан юридического факультета РГГУ, руководитель конференции. Он приветствовал присутствующих и выразил благодарность за внимание, которое было проявлено участниками к обсуждению темы конференции. Декан факультета объяснил выбор темы тем, что юридический факультет РГГУ не может не откликнуться на злободневные проблемы российской жизни, к которым сегодня, к сожалению, относится и проблема сбережения, поддержания и развития русского языка. Юристы как профессиональное сообщество кровно заинтересованы в надлежащем его применении, в противном случае нельзя рассчитывать на должное понимание, действие и уважение законов в стране. Предлагая указанную тему для научного осмысления, организационный комитет конференции считает это своим вкладом в общее дело продвижения гуманитарных ценностей в жизнь, чем уже более 25 лет активно и плодотворно занимается РГГУ в целом. Выступающий подчеркнул, что язык в юридической сфере, с одной стороны, жестко определяет нашу деятельность, с другой – сам

является объектом юридического познания. Эти позиции С.В. Тимофеев и предложил обсудить участникам собрания.

Далее работа конференции проходила в формате пленарного заседания и выступлений на пяти секциях. На пленарном заседании с докладами выступили шесть человек.

Первое слово было предоставлено *О.А. Рузаковой*, д-ру юрид. наук, зам. руководителя Аппарата Комитета Государственной думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, которая выступила на тему «Проблемы гражданско-правовой терминологии в российском законодательстве». Выступающая рассказала о проблемах неоднозначности толкования единых, в общем-то, юридических терминов. Она подчеркнула, что каждый закон проходит не только юридическую, но и лингвистическую экспертизу, тем не менее острота проблемы правильного и однозначного понимания терминов в гражданском праве сохраняется. Одна из проблем – толкование юридических текстов. Например, в 2012 г. Президент РФ представил Государственной думе РФ законопроект, который вносил изменения во все части Гражданского кодекса РФ. Фактически трансформации было подвергнуто более 50% текста ГК РФ. Одно из изменений касалось понятия «корпорация» – достаточно спорного термина, по смыслу серьезно отличающегося от его понимания в западных странах, а также от понятия «корпоративные споры», используемого АПК РФ. Проблема Гражданского кодекса заключается в неурегулированности им корпоративных соглашений. В результате началась работа, и был изменен перечень объектов ст. 2 ГК РФ, он был расширен за счет включения в него корпоративных отношений. Теперь юридические лица могут иметь статус и корпорации, и унитарной организации, а корпоративные отношения должны соотноситься с предпринимательскими отношениями. Другой пример – безотзывная доверенность, которую следует понимать не как сделку, а как поручение. Встает вопрос: возможно ли применение безотзывной доверенности ко всем видам юридических соглашений? К сожалению, этот вопрос толкования данного и сопутствующих ему терминов отложен в связи с реорганизацией высших судов. Еще примеры: термин «арбитраж» в зарубежных странах касается деятельности третейских судов, в Российской Федерации же – это система государственных судов. Термины «семья» и «члены семьи»: в жилищном праве под этим понимается совместное проживание с ведением совместного хозяйства, а в семейном праве – это брачные, кровные узы. В связи с разрешением данного противоречия Верховным судом РФ сформировалась позиция: дети могут быть

признаны бывшими членами семьи, поэтому и могут подлежать выселению. Чтобы избежать неоднозначного толкования, предпринимались попытки внести изменения в Жилищный кодекс РФ. Заключила свой доклад О.А. Рузакова выводом о том, что логика законодателя нередко трансформируется в результате толкования норм Верховным судом РФ, но и Верховный суд указывает законодателю о необходимости корректировки законодательной логики.

Далее слово было предоставлено *Л.И. Глухаревой*, д-ру юрид. наук, профессору кафедры международного права, замдекана юридического факультета ИЭУП РГГУ, выступление которой было посвящено теме «Язык права: основные характеристики». Выступающая обратила внимание присутствующих на связь языка и права, в которой язык играет первичную роль. Ссылаясь на идею Хайдеггера о том, что не человек говорит языком, а язык говорит сам, Л.И. Глухарева подчеркнула, что не право говорит языком, а язык говорит правом. По мнению докладчика, язык при помощи слов и словосочетаний жестко кодирует представление о юридическом мире. Но между словами (порциями мысли) неизбежны зазоры, поэтому часть смыслов уходит, как бы «просачивается» между ними. Для понимания говорящего частично это восполняется подтекстом, гипертекстом, герменевтическим кругом и т. п. Кроме того, имеются интонация, поза человека, выражение лица и глаз, есть интуиция, в конце концов, прежние отношения со слушателем. Но в юридических текстах далеко не все это можно использовать. Отсюда был сделан вывод: исходя из непреодолимого разрыва между знаком (словом) и смыслом (мыслью), однозначность (к которой так стремятся юристы) в понимании и применении юридических текстов принципиально невозможна. Далее Л.И. Глухарева остановилась на функциях языка, указав на него как на способ означивания юридической действительности, распознавания смыслов права, правильного употребления слов в речи и на письме, а также как на средство общения, хранения и передачи информации, управления человеческим поведением и др. Докладчик подчеркнула, что в настоящее время в юридической науке языковедческая проблематика развивается главным образом в двух направлениях: лингвоюридическом и семиотико-правовом (впрочем, границы между ними достаточно условны). Юридическая лингвистика – традиционная проблематика для права и весьма популярная область исследований юристов. Ее предмет – языковое качество текстов. Но, как и любой другой текст, юридический текст должен соответствовать лексическим, грамматическим, орфографическим, стилистическим и иным стандартам русского языка. Далее до-

кладчик остановилась на особенностях построения юридических текстов. В отличие от юрлингвистики, заметила выступающая, правовая семиотика – относительно новое направление в отечественных исследованиях. Ее предмет – знаки. Семиотико-правовой подход демонстрирует нарастание плюральности в смысловом и ином знаковом развитии права. Это не способствует функционированию юридической сферы, от которой ожидаются решения по схеме «да-нет». Именно поэтому все более в юриспруденции будет увеличиваться значимость конвенции как способа согласия в понимании тех или иных аспектов права. В заключение Л.И. Глухарева раскрыла черты, свойственные юридическому языку.

Выступление *Станислава Мраза*, канд. юрид. наук, профессора факультета международных отношений Экономического университета в Братиславе (Словакия), было посвящено «Мультилингвистическому фактору коммунитарного права». Он осветил специфику использования мультилингвистического фактора как ключевого явления европейской интеграции, которое высвечивается в первую очередь при переводе норм европейского законодательства с одного языка на другой. При этом, отметил С. Мраз, процесс перевода, к сожалению, зачастую приводит к ошибкам, в силу чего официальная версия языка норм отличается от первоначальной. Под экстенсивным мультилингвизмом докладчик понимает широкое использование нескольких языков, которое считается одним из важнейших принципов Европейского союза. Язык как исторически традиционный элемент создания государства все еще обладает высокой символической ценностью для государственного суверенитета. Передача компетенций в институты Европейского союза на уровне присоединяющейся страны-члена воспринимается всегда очень чувствительно. Серьезно возросло бы отрицательное восприятие Европейского союза некоторыми политиками и широким общественным спектром в случае, если бы присоединяющееся государство должно было полностью отказаться от использования своего национального (государственного) языка в общении с институтами Европейского союза. Но провозглашен принцип равенства разных языковых версий коммунитарного права по отношению к Европейскому союзу, что является правильной позицией. Далее С. Мраз осветил значение коммуникации, которая может проходить на уровне горизонтальных отношений между адресатами правовых норм, где для субъектов только в исключительном порядке предписывается язык общения. В случае вертикальной коммуникации создателя норм (законодателя) по отношению к адресатам правовых норм необходимо обеспечить относительно ригидное общее регу-

лирование, обеспечивающее эффективный трансферт информации на языке, понятном для всех адресатов правовых норм на данной территории. Этот принцип, с некоторыми исключениями, применяется при сосуществовании государств на уровне Европейского союза. В Европейском союзе на 28 государств-членов приходится 23 официальных языка. Гражданин Европейского союза, таким образом, имеет право получать информацию на собственном языке, а также общаться на этом языке с институтами Европейского союза. Но эта идея «собственного» языка не является консистентной, намного удачнее был бы тезис языка, общепонятного на данной территории (идея государственного языка). Язык действует и должен действовать как объединяющий элемент. С функцией языка права связаны его специфические свойства, такие как строгость и экзактность (однозначное высказывание желаемого поведения). Акцент на понятности языка права (законодательного текста) является выражением его информационной функции, строгость и экзактность – выражением его регулятивной функции. Парадоксом языка права является то, что эти две функции противоречивые. Повышение экзактности и однозначности языка права ведет к уменьшению его информационной ценности, уменьшению его понятности. Необходимо осознать, что язык живой. Высказывание и понимание не являются строго репродуктивной, механической деятельностью, они скорее неконтролируемо творческие, и каждое присвоение смысла отодвигает действующие границы семантической нормальности. Словари, лексиконы или другие самозванные авторитеты по делам языка приводят только примеры использования языка в каком-то контексте. Но они не могут обеспечить исчерпывающую информацию о понятиях и их использовании. Это как раз и является значительным фактором, играющим негативную роль при пользовании компьютерными переводами. Проблема языка и правильного понимания идеи, выраженной в нем, является важной проблемой коммунитарного права. Единый рынок и общее пространство свободы и безопасности требуют единого содержания и единого способа применения юридических норм. Нежелательно, чтобы иная языковая версия юридической нормы меняла содержание юридической нормы, заключил свое выступление С. Мраз.

«Специфике языковых средств нормативных правовых актов» посвятил свой доклад *В.Ф. Калина*, канд. юрид. наук, канд. филол. наук, доцент кафедры международного права юридического факультета РГУ, Государственный советник РФ 3-го класса. Докладчик подчеркнул, что ни в какой другой сфере челове-

ской деятельности к точности языка, определенности вербальных формулировок не предъявляются столь строгие требования, как в праве. Не исключено, что малейшая ошибка в словоупотреблении, в постановке знака препинания может сломать судьбу человека, а порой и стоять ему жизни. Нормативный правовой акт следует, на взгляд выступающего, рассматривать как определенный литературный жанр, которому присущ свой стиль изложения, своя эстетика строгих форм. В этом смысле юридический стиль всегда созвучен эпохе, ею определяется. При этом если писатель стремится к образности языка, то законодатель, напротив, не вправе допускать языковых и смысловых условностей. Это делает стиль нормативного акта сухим, лаконичным, точным, официальным, директивным, предписывающим определенные правила поведения. Юридический стиль предполагает смысловую законченность, точность и определенность, что позволяет избежать субъективизма при принятии решений. Иногда высказываются опасения, поделился с аудиторией В.Ф. Калина, что слишком детально проработанный закон только усложняет как процесс законотворчества, так и реализацию самого акта. На взгляд выступающего, такая позиция неубедительна. Высокий уровень регулятивности, отсутствие брешей и пробелов – это показатель высокого качества нормативного правового акта. Налагая определенные ограничения, закон вовсе не сковывает инициативу, творческую активность личности, напротив, здоровый консерватизм правовой нормы в наибольшей степени способствует прогрессивному развитию. В процессе правотворчества на всех его стадиях огромное значение имеет лингвистическая экспертиза. Некоторые авторы предлагают сузить данное понятие до «лингвостилистической экспертизы». В этом, безусловно, есть смысл, поскольку специалисты-языковеды призваны оценивать качество юридических текстов с точки зрения современного русского языка с учетом их функционально-стилистических особенностей. В нормативном правовом акте не следует использовать образность, синонимию, полисемию (неоднозначность), что, в свою очередь, является нормальным и необходимым требованием к языку литературного произведения. Часто в юриспруденции используются термины, имеющие в обыденной жизни совсем иной нравственно-смысловой оттенок, например «догма», «сделка», «формальный характер», «новелла» и др. Особо следует выделить работу над дефинициями. Порой создается впечатление, что то или иное понятие настолько привычно и очевидно, что не вызывает сомнений. Однако в юридической практике все сложнее. Правовая дефиниция должна быть максимально обобщенной, включать в

себя, по возможности, все элементы, имеющие правовое значение. Достаточно вспомнить недавние горячие споры по поводу понятия «суверенитет». Неправомерное использование этого термина в конституциях субъектов Российской Федерации представляло реальную угрозу территориальной и государственной целостности страны. Добиваясь точности и определенности, следует избегать синонимов, поскольку, как утверждают лингвисты, абсолютного совпадения смысла слова синонимы не дают и при определенных условиях могут трактоваться неоднозначно, что в пределах одного правового акта недопустимо. Нормативный правовой акт должен быть свободен от декларативности, использования лозунгов и призывов. Декларативность неизбежно ведет к неточности, порой многозначности в истолковании предмета и смысла регулирования. Язык и стиль нормативного правового акта должны быть унифицированы. В нормативном правовом акте должно непременно соблюдаться терминологическое единство. Большинство стран придерживаются правила максимального использования национального языка и употребления иностранных терминов только в случае их общепризнанности и понятности большинству граждан страны. В нормативных правовых актах не следует употреблять жаргонизмы, даже если они прочно вошли в практику словоупотребления, сокращения и аббревиатуры, неопределенные словосочетания и т. п.

С интригующим названием своего доклада выступил *В.Н. Белоновский*, канд. ист. наук, профессор кафедры публичного права юридического факультета РГГУ, – «О юриспруденции в советский период замолвите слово». В.Н. Белоновский сказал, что, осмысливая название темы конференции, поймал себя на мысли, что многие ее аспекты в значительной степени были разработаны еще в советский период. Например, о роли языка в правовом регулировании, семантике юридического текста, языке законодателя, языковом толковании норм права, понятии юридического текста и юридических документов, логике законодательных текстов, языке юридической техники, формальной определенности права, систематизации законодательства и т. п. Следует отметить, обратил внимание зала В.Н. Белоновский, на уникальные разработки советского периода, связанные с кодификацией законодательства, созданием действующих и поныне типов законов в виде кодексов, без которых трудно представить себе сегодняшнюю систематизацию законодательства и правовое регулирование. Важным является и возвращение в российское законодательство Его Величества Закона как акта высшей юридической силы. Не меньший вклад был сделан в разработку

критериев подзаконности правовых актов, чем юристы пользуются и поныне. На основании этих критериев еще в 20-е годы XX в. была произведена систематизация всего правового массива, которой юристы придерживаются до сих пор. Далее выступающий остановился на отдельных сторонах вклада представителей советской науки в развитие проблем настоящей темы.

В.А. Цыгановкин, преподаватель, зам. завкафедрой международного права юридического факультета РГГУ, посвятил свое выступление «Роли языка науки в юриспруденции». Докладчик рассмотрел фактор «языка науки» в конституировании специфического метода и предмета юриспруденции, а также предложил, исходя из постклассических ориентиров научности, критерии его возможной универсализации. Отличительной чертой каждой отрасли научного знания, отметил В.А. Цыгановкин, является наличие специфического для нее языка науки – особого «диалекта», фрагмента естественного языка. Поэтому одна из важнейших проблем методологии современной юриспруденции заключается в определении влияния языка на метод и собственный предмет юридической науки, шире – языка науки как способа возникновения и бытия научного знания применительно к юриспруденции. Выступающий отметил социокультурную обусловленность знаковой системы культуры естественным языком. Юриспруденция является, по мнению выступающего, наиболее лингвильзированной, т. е. зависимой от языка социальной наукой, поскольку содержание юридического метода составляет описание и объяснение социального мира исходя из понятий права. Соответственно, для того чтобы интерпретировать социальную реальность в рамках предмета одной и той же науки, ученые-юристы, изъясняясь на разных национальных языках, должны при этом говорить на одном языке науки – на правовом языке. Это позволило бы избежать ситуации, когда одним и тем же термином «право» нередко называют нетождественные, в сущности разные социальные явления. Универсальность критериев правового и, соответственно, общеприменимость единого юридического языка основываются не на постулировании общечеловеческих ценностей, лежащих в основе права, а на архетипичности основных начал социальной природы человека, которые проявляются во всех мировых социокультурах. Однако социокультурная обусловленность права не означает полной релятивизации его сущности, т. е. множественности систем права по числу существующих в мире социокультур. Если право абсолютно социокультурно обусловлено и, соответственно, в каждом обществе оно уникально и несоизмеримо с другими системами, то в таком случае возмож-

но «фашистское», «воровское» и т. п. право, тогда в чем предмет и смысл юриспруденции? Представляется, что язык юридической науки, помимо обеспечения преемственности научной традиции и относительной кумулятивности научного знания, а также отражения социокультурной обусловленности права, должен прежде всего отвечать критерию операциональности, т. е. эмпирической проверяемости наличия или отсутствия явления, выраженного в понятии. В.А. Цыгановкин в заключение высказал предположение, что для того чтобы юридическое сообщество превратилось из литературного клуба в научное сообщество, необходимо строгое соблюдение постклассических критериев научной деятельности, в том числе применительно к языку правового познания.

Выступающим были заданы вопросы, на которые они дали ответы, частично удовлетворившие слушавшую их аудиторию, после чего дискуссия продолжилась в рамках секционных заседаний. Секционные заседания были посвящены следующим проблемам: «Особенности языка теории и истории права и государства», «Лингвоюридические вопросы гражданско-правового регулирования», «Толкование финансово-правовых текстов», «Семантика правовых норм об охране семьи и детства», «Логико-языковые феномены национального и международного уголовного права и процесса».

Представленные в докладах и выступлениях суждения и выводы, а также результаты обсуждений позволяют прийти к заключению об актуальности избранной темы, сохранении в юридической науке ряда проблем, которые ожидают своего решения. Язык, с одной стороны, жестко определяет содержание и форму юридической деятельности, с другой – сам является объектом юридического познания. Языковедческие проблемы права, известные правоведам главным образом в рамках юридической техники, требуют расширения своего предмета, широкого привлечения для этого специалистов других отраслей знания, прежде всего филологов. Юридическая лингвистика и правовая семиотика – это приоритетные направления, позволяющие выйти на новые рубежи междисциплинарного знания. Юристы должны внести свой вклад в решение задач сбережения, поддержания и развития русского языка как национального достояния. Акцентируя внимание на проблемах языка права, конференция считает это вкладом юристов в продвижение гуманитарных ценностей в жизнь, своим соучастием в общем деле утверждения высших человеческих ценностей.

По итогам конференции участники высказали мнение о необходимости акцентирования на учебных занятиях по всем отраслям

права языковедческих аспектов юриспруденции, более требовательного отношения к речи и письму студентов – будущих юристов, о налаживании более тесных научных контактов со специалистами-языковедами разных научных направлений.

Доклады и выступления участников конференции опубликованы в сборнике: *Язык и логика закона и права: Муромцевские чтения: Материалы XIV Междунар. науч. конф. Москва, 17 апреля 2014 г.* / Под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева. М.: РГГУ, 2014. 273 с. 10,1 п. л. Тираж 100 экз. Информация о конференции в сети Интернет размещена на сайте: <http://ieup.rsuh.ru/announcements.html?id=2631585>.

Abstracts

M. Andrianova

LEGAL PROTECTION OF AUDIOVISUAL ARTS (CINEMA) STAGES OF DEVELOPMENT

In the article the author considers the stages of development of the legal protection of audiovisual production. The history of world and national legislation in the study of the development of copyright in audiovisual arts is analysed. The process of its formation in the context of one of the main manifestations of the audiovisual arts – cinema.

Key words: copyright, intellectual activity, intellectual rights, audiovisual arts, cinema.

K. Baburin

LEGAL ASPECTS OF THE COMPETITION IN THE COMMODITY MARKET IN MODERN CONDITIONS

In article questions of legal regulation of competitive legal relationship in the modern commodity market are investigated. The author analyses the occurred changes in system of ensuring the competition in the conditions of Russia's accession to the World Trade Organization and the Customs union and conclusions about need of improvement of mechanisms of ensuring the competition for the state are drawn.

Key words: competition, monopoly, World Trade Organization, Customs union, tool, foreign trade, import, agriculture.

V. Belonovskiy

PARLIAMENTARIAN OF TWO EPOCHS: BELANOVSKIY DMITRIY CONSTANTINOVICH (PRIMES TO THE PORTRAIT)

One of a few parliamentarians, which was the deputy of the second State Duma before the revolution and the delegate of the first All-Russian congress of councils, the member of VTSIK (All-Russian Central Executive Committee (1917–1936)) in the Soviet time, was

D.K. Belanovskiy, person with the interesting and tragic fate, who passed tsarist prison torture chambers and the Soviet Gulag camps, who was imprisoned for a total of 23 years. So the country says “thanks” to the parliamentarian of two epochs. This article partly eliminates one additional gap in our parliamentary history.

Key words: the Soviet regime, parliament, State Duma, fraction, the congress of councils, VTSIK (All-Russian Central Executive Committee (1917–1936)), revolutionary, county revolutionary committee, railroad workshops, front area, supreme tribunal, repression, KRTD, “the enemy of people”, prison, reference, Irkutsk sending, Vorkutalag, the society of political convicts, consequence, law court, sentence, archive, encyclopedia.

V. Belonovskiy

JURIDICAL TECHNOLOGY AS POETRY OF THE RIGHT

(Review: *Kalina V.F.* The juridical technology: Textbook for applied bachelor. M.: Publishing House “Yurayt”, 2014. 291 s.)

In the review the special features of the recently textbook of the associate professor of the Law Faculty of the RSUH V.F. Kalina “Juridical Technology: Textbook for applied bachelor” (M.: Publishing House of Yurayt, 2014. 291 s.) are examined, its difference from similar publications is emphasized, the features of author’s style and the contribution of the author to the guarantee of a process of the instruction of the students of the Law Faculty are characterized.

Key words: juridical technology, textbook, V.F. Kalina, lawful source, lawful culture, rulemaking, legislative process, universe of lawmaking, outlook, juridical style, text, imagery.

T. Belova

TO THE QUESTION OF ACQUISITION AND THE PROPERTY RIGHT TERMINATION BY THE INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

In article features of acquisition and the termination of the property right to property of the individual entrepreneur are considered. Special legal status of the individual entrepreneur can be connected with that the property belongs to it on the right of the general joint property that complicates section and responsibility process according to obligations.

Deposits of the individual entrepreneur possess special legal a mode which extends on inheritance of such deposits.

Key words: individual entrepreneur, property right, deposits, termination, acquisition.

I. Berbeneva

LICENSING AS NECESSARY ELEMENT OF STATE REGULATION OF REALTOR ACTIVITY

In article the analysis of legislative regulation of realtor activity in the Russian Federation is carried out. The author investigates legal aspects of licensing of realtor activity, including in foreign countries, and also the conclusion about need of fixing of requirements to realtors for the legislation is drawn.

Key words: realtor, licensing, exchange, mediation, broker, professionalism, state regulation.

V. Bezhanov

TO THE QUESTION ABOUT THE SIGNIFICANCE OF THE CRITERION OF PUBLIC SECURITY IN ASSESSING THE ADMINISTRATIVE OFFENCES

The article addresses the question of the need to report on administrative offence and administrative liability of specificity and legal certainty, on the shortcomings of the legal provision against administrative tort.

Key words: administrative offence, administrative responsibility, the social danger.

A. Gafurova

LUXURY ITEMS – NEED OR RIGHT TO CHOICE?

Currently in order to protect the rights in the community property of the spouses becomes necessary to define in the legislation of the Russian Federation concept of the luxury items. Concepts of luxury change in society along with the change of the level of life. Many consider luxuries source of social inequality. Tax on luxury introduced in Russia.

Key words: luxury items, community matrimonial property, extravagance, luxury tax, social-psychological function, quality of life.

L. Glukhareva, E. Lapatukhina

LANGUAGE AND LOGIC OF RULE AND LAW:
MUROMTSEV READINGS

The article contains the information about Muromtsev Readings “Language and Logic of Rule and Law” held by the Law faculty of RSUH (XIV International Scientific Conference).

Key words: Muromtsev Readings, language and logic of rule and law.

L. Glukhareva, E. Timina

IRRATIONALITY OF RATIONAL INDIVIDUAL

The article deals with the consequence and influence of irrationality as the component of human behavior in the fields which are traditionally deemed as the sphere of activity of the rational individual.

Key words: rationality, irrationality, irrational and rational individual in economics and law.

V. Kalina

RUSSIAN FEDERALISM AS THE HISTORICAL
PHENOMENON (HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS)

This article is the second in a cycle of articles devoted to the problem of the formation and development of the Russian model of federalism in the context of world-wide federalism. As in the previous article the author focuses on showing the peculiarity and uniqueness of the Russian experience. However, the author puts the question of the necessity of rethink of some provisions from the perspective of the changing of political situation.

Key words: federalism, the Russian model of federalism, public integrity, territorial integrity, and sovereignty.

N. Kosyakova

LEGAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT
OF INNOVATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

On the basis of analysis of the development of legal regulation and stimulation of innovative processes in Russia in recent decades

and draw conclusions about the absence of an existing regulatory framework, the uncertainty of the conceptual apparatus, the emphasis on pre-emptive state participation in the development of innovation with a gradual transition to self-financing of the innovation process, the development of a mechanism monitoring of legislation, the introduction of the concept of “innovation culture”, strengthening the educational component of the infrastructure.

Key words: innovation system, monitoring of legislation, innovation culture, the educational component of the innovation infrastructure.

I. Krapchatova

CRIMES AGAINST JUSTICE UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND BALTIC COUNTRIES

In this article discusses current issues devoted to a comparative study of crimes against justice under the law of the Russian Federation and the Baltic States (Lithuania, Latvia, Estonia), and also criminal responsibility for these types of crimes.

Key words: criminal code, crimes against justice, criminal legislation of foreign countries.

G. Kurskova

TEACHING ABOUT STATE AND LAW BY I. KANT

This article takes about opinions of German scientist on evolution of society, family, state, law, state power.

Key words: society, family, state, law, state power, division of power.

N. Limina

AIMS AND TASKS OF CREATION AND INTRODUCTION OF THE CLINICAL COMPONENT OF THE EDUCATIONAL PROGRAM OF TRAINING THE STUDENTS-LAWYERS

The article is devoted to the legal analysis of the aims and tasks of creation of juridical clinics in Russia in the framework of the Federal law dated November 21, 2011 № 324-FZ “On free legal aid in the Russian Federation”, the main objectives of creation and introduction of the clinical component of the curriculum of universities.

Key words: legal clinic, educational standards, aims and objectives of the clinical component, types of legal clinics depending on the aims and tasks.

K. Maltsev, E. Klimovich

THE METHOD OF ESTIMATION OF COST OF THE INTELLECTUAL PROPERTY CONTAINED IN THE RESEARCH WORK

In accordance with the norms of the Constitution of the Russian Federation in the work justified the possibility of use of research work (experimental design) adopted by the state customer as the object of intellectual property. An approach to determining its value is proposed.

Key words: intellectual property, scientific research work, experimental-design development, results of intellectual activity, the value of intellectual property.

I. Markina

TO THE QUESTION OF MOTIVES AND PURPOSES OF SERIAL SEXUAL MURDERS

This article deals with the question of motives and goals as signs of the subjective side of the serial sexual murders. It is given a classification of the most common motives of such cases.

Key words: motives and purposes of serial sexual murders, serial killings, sexually sadistic motive, sexual motive.

Ya. Mikheyev

FORMATION AND DEVELOPMENT OF STANDARD AND LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF PLACEMENT OF THE STATE DEFENSIVE ORDER IN THE RUSSIAN FEDERATION

In article stages of formation of system of the state defensive order in the Russian Federation are considered. The author analyses the regulations regulating system of placement of the state defensive order and their value for improvement of arms and safety of the state.

Key words: order, safety, arms, defense capability, state, contract system, military forces.

S. Mraz

MULTI-LINGUISTIC FACTOR OF COMMUNITY LAW

The article is devoted to the specifics of using multilingualism factor as a key phenomenon of European integration. This problem is clearly expressed in the translation of European legal rules from one language to another. The translation process is, unfortunately, often leads to mistakes, which is why the latest official version of the language of social norms different from the original.

Key words: multilingualism, law, communication, community law, regulations, European Union, language, the Court of the European Union.

A. Netsvetayev

LEGISLATIVE REGULATION OF THE FOREST TENURE RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION (SALE OF FOREST STANDS)

In the given article there have been considered actual at the present moment problems of the legislative regulation of the forest tenure relations on the example of purchase and sale of forest plantations. The modern forest legislation analysis and, first of all, the new Forest Code of the Russian Federation, regulating questions of purchase and sale of forest stands, is important and interesting as from the point of view forest stands, being the object of sales agreements, and so as in the light of problems of suitable standards practical realisation (law application). In this work there has been made an attempt correlate public-law and private-law basis in the regulation sale of forest stands.

Key words: nature, natural resources, natural environmental systems, components of the environment, forest, forest stands, sustainable forestry, sale of forest stands.

G. Ruchkina

REVISITING THE LEGAL REGULATION OF THE SOCIAL IMPORTANCE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

The article deals with the problem of the necessity of the recognition the attributes of “social orientation” and “public convenience” essential to the entrepreneurial activity and it is appeared the practicability of their legislative consolidation.

Key words: entrepreneurial activity, social importance, public convenience, social and economic development, profit.

A. Seleznev

RESPONSIBILITY FOR MERCENARISM BY FRENCH CRIMINAL LAW

In the article researches the problems of responsibility for mercenary by the current French law, considered the historical stages of development of domestic law of responsibility for mercenary activities in France. The author pays special attention to the problem of responsibility for recruitment, hiring, remuneration, equipping, military training and also taking part in armed conflict and military operations.

Key words: mercenary, responsibility, French criminal law.

G. Simonyan

LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A LEGAL SUBJECT OF INVESTMENT RELATIONS AND THE ORDER OF INTERACTION WITH FOREIGN STATES ON THE PROTECTION OF PUBLIC INVESTMENT

The article discusses theoretical and practical aspects of the legal interoperability Russian Federation with foreign states on the protection of their own interests embodied in the form of public investment in a foreign country. This article analyses the legal nature of the State, the public investment status of subjects of public investment abroad, as well as their efforts to ensure the effectiveness of public investment.

Key words: property, state property investment abroad, international treaties, efficiency, management, classification.

V. Tsiganovkin

LEGAL REGULATION: PHENOMENOLOGICAL AND SUBSTANTIVE APPROACHS

The article considers the ratio of the main approaches to the scientific explanation of the “legal regulation” in modern Russian jurisprudence indicating the shortcomings of classical positivist discourse. Demonstrates the need to change the approach to the definition of “legal regulation” from a purely phenomenological for pithy.

Key words: legal regulation, positivism, phenomenological approach, substantive approach, the essence of law.

A. Tsygankov

LEGAL REGIME OF CORRESPONDENT ACCOUNT AS KINDS OF BANK ACCOUNTS

In article legal questions of the correspondent relations of the credit organisations for the legislation of the Russian Federation are considered. The author investigates questions of the conclusion of correspondent account, its contents, essential conditions, and also changes of the legislation regulating these legal relations.

Key words: credit organisation, bank account, correspondent account, interbank relations, banking system, contract.

S. Zhuchkov

FEATURES OF THE CURRENT STATUS LEGAL SUPPORT MANDATORY HEALTH INSURANCE IN THE RUSSIA

This article highlights the features and trends of the modern development of compulsory health insurance in Russia. The essence and content of the legal provision of health insurance, as the basis of social protection in the socially oriented market economy in Russia. An analysis of compulsory health insurance, existing in Russia and countries of the European Union, proposed concrete measures to improve the legal provision of mandatory health insurance in Russia.

Key words: compulsory health insurance, Health Insurance Fund, the health system, the federal budget, regional budget, “channel funding”, financing of compulsory health insurance.

Сведения об авторах

Андреанова Марина Сергеевна – начальник Управления коммуникационно-технического сопровождения образовательного процесса и мероприятий РГГУ, mary@rggu.ru

Бабурин Кирилл Игоревич – аспирант кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, finpravo2007@yandex.ru

Бежанов Валерий Оганезович – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой публичного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, kpp369@yandex.ru

Белова Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, tanik1796@rambler.ru

Белоновский Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры публичного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, kpp369@yandex.ru

Бербенева Ирина Геннадьевна – старший юрисконсульт ООО «Миэль – Офис Измайлово», аспирант кафедры частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, mail.ira@mail.ru

Гафурова Альфия Хасибуллоевна – аспирант кафедры частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, scorpi06@rambler.ru

Глухарева Людмила Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506646@mail.ru

Жучков Сергей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета ИЭУП РГГУ, 1290378@mail.ru

Калина Владимир Филиппович – кандидат юридических наук, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, Государственный советник Российской Федерации 3-го класса, vfkalina@mail.ru

Климович Евгений Степанович – кандидат технических наук, makmark@zakon.ru

Косякова Наталия Ивановна – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, заслуженный профессор РГГУ, 2506832@mail.ru

Кратчатова Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой уголовного права и процесса юридического факультета ИЭУП РГГУ, crimlaw2007@yandex.ru

- Курскова Галина Юрьевна* – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506646@mail.ru
- Лапатухина Екатерина Сергеевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, kpp369@yandex.ru
- Лимина Наталья Валерьевна* – аспирант кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, natalya.limina@mail.ru
- Мальцев Константин Леонидович* – доктор ветеринарных наук, доцент, руководитель юридического отдела ООО «Научно-внедренческий центр Агроветзащита» (Москва), mak-mark@zakon.ru
- Маркина Ирина Николаевна* – ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ИЭУП РГГУ, viselhrat@yandex.ru
- Михеев Ярослав Владимирович* – начальник первого отдела 168 военного представительства Министерства обороны Российской Федерации, аспирант кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, miheev.yaroslav@yandex.ru
- Мраз Станислав* – кандидат юридических наук, профессор факультета международных отношений Экономического университета (Братислава), iveta.duranova@umb.sk
- Нецветаев Александр Георгиевич* – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры публичного права юридического факультета ИУЭП РГГУ, NAG1960-0204@mail.ru
- Ручкина Гульнара Флюровна* – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой предпринимательского права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, gumer@bk.ru
- Селезнёв Александр Александрович* – ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ИЭУП РГГУ, scimlaw2007@yandex.ru
- Симонян Георгий Ванушевич* – кандидат юридических наук, ассистент кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, j.simonyan@gmail.com
- Тимина Елена Ивановна* – кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника отдела ординатуры и интернатуры Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, eitimina@yandex.ru
- Цыганков Алан Александрович* – главный эксперт валютного управления ОАО «ТЭМБР-БАНК», аспирант кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, tsygankovaa@tembr.ru
- Цыгановкин Владимир Анатольевич* – преподаватель кафедры международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, whitehall@bk.ru

General data about the authors

- Andrianova Marina S.* – head, the Department of Communications and Operations Support of Educational Process and Activities, Russian State University for the Humanities, mary@rggu.ru
- Baburin Kirill I.* – postgraduate student, Department of Financial Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, finpravo2007@yandex.ru
- Belova Tatyana V.* – LL.M., associate professor, Department of Private Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, tanik1796@rambler.ru
- Belonovskiy Vyacheslav N.* – Ph.D. in History, associate professor, professor, Department of Public Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, kpp369@yandex.ru
- Berbeneva Irina G.* – senior legal adviser, LLC “Miel – Ofis Izmaylovo”; postgraduate student, Department of Private Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, mail.ira@mail.ru
- Bezhanov Valeriy O.* – LL.M., associate professor, head, Department of Public Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, kpp369@yandex.ru
- Gafurova Alfiya H.* – postgraduate student, Department of Private Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, scorpi06@rambler.ru
- Glukhareva Lyudmila I.* – JD, professor, Department of International Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 2506646@mail.ru
- Kalina Vladimir F.* – LL.M., Ph.D. in Philosophy, associate professor, Department of International Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, Class III Active State Advisor of the Russian Federation, vfkalina@mail.ru
- Klimovich Evgenij S.* – Ph.D. in Technics, mak-mark@zakon.ru
- Kosyakova Natalia I.* – JD, professor, head, Department of Private Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, Honored professor of the Russian State University for the Humanities, 2506832@mail.ru
- Krapchatova Irina N.* – LL.M., associate professor, head, Department of Criminal Law and Procedure, Law Faculty, Institute of Economics,

Management and Law, Russian State University for the Humanities, crimlaw2007@yandex.ru

Kurskova Galina Yu. – Ph.D. in History, associate professor, Department of International Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 2506646@mail.ru

Lapatukhina Ekaterina S. – LLM, associate professor, Department of Public Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, kpp369@yandex.ru

Limina Natalya V. – postgraduate student, Department of Financial Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, natalya.limina@mail.ru

Maltsev Konstantin L. – Dr. in Veterinary sciences, associate professor, head, Legal Department, LLC “Scientifically-Implementary Centre Agrovetzaschita», mak-mark@zakon.ru

Markina Irina N. – teaching assistant, Department of Criminal Law and Procedure, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, viselhrat@yandex.ru

Mikheyev Yaroslav V. – chief, First Department, 168th Military Representation, Ministry of Defense of the Russian Federation; postgraduate student, Department of Financial Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, miheev.yaroslav@yandex.ru

Mraz Stanislav – LLM, professor, International Relations Faculty, Economics University (Bratislava), iveta.duranova@umb.sk

Netsvetaev Alexander G. – Ph.D. in Biology, associate professor, Department of Public Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, NAG1960-0204@mail.ru

Ruchkina Gulnara F. – JD, professor, head, Department of Entrepreneurial Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, gumer@bk.ru

Seleznev Alexander A. – teaching assistant, Department of Criminal Law and Procedure, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, crimlaw2007@yandex.ru

Simonyan Georgy V. – LLM, teaching assistant, Department of Financial Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, j.simonyan@gmail.com

Timina Elena I. – Ph.D. in Economics, associate professor, deputy head, Department of Residency and Internship, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, eitimina@yandex.ru

Tsiganovkin Vladimir A. – lecturer , Department of International Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, whitehall@bk.ru

Tsygankov Alan A. – chief expert, Currency Administration, JSC “TEMBR-BANK”; postgraduate student, Department of Financial Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, tsygankovaa@tembr.ru

Zhuchkov Sergey V. – LL.M, associate professor, Department of Civil Procedure, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 1290378@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 14,5.
Тираж 1050 экз. Заказ № 115

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

